

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

«ФОТОГРАФИИ ДУШИ»

Критические статьи и рецензии.
Стихотворения разных лет

**КЕМЕРОВО
2013**

ББК 83.3 (2 Рос 6 – 4 Кем) + 84 (2 Рос 6 – 4 Кем)

Н 39

*Благодарю Губернатора Кемеровской области
Амана Гумировича Тулеева, начальника департамента
культуры и национальной политики Кемеровской области
Ларису Теодоровну Зауэрвайн и директора Дома литераторов
Кузбасса, поэта Бориса Васильевича Бурмистрова
за помощь в издании книги.*

Составитель книги.

НЕБОГАТОВ, М. А. «ФОТОГРАФИИ ДУШИ»: Критические статьи и рецензии. Стихотворения разных лет / Сост. – Нина Инякина, дочь поэта М. А. Небогатова. Компьютерный набор, художественное оформление, обложка – Павел Окунев, внук поэта.– Кемерово, 2013. – 183 с.: ил. (Сер. Известный неизвестный Небогатов. Книга вторая).

«Шахтёры – это Кузбасс, химики – Кузбасс, строители – Кузбасс. И Небогатов – это тоже Кузбасс»

(Чигарёва Зинаида Александровна, писательница. Из выступления на чествовании поэта в связи с 50-летием со дня его рождения).

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Взяться за эту книгу меня побудили дневниковые записи поэта Михаила Небогатова, сделанные им в далёком 1969 году. Цитирую: *«Пятница, 31 января. Вчера поздно вечером, когда уже лёг спать, осенила меня вдруг интересная мысль: подготовить и предложить нашему издательству книгу критических работ. До того захватила меня эта задумка, что долго не мог уснуть – хоть вставай и начинай рыться в бумагах.*

Сегодня с утра я как раз этим делом и занялся. Пересмотрел все газетные рецензии, статьи, обзоры, вспомнил, что даже в журнале «Сиб. огни» выступал однажды с весьма интересной статьёй «О стихах и простом читателе» – и её сюда же.

Сделал примерный подсчёт страниц – двести с небольшим вышло, это где-то 10 печатных листов. Солидная книга (у А. Ф. Абрамовича его литочерки «На своей земле» – 8 печатных листов).

Что получается? Оказывается, если говорить откровенно, никто из кузбасских литераторов (поэтов, прозаиков) не занимается критической работой в таком объёме, как я. Добрый десяток книг прорецензирован мною в течение 12-15 лет, среди них книги Вити (Баянова), Жени (Буравлёва), Иг. Киселёва, Мих. Борисова, Пинаева, Вани Сокола, И. В. Зыкова, Ген. Юрова, Ст. Рыбака, Измайлова, Толи Саулова, нескольких молодых (точнее – начинающих), москвичей – С. Смирнова, Межирова, Анциферова. Есть также много интересных стихотворных обзоров, частных консультаций, заметок. Всё это, разумеется, при перепечатке я буду редактировать – сокращать, углублять какие-то высказывания, устранять повторения одних и тех же сходных мыслей и т. д.

Замысел очень и очень увлекательный. Но... согласится ли издательство издать такую книжку? Вот вопрос. Убеждать, настаивать я не умею, а ведь это – своеобразная летопись литературной жизни Кузбасса!».

Одна книга на основе обзоров стихотворчества начинающих авторов в рубрике «Факультет молодого литератора» в областной молодёжной газете «Комсомолец Кузбасса» уже вышла из печати. Называется она «От ученичества к творчеству» – это позаимствованное мною название одной из обзорных статей, наиболее точно отражающее суть книги.

А в основе этой – второй – книги, задуманной Михаилом Александровичем, но так и не изданной в своё время, – материалы из того же «Комсомольца Кузбасса» и некоторых других источников. Здесь читатели встретят статьи и Небогатова, и о нём, а также его стихи, публиковавшиеся в рубриках: «Новые стихи», «Антология

лирического стихотворения» и др. Некоторые из стихотворений посвящены собратьям по перу и добавляют несколько важных штрихов к их портретам.

Название книги – «Фотографии души» – пришло само собой. Это кусочек из стихотворения «Жду писем...», в котором поэт сравнивает письма с фотографиями души. А мне кажется, что и стихи Михаила Небогатова, и вся его творческая жизнь, и его отношение к Поэзии – это те же фотографии: фотографии его души, его поэтической натуры. Ведь не секрет, что за стихотворными строчками, за словами, с которыми поэт обращается к своим читателям и собратьям по перу, явственно проступает облик человека, их написавшего. Так пусть эта книжка покажет ещё какие-то грани личности поэта.

Думается, что чтение «Фотографий души» будет полезным и занимательным, а также вовлечёт читателей в захватывающий процесс изучения истории писательской организации Кузбасса через наиболее ярких её представителей, к каковым, без сомнения, относится и Михаил Небогатов.

То, что не вошло в данную книгу (информационный «перегруз» явно не пойдёт ей на пользу!), нетрудно будет найти в областной научной библиотеке имени В. Д. Фёдорова и на сайте кемеровской областной организации Союза писателей России. Любой, кому это будет интересно, сможет поработать самостоятельно со статьями Михаила Небогатова и со стихотворным наследием его и других поэтов.

Слова моей самой сердечной благодарности за помощь в работе над обеими книгами сотрудницам отдела периодических изданий областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова Сапрыкиной Наталье Михайловне, Захаровой Ольге Михайловне, Елисеевой Алевтине Викторовне, Астафьевой Ирине Александровне и Гуровой Елене Александровне. Без них эти книги не состоялись бы.

Составитель сборника:
Нина Инякина.

«РАЗНЫМИ ГРАНЯМИ...»
 (РЕЦЕНЗИИ. КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ.
 ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ СОБРАТЬЕВ ПО ПЕРУ)

ПОЭТ МЫСЛИТ ОБРАЗАМИ

(По страницам рукописей)

В предыдущих заметках о стихах мы на конкретных примерах попытались уяснить, что такое рифма, ритм, сравнение, эпитет и каково их значение в поэтической речи. Перейдём теперь к более сложному предмету нашего разговора – к образу.

Вот как охарактеризовал эту основную особенность художественного творчества В. Г. Белинский: «Поэт мыслит образами, он не доказывает истины, а показывает её».

Если, скажем, учёный обобщает свои наблюдения над жизненными явлениями непосредственно в понятиях, то поэт, в отличие от него, создаёт красочные картины жизни и своё отношение к ней, понимание её выражает не посредством прямых выводов, а при помощи образов. И чем ярче образы, тем яснее для читателя обобщения и основная идея той или иной художественной вещи.

Возьмём «Полтаву» А. С. Пушкина, в частности, то место в ней, где описывается красота Марии:

<i>И то сказать: в Полтаве нет Красавицы Марии равной. Она свежа, как вешний цвет, Взлелеянный в тени дубравной. Как тополь киевских высот, Она стройна. Её движенья То лебедя пустынных вод</i>	<i>Напоминают плавный ход, То лани быстрые стремленья. Как пена, грудь её бела. Вокруг высокого чела, Как тучи, локоны чернеют, Звездой блестят её глаза, Её уста, как розы, рдеют.</i>
--	---

Представьте, что встретился вам знакомый и говорит: «Я сегодня видел очень красивую девушку!». Много ли даст одно это сообщение, если не добавить, чем именно красива девушка, сможете ли вы представить зримый облик увиденной вашим знакомым красавицы? Вряд ли.

В приведённом отрывке вначале тоже лишь просто сообщается читателю: «В Полтаве нет красавицы Марии равной». Другой, невзыскательный поэт, возможно, этим бы и ограничился. Иначе поступил А. Пушкин: он нарисовал яркий портрет, причём портрет не статический, а живой. Мы узнаём не только то, что у Марии стройный стан, чёрные волосы, высокий лоб, блестящие глаза и проч., но и то, что движения её порою плавны, порою стремительны. Красочность образа достигается здесь, как это нетрудно заметить, по-пушкински смелым применением точных и броских сравнений и эпитетов.

Иные авторы обижаются, получив от литконсультантов письмо, в котором высказывается добрый совет: больше читайте, учитесь у Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока... Напрасно обижаются. Совет старый, а поэзия их – нестареющая.

В могучем роднике русской классической литературы черпают силы все современные писатели. Естественно, что и многие молодые авторы, о чьих стихах будет речь ниже, обращаются в своей работе к богатому опыту великих предков.

Серьёзно, вдумчиво работает, судя по всему, начинающий литератор **Олег Ключиков** (г. Мыски). Познакомимся поближе с одним из его лирических стихотворений, которое наиболее полно соответствует теме настоящих заметок.

В прозаическом пересказе содержание стихотворения таково: жаркий летний день склонился к вечеру; у кедр, озарённая отблеском заката, стоит девушка с гитарой; с грустью прислушивается она к чьей-то песне вдалеке; а где-то в стороне одиноко бродит её любимый; между ними, очевидно, произошла глупая размолвка, и они уже не прочь помириться, но чувство взаимно оскорблённой гордости мешает им сделать первый шаг к сближению; закат догорел, песня смолкла, на глазах у девушки – слёзы...

Лишний раз убеждаешься, что поэзия не поддается пересказу. Несмотря на обилие слов, потраченных на изложение небольшой вещицы, наш пересказ не передаёт и сотой доли того, что составляет колорит самого оригинала. Поэтому мы и процитируем его целиком.

Вечер в поднебесье

Зной-жару унёс.

Кто-то вылил

в песню

Жаркий шёпот грёз.

Долго кедр старый

Провожал закат.

Девушка с гитарой

Уронила взгляд.

Песня тихо спета

И замолк аккорд.

Милый бродит где-то

Одинок и горд.

Всё темнее вечер

Колдовал в кустах

О желанной встрече,

О слезе в глазах.

Могут спросить: зачем пересказывалось всё это? Не лучше ли было сразу привести текст? Отвечаем: затем, чтобы наглядно показать, как преобразуется под пером поэта, в стихотворных строчках любая прозаическая мысль.

Стихотворение, безусловно, не лишено недостатков, художественный вкус автора не совсем ещё отточен, о чём свидетельствуют фразы, вроде «жаркий шёпот грёз», «колдовал в кустах» и т. п., однако кто станет отрицать, что О. Ключиков действительно мыслит образами, а не отвлечёнными понятиями, что в целом его стихотворение оставляет впечатление настоящей поэзии. Почти каждая строка у него содержит подтекст, заставляет работать наше воображение, настраивает на лирический лад. Вдумайтесь в строчки: долго кедр старый провожал закат. Как это поэтично: старый разлапистый кедр на фоне медленно угасающей вечерней зари...

Вместе с пожеланием успехов в будущем выскажем автору и другое пожелание: пусть увлечение образностью не превратится в самоцель, иначе стихи станут никому не нужными шарадами. О. Ключикову необходимо развить чувство меры: местами у него проскальзывает стремление к созданию усложнённых образов, какие, например, отяжеляют ранние стихи С. Есенина.

Кто из поэтов не писал стихов о природе, у кого из них нет строчек о зиме? Трудно здесь сказать своё, свежее слово. Трудно, но всё-таки можно. Перед нами стихотворение **Геннадия Трухина** (г. Кемерово) с привычным названием «Вьюга».

Первые восемь строчек не обещают как будто ничего интересного, написаны они хотя и образно, а всё же несколько шаблонно:

*Вьюга, вся от злости белая,
Мчит по улице села.
Что ж ты, злая, понаделала?
Что ж ты тропки замела?*

*Но ещё сильнее бедовая
Загудела мне в ответ:
К дому сыщешь тропку новую.
Для любви преграды нет.*

Не стоило бы и говорить об этих строчках, особенно, о последней, избитой и затасканной, если бы стихотворение на этом кончалось. Но в том-то и дело, что есть у него ещё одно четверостишие, ради которого, наверное, и была написана «Вьюга»:

*Понял я, права капризница.
Но пора и ей бы знать,
Что не очень просто в жизни-то
Тропки новые искать.*

Чего греха таить, боятся подчас наши критики похвалить молодого поэта, даже тогда, когда он, без сомнения, заслуживает этого: молодой, дескать, как бы не зазнался, да и плохих-то строчек у него больше, нежели хороших. Зато ругать не стесняются. От зазнайства опекают, а уничтожение надежды на будущие удачи им кажется чуть ли не благотворным стимулом.

С подобным подходом к творчеству малоопытных авторов нельзя согласиться. Мы берём на себя смелость заявить прямо, без оговорок, что в двух заключительных строчках Г. Трухин достиг такой глубины обобщения, в какую проникает незаурядное поэтическое дарование. Пусть верит в свои силы человек, у которого забракован добрый десяток четверостиший, но который имеет в своём активе талантливые строчки – неважно сколько, хотя бы всего-навсего две.

Хорошо сказал однажды Степан Щипачёв:

*Я плачу над счастливою строкой,
Пусть написал её не я – другой.*

И в самом деле, как не порадоваться счастливо найденным строчкам собрата по перу.

Первому снегу посвящено стихов не меньше, пожалуй, чем вьюге. Предлагаем вашему вниманию ещё один вариант:

*Словно пухом из подушки рваной,
Снег укутал землю утром рано.
Свежесть утреннюю разрезая,
Пролетел к кустам трусливый заяц.
Ах, однако, снег, жесток ты слишком:
Ты забыл, что сер ещё зайчишка.*

Автор этой поэтической зарисовки – **Фёдор Бегашев** (г. Осинники). Врождённую наблюдательность, тонкое художественное чутьё надо иметь, чтобы вот так, двумя – тремя штрихами, показать начало зимы: серенький зайчишка скачет по снежному полю. Подобными находками не очень часто радуют читателя и маститые поэты.

Мастерство приходит после долгих лет упорного труда. Не удивительно, что на первых порах все пишущие допускают ошибки. Соблазнит молодого автора какая-нибудь запоминающаяся деталь – скорей её в стихи. Рядом, глядишь, другая – и эту давай сюда. А в результате – нагромождение ничем не связанных между собою образов, и больше ничего.

Сошлёмся на характерный пример. В стихотворении **А. Гуковского** (г. Кемерово), литератора довольно способного, есть следующие строчки:

*Будто струны, рельсы загудели,
Поднял семафор своё крыло.*

Попробуем увидеть это глазами автора. Рельсы показались ему похожими чем-то на струны. Что ж, вполне допустимо. А поскольку семафор поднял крыло, значит, он напомнил птицу. И по поводу такого сравнения нет надобности спорить. Напрашивается, однако, вопрос: что общего у птицы со струнами, в какой связи они здесь фигурируют?

Автор, конечно, не враг себе, намерения имел самые честные: как можно красочнее нарисовать железнодорожное полотно с возвышающимся над ним семафором; но, искусственно соединив несовместимые предметы, наоборот, стусевал то, что без сравнительных умозаключений выглядело бы куда зримее.

Нам известны стихи **А. Гуковского**, о которых нельзя сказать, что они перегружены образами. И эти-то стихи – простые, безыскусственные – как раз и ложатся на душу. Взять, к примеру, стихотворение «Ответ». В нём повествуется о раздумье человека, разуверившегося в своей любимой, которую, как выяснилось, кроме танцев да курортных побережий, мало что интересует в жизни. Заканчивается стихотворение – в целом немного грустное – светло, оптимистично:

*Пусть я выбрал трудную дорогу,
Жизнь по ней с достоинством пройду.
Здесь себе я верную подругу
Не на танцах, а в труде найду.*

И верится почему-то, что не пустые эти слова, а выстраданные и взвешенные на весах большой любви.

Непродуманность в создании поэтического образа в некоторых случаях заводит в тёмный лес. Так, **А. Уваров** (с. Кузедеево) в стихотворении «Сосна» уподобляет опавшую листву клёнов и тополей бархату поверженных знамён. Автор забыл, что повергают обычно что-нибудь громоздкое, тяжёлое, чего никак не скажешь о знамёнах или о листве. Кроме того, знамёна, брошенные на землю, сразу же ассоциируются с побеждённым врагом. Однако никаких вражеских «элементов» в стихотворении нет; было бы явной натяжкой считать врагами сосну и тополь.

Желание автора писать во что бы то ни стало образно оборачивается местами заумной высокопарностью, местами литературной безграмотностью: деревья «сникли, скрыв бессмертие надежд», «я стою... жизни несмолкаемым (?) дыханьем».

Между тем, **А. Уваров** может писать по-настоящему образно и в то же время не мудрствуя лукаво:

*Я не боюсь прощания минуты.
Не ты ль сама, смеясь, сказала мне,
Что для того уходишь в темноту ты,
Чтоб вспыхнуть светом сразу же в окне.*

Любовь, скрывшаяся в темноте, чтобы снова вспыхнуть светом в окне – очень ёмкий образ, в котором органично сочетаются и прямой и переносный смысл. Портит это четверостишие неблагозвучное «темноту ты».

Писать образно – отнюдь не значит кудреватого выражаться. Плохо, когда стихи грешат такой безвкусицей, как, например, в «Неоконченной поэме» **П. Барышникова** (г. Белово).

*В труде мастерство познавали,
Входило оно в... организм (?!)*

Мастерство входило в организм?

Следует оговориться: в целом поэма представляется нам обещающей, критика относится только к двум упомянутым строчкам.

Само собой разумеется, что образное отображение действительности – человеческих характеров, природы и т. д. – должно быть, прежде всего, правдивым, идейно насыщенным. Красивые безделушки, как ими ни восхищайся, остаются всё-таки безделушками. Любое стихотворение – пусть это будет разговор о любви или пейзажная картинка – найдёт отклик в сердце читателя-друга, если оно проникнуто не мелким настроением, не мещанским душком, а победным утверждением жизни и всего прекрасного в ней.

Мыслить образами – это живописать словом, которое лишь тогда становится достоянием народа, когда оно рождается в груди поэта – «не ради славы – ради жизни на земле».

Мих. НЕБОГАТОВ.

// Кузбасс. – 1957. – 6 марта. – С. 3.

О СТИХАХ И ПРОСТОМ ЧИТАТЕЛЕ

К съезду писателей РСФСР

Трибуна писателя

Известно, что прозу покупают и читают охотнее, чем стихи. Сборники стихов чаще всего долгими месяцами пылятся под торговыми прилавками как неходовой ассортимент.

В «дни поэзии», которые за последние годы стали проводиться в крупнейших центрах страны, – другое дело. Иногда за один такой день стихотворных сборников продаётся больше, чем за полгода. Однако обольщаться этим не следует.

Ни для кого не секрет, что имена ряда наших поэтов – не только молодых, но и многолетним творческим стажем – известны лишь в сравнительно узком литературном и читательском кругу.

Почему же читатели вынуждены относиться к стихам равнодушно? Когда-то это было вполне понятным явлением: кому хотелось ломать голову над стихотворными ребусами, скажем, декадентов, символистов или футуристов?

В предисловии к собранию Ивана Бунина А. Тарасенков упоминает очень интересное высказывание поэта, относящееся к 1913 году: «Исчезли драгоценнейшие черты русской литературы – глубина, серьёзность, простота, непосредственность, благородство, прямота, и морем разлились вульгарность, надуманность, лукавство, хвастовство, дурной тон, напыщенный и неизменно фальшивый».

Сейчас дело обстоит иначе. Советские поэты не считают свою профессию привилегией избранных, а живут интересами народа и пишут о нём и для него. И, тем

не менее, труд некоторых стихотворцев, надо прямо сказать, пропадает даром. Над этим надо бы задуматься, и прежде всего – самим поэтам.

Не является ли одной из причин равнодушия массового читателя к стихам именно отсутствие в части поэтических произведений тех качеств литературы, которые И. Бунин называет драгоценнейшими? Ведь нередко бывает, что прочтёт человек никчёмное пустое стихотворение – и вкус его к поэзии отравлен. Он уже решает про себя, что все стихи, пожалуй, таковы...

Стихов, в которых наличествуют надуманность и фальшь, печатается у нас, к сожалению, ещё немало.

Вот возьмём журнал «Молодая гвардия» № 3 за 1957 год. Под рубрикой «Первые стихи» находим здесь подборку стихов Валерия Рыжей. Первые стихи, неизвестное имя – как это интересно! Читаем:

*Я это вижу каждый год...
Опять на реках стаял лёд,
И слышно, как трава растёт,
Как в тесной почке лист живёт,
И землю корень раздаёт.*

Не ново, правда, но будем терпеливы, дочитаем до конца. Стихотворение, оказывается, оригинальное по мысли. Молодому поэту «надоел круговорот» в природе, в жизни, и он хочет найти страну, где «всё идёт наоборот». Стрелки часов там ползут в обратную сторону, трава растёт вглубь земли, «четырежды четыре – два». Там даже рифма слышится всегда меж словом «нет» и словом «да».

В. Рыжей, похоже, всем сердцем стремится подальше от нашей грешной земли – в ту сторону, где

*живёт всегда наоборот
наоборотичей народ.*

Наконец, собственный «круговорот фантазии» тоже надоедает поэту, и он чистосердечно признаётся:

*Я там, наверное, пойму,
Что это вовсе ни к чему,
И что четыре – дважды два
И что весна всегда права.*

Думается, совсем не трудно понять, «что это совсем ни к чему», – сочинять стихи о каких-то «наоборотичах». О достоинствах следующего стихотворения В. Рыжей «Улица» можно судить по двум последним – обобщающим – строкам:

*Улица – улица
Иногда рифмуется,
иногда не рифмуется.*

Уразуметь подобное глубокомыслие не всякий сумеет. В самом деле, когда улица рифмуется с улицей, а когда нет?..

В том же номере журнала напечатано стихотворение Б. Слуцкого «У моря», поэта уже немолодого. Вот начало этого стихотворения:

*Берег сотрясается восторгом.
Вышка так и ходит шатуном.*

Сто солдат скидают гимнастёрки,

Сто солдат скидают сто штанов.

Для чего понадобились в стихах эти «сто штанов»? Созвучие с «шатуном» соблазнило? Ведь и так ясно: если солдат – сто, значит и штанов – столько же. После вступления с цифровыми данными о солдатских штанах дальше читать стихотворение, откровенно говоря, не хочется.

В сознании простых людей с давних пор укоренилось представление о поэзии как о чём-то складном и умном, когда строчка стихов может стать крылатой фразой, поговоркой, афоризмом, а всё стихотворение – песней. А мы зачастую потчуем читателя стихами, в которых трудно уловить суть мысли поэта. Вот, например, стихотворение Л. Мочалова «Парк победы» (журнал «Октябрь», 1952 г.):

*Мы вышли с весёлой
размашистой песней
на общий воскресник.*

*Было рано,
пробирала промозглость,
толица тумана
глушила песню и возглас.*

*Никто не смел отсидеться
в сторонке,
и не было лишних.*

*Фырча, разворачивались пятитонки,
ссылая железо, кирпич,
стекло и булыжник...*

Вот уж, поистине, стихи – булыжники. Самого что ни есть крепкого читателя можно ушибить ими.

Ещё пример – «Ленинградские стихи» Л. Лиходеева, опубликованные 23 июня 1957 года в «Комсомольской правде». Массовому читателю предлагаются следующие строки:

Продукцию эту видать за версту:

Изяцна и добротна.

Здесь все сработают начистоту,

Гордясь своей работой...

Я рад, что хвастать могу перед миром

Славою марок ленинградских...

Сомнительно, чтобы кто-то из ленинградцев захотел выучить наизусть посвящённые им стихи.

* * *

Когда-то Лев Толстой, говоря о литературе, восклицал: «Ах, простота – это несомненный признак настоящего, серьёзного и нужного!» И он же советовал: «Надо учиться писать для массы... для простого читателя».

Стремление быть понятным присуще всем большим писателям. Вспомним слова Д. Бедного: «Мысль излагают просто те, кто мыслит ясно, смело, честно...»

Истина старая, и незачем было бы повторять её, если бы не встречались среди поэтов «наоборотичи», которые изо всех сил стараются удивить мир какой-нибудь заумью. Подаётся эта заумь под разными соусами, чаще всего – под видом «оригинального» образного мышления...

Соль моя! Мелкая... крупная... градом...

Спутница жизни, жена и сестра, –

читаем в стихотворении Виктора Бокова «Соль» («Октябрь», № 10, 1956 г.).

Что и говорить, крепко пересолил поэт, назвав соль... своей супругой и сестрой. Сторонники «усложнённой образности», вероятно, найдут в этих строчках подтекст и поэтическую выразительность. Мы не находим. Больше того – ждём, что некая поэтесса, родственная В. Бокову по духу, порадует читателя чем-нибудь столь же запоминающимся, вроде:

Сахар мой! Песок и рафинад...

Спутник жизни, муж и милый брат!

В одном из номеров газеты «Литература и жизнь» была опубликована статья В. Ардова «Печальная эстафета», в которой автор покритиковал некоторые стихи Михаила Луконина, Евгения Винокурова и Александра Коренева. Но не прошло и месяца, как в той же газете появилась статья Сергея Львова под красноречивым заглавием «В защиту поэтов».

В. Ардов утверждал, например, что выражение «поскрипывают облака», принадлежащее поэту Кореневу, весьма сомнительно по своей правдоподобности. С. Львов с этим не согласен.

Он пишет:

«...У Коренева очень неплохая пейзажная строфа. Человек бродил по лесу, собирал грибы, устал, глядит в высокое голубое небо, и кажется ему: облака поскрипывают. То ли потому, что вспомнились ему паруса и мачты, то ли потому, что скрипят верхушки сосен. Этого поэт не объясняет. И не обязан объяснять».

Поэт не объясняет, но пришлось за него сделать это другому. Облака, стало быть, могут всё-таки поскрипывать?

Жаль, что Сергей Львов не взялся объяснить читателю, что вспомнилось тому же поэту, когда он землю сравнил со сковородой:

Земля

идёт на нас

туманна,

Качаясь, как сковорода.

Любой защитник в данном случае окажется бессильным, чтобы доказать поэтичность этого образа. Только вряд ли нужна поэтам защита от критики тех их стихов, которые нуждаются в специальном разъяснении.

Не лучше ли, когда читатель – шахтёр, каменщик, колхозник, школьник – может сказать «с книжкой в руке»:

Вот стихи, а всё понятно.

Всё на русском языке.

(А. Твардовский. «Василий Тёркин»).

* * *

Иногда критики хвалят стихи за злободневность, но всякий пишущий обязан постоянно помнить, что одной злободневности для художественного произведения недостаточно. О мастерстве у нас говорится много, а требуют его не всегда.

Высокой степенью мастерства является, на мой взгляд, умение поэта разговаривать с читателем, как с близким другом, – по душам.

Здесь уместно напомнить слова Твардовского, обращённые им к участникам совещания молодых писателей в 1947 году:

«Беда молодого поэта обычно начинается с того, что он адресуется не к народу, а к кругу своих сверстников или к поэтам, которые, так или иначе, импонируют ему своим творчеством или добрым отношением к нему. Добыть же доброе отношение читателя гораздо труднее».

Да, как бы ни было трудно, надо его добывать – доброе отношение читателя. Равняться молодёжи есть на кого. Замечательный пример показывают нам Александр Твардовский и Михаил Исаковский. Их истинно народные произведения знают все – от мала до велика.

Есть чему поучиться и у таких мастеров, как С. Маршак, С. Щипачёв, С. Смирнов, Я. Смеляков, С. Васильев и многие другие – всех не перечислишь: так велика наша поэзия разнообразными талантами.

У старейшего сибирского поэта Ивана Ерошина есть такие строки:

*Когда придёт счастливая пора,
Словам стиха цвести из-под пера,
В одежды света мысли ты одень,
Чтоб времени их не коснулась тень,
А корни света влагой напои,
Лучистой влагой страсти и любви.*

Эти слова звучат как отеческий наказ молодым поэтам. Свет поэзии только тогда проникает в душу читателя, когда он исходит от сердца, полного страсти и любви.

В заключение хочется напомнить высказывание В. Г. Белинского о том, что только те стихи приобретают большое значение, «в которых даже практические, житейские мысли облечены в такие пленительные поэтические образы и всё так резко запечатлено печатью русского ума и русского духа».

М. НЕБОГАТОВ. г. Кемерово.

// *Сибирские огни.* – 1958. – № 8. – С. 3 – 6.

ПОЭЗИЯ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Идёт всесоюзная молодёжная читательская конференция «Молодой герой советской литературы»

Когда мы задумываемся о молодом герое советской литературы, мы сразу же вспоминаем какого-нибудь живого, конкретного человека, нашего знакомого, которого встречаем у мартеновских печей, в забое шахты, на лесах новостроек, на целине – всюду, где нам приходится бывать. Но всегда ли мы помним молодого героя минувшей войны? Не стирается ли его облик в нашем сердце? А ведь это он закрывал своим телом изрыгающие огонь вражеские амбразуры, это он, преодолевая почти детский страх, полз со связкой гранат под лязгающие гусеницы фашистского танка... Это он в огне и дыму штурмовал гитлеровское логово – рейхстаг и был убит, опрокинут в

небытие – со всем своим неповторимым миром надежд и мечтаний – за два часа до победных салютов из автоматов и винтовок оставшихся в живых. Но и погибнув, он не ушёл из нашей жизни. Оставшись навсегда молодым, стоит он – теперь уже бронзовый – на высоком пьедестале планеты, как грозное предупреждение всем захватчикам и как символ бессмертной юности.

Об этом герое, которым часто является сам автор, создано немало хороших книг – и мы должны знать их наряду с книгами о героях, рождённых после войны.

Передо мной объёмистый томик в голубой обложке с краткой надписью внизу: «А. Межиров. Стихотворения». Это имя хорошо известно любителям поэзии, оно в нашем представлении неразрывно связано с именами его сверстников и однокашников – с Михаилом Лукониным, Сергеем Орловым, покойным Семёном Гудзенко. Давно ли, кажется, мы читали их первые, пахнувшие порохом, стихи, давно ли называли их молодыми авторами, а вот уже они значатся в рубрике поэтов среднего поколения, и у каждого из них вышли солидные томики избранного. Но повзрослели, возмужали только авторы, а их лирические герои по-прежнему молоды.

Сборник Александра Межирова с полным основанием можно было бы назвать «Избранное», т. к. в него вошли лучшие стихи поэта, написанные почти за два десятилетия – с 1943 по 1962 год. Но суть не в названии. Важно то, что читатель получил возможность познакомиться с поэзией Межирова почти в полном объёме, если не считать его переводную работу.

Творческая биография А. Межирова, так же, как биографии упомянутых выше поэтов, началась там, где грохотали орудия и выли снаряды. Много ужасного принесла война, но, как это ни странно, а своим поэтическим рождением Межиров обязан именно ей, войне. Там, среди огня и дыма, смятенное сердце юноши, переполненное любовью к родной, поруганной земле и ненавистью к жестокому, коварному врагу, впервые высекло ту искру, которой суждено было стать искрой поэзии. В окопах, блиндажах и землянках, в коротких перебежках под ливнем свинца начал свою взрослую жизнь будущий поэт.

Когда человек счастлив, он думает о будущем. А в несчастье он невольно обращается к прошлому, к лучшим дням своей жизни; воспоминания греют, утешают его. И каким бы коротким ни был твой жизненный путь, всегда найдётся, что вспомнить. И нередко в такие минуты бывает, что на своё прошлое мы глядим как бы чужими глазами, видим себя как бы со стороны. До чего же приятно юному бойцу, который каждую минуту может быть убит снайперской пулей, приоткрыть дверцу в недавнее, милое сердцу время, когда он ходил под мирным небом в школу, играл с друзьями в снежки, по вечерам сидел у лампы с абажуром, а потом спокойно засыпал – подумать только! – не на земле, а в тёплой, мягкой постели под тиканье часов...

*Я лежу в пристреленном кювете.
Снег седой щетиной на скуле.
Где-то человек живёт на свете –
На моей красавице земле!
Знаю, знаю – распрямлюсь
да встану,
Да чрез гробовую полосу*

*К вражьему ощеренному стану
Смертную прохладу понесу.
Я лежу в пристреленном кювете,
Я к земле сквозь тусклый лёд приник...
Человек живёт на белом свете –
Мой далёкий ответ!
Мой двойник!*

Какой щемящей болью, какой гордостью за мужество и многотерпение юного труженика-солдата пронизывает это стихотворение («Человек живёт на белом свете»)! Оно наполнено необыкновенной лиричностью, которая, в общем-то, не присуща Межирову, большинство стихов его написано в сдержанной, несколько суховатой манере. Но тем радостнее открывать у поэта с мужественными интонациями стихи, отмеченные мягкостью, задушевностью. Наличие таких стихов позволяет нам предполагать, что, не будь войны с её железной поступью, кто знает, может статься, сейчас бы перед нами был другой поэт Межиров – тонкий лирик... Однако война сделала своё дело – дала нам поэта с суровым, как она сама, голосом, и мы рады, что слышим его таким, какой он есть. Мы рады, что Межиров подарил нам стихи, исполненные эпического величия, как вот этот гимн многострадальной царице полей – пехоте:

*Я сплю, положив голову на
Синявинские болота,
А ноги мои упираются в Ладугу и Неву...
А когда я встаю и делаю шаг в атаку,
Ветер боя летит и свистит у меня в ушах,
И пятится фронт, и катится гром к рейхстагу,
Когда я делаю свой второй шаг.*

Читая одно за другим стихотворения Межинова, замечаешь, что талант его наиболее полно раскрылся в произведениях, так или иначе связанных с военной темой, будь это лирический репортаж, написанный под непосредственным впечатлением от боевой обстановки, или стихотворное воспоминание об уже минувших сражениях. Если ты рождён поэтом, для тебя не существует явлений и предметов, которые бы ты не мог приподнять. Все, кому довелось быть участником Отечественной войны, помнят, конечно, такую сугубо прозаическую вещь, как солдатский медальон (который попросту называли смертным медальоном). Казалось бы, что, кроме мрачных раздумий, может вызвать созерцание этого печального предмета. Но какое светлое, жизнеутверждающее стихотворение написал Межиров о медальоне!

Когда-то Семён Гудзенко написал стихотворение, в котором были такие запоминающиеся строки:

*Быть под началом у старшин
Хотя бы треть пути, –
Потом могу я с тех вершин
В поэзию сойти.*

А. Межиров сошёл в поэзию именно с тех вершин, с вершин военного, фронтового опыта. Много у него хороших стихов о горьком, но славном ратном труде, о дорогах, по которым протопали от Москвы до Берлина молодые воины – герои сороковых годов. Лучшую пору своей жизни отдал поэт Советской армии, её делам и заботам, и не потому ли, уже находясь вне её рядов, он снова и снова посвящает ей тёплые, проникновенные строки. Обращаясь к проехавшим мимо солдатам нового призыва, он взволнованно восклицает:

*– Здравствуй, Армия – юность моя!
Срок прошёл не большой и не малый*

*С той поры, как вели мы бои.
Поседели твои генералы,
Возмужали солдаты твои.*

Не мог пройти Межиров и мимо такого явления, как развенчание культа личности Сталина. Что скрывать, в детстве и юности он боготворил это имя, и не так-то просто освоиться с мыслью о мнимом величии человека, чей портрет долгие годы висел на стене в каждой квартире. Но сама жизнь доказала поэту, что со смертью Сталина открылись людям новые, весенние дали, и родилось аллегорическое стихотворение «Прощание со снегом»:

*И сколько б ни валила с неба
На землю зимняя страда, –
В Москве не будет больше снега,
Не будет снега никогда.*

О стихах А. Межирова не скажешь, что они страдают мелкотемьем, что они камерны, бедны мыслями и чувствами. Если и есть у него вещи такого рода, то их немного. В целом же его поэзию отличает партийная страстность, публицистичность, гражданственность. Это ему, Александру Межирову, принадлежит одно из лучших в советской поэзии стихотворение об авангарде рабочего класса, о чести и совести нашего народа – о коммунистах. Только поэт, живущий интересами и чаяниями своего народа, своей эпохи, мог написать такое великолепное стихотворение. Как эстафету, понесёт в будущее каждый комсомолец, каждый молодой наш современник страстные, зажигающие строки поэта:

*Повсеместно,
Где скрещены трассы свинца,
Где труда бескорыстного невпоровот,
Сквозь века,
на века,
навсегда,
до конца:
– Коммунисты, вперёд!
Коммунисты, вперёд!*

Мих. НЕБОГАТОВ.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 4 октября.
– С. 3.*

«МОЯ РАБОТА – МОЯ ЛЮБОВЬ»

**Идёт всесоюзная читательская конференция
«Молодой герой советской литературы»**

Несколько лет назад мне довелось редактировать первую книгу стихов Евгения Буравлёва «Кладоискатели». Тогда, читая рукопись, я обратил внимание на одну характерную для автора особенность: в литературу входил поэт, уже хорошо знающий дело, за которое он взялся, имеющий свою заветную тему. Перед нами был не просто

способный стихотворец, пишущий обо всём понемногу, а страстный и убеждённый певец рабочего класса.

С тех пор Е. Буравлёв выпустил в Кемерове ряд сборников – «Родник у дороги», «Красная Горка», «Узнаю тебя, друг». Всё лучшее из них составило книгу «Моя работа – моя любовь», вышедшую в нынешнем году в издательстве «Советская Россия». О ней и хочется поговорить.

В самом названии книги выражена определённая тенденция. Поэт во всеуслышание заявляет: «Что люблю, о том и пою. А люблю я творческую работу, приносящую людям радость. Только рабочий человек, творец большого и малого, достоин внимания и уважения». Что ж, такую тенденциозность можно лишь приветствовать, тем более что она рождена жизненным опытом и душевным пристрастием.

Е. Буравлёв пришёл к читателю из той среды, где добывают хлеб своим трудом, орудуя киркой и лопатой, где «мозолями гордятся, как медалями». Поэтому лучшие его стихи о людях труда – о создателях городов, заводов и железных дорог, о металлургах, мостовиках, крановщиках – не оставляют читателя равнодушным, воспринимаются им как доверительное откровение активного участника тех героических свершений, которые являются стартовой площадкой для нашего взлёта к вершинам коммунизма.

Надо самому испытать груз нелёгкого труда и вместе с тем радость созидания, чтобы, рассказав о самоотверженности молодых строителей дороги, выбивающихся из сил под дождём, в вязкой глине, сделать вот такое точное поэтическое обобщение:

*А когда был откос зачищен,
Сдан последний метр под укладку,
Ты как будто светлей и чище
Возвратился в свою палатку.*

Да, именно светлей и чище кажется человек, преодолевший трудности, сделавший для людей доброе дело. Пусть ты весь – от тяжёлых сапог до набухшей кепки – заляпан грязью, а не покидает тебя чувство праздничности. Едва ли это ощущение знакомо тунеядцу, которому и лёгкий костюм с иголочки давит на плечи, оттого что его хозяин не видит просвета от своей угрюмой скуки и праздности.

Прославляя рабочего человека, восхищаясь красотой его духовного облика, Е. Буравлёв показывает не только пафос труда, а и те конфликты, которые неизбежно встречаются на пути его героев.

*Тебе всей роднѣй напророчен
С пелёнок орлиный полёт,
А жизнь лишь подсобным рабочим
Тебя для начала берёт.*

Думаете, так просто быть «на подхвате», подносить кирпичи, если молодой человек мечтал о высоком полёте? Но для того, чтобы обрести крылья, надо чему-то научиться. Многие дни проходят в сомнениях, в упорной учёбе, в освоении избранной профессии. И если ты действительно хочешь быть полезным обществу, если в твоём сердце постоянно живёт жажда поисков и находок, ты обязательно осуществишь заветную мечту – из подсобника выйдешь в мастера своего дела. Неважно, что в твоих

руках не штурвал самолёта, а всего-навсего мастерок каменщика, всё равно ты счастлив: дело твоё увлекло тебя, захватило, подарило чувство окрылённости:

И скажет из новеньких кто-то:

– Видать по полёту орла!..

Эх, мне бы такую работу,

Чтоб за душу прямо брала!

Я не случайно делаю акцент на трудовой тематике, так как она красной нитью проходит через всё творчество Е. Буравлёва. Как о самых близких своих друзьях, пишет он о парнях-сталеварах «в грубых башмачищах»; о бригадире, которого «сама бригада на должность выбирает»; о мостовике, оставившем свой след на Амуре и Сунгари, на Днепре, Дону и Неве; о безымянной девочке из Казани, по доброй воле приехавшей на строительство Южсиба; о взрывнике Никодиме, трагически погибшем при исполнении служебного долга; о мотористке красавице Любушке, ради которой ребята на работе из кожи лезут; о «ясноглазой зорьке в крылатом прорабском плаще, в сапогах-кирзачах»; о крановщице Насте, которая, по словам её деда, «маячит в будке подвесной промежду небом и землёй».

Это ими, своими славными друзьями и товарищами, чьи глаза «ни в большом и ни в малом не умеют лгать», уполномочен поэт честно рассказать правду о наших современниках, смолоду посвящающих свою жизнь служению Отчизне и её высоким идеалам:

И когда кто-то к слову заметит:

мол, хватит уже вам

и посёлков, и шахт,

и протоптанных вами дорог, –

ты, всегда подотчётен

перед тем, кто убит подо Ржевом,

спросишь мысленно совесть:

а всё ли я сделал, что мог?

Всё это святое беспокойство совести помогает героям Е. Буравлёва жить на большом накале, всего себя, а иногда и саму жизнь (вспомним взрывника Никодима) отдавать вечному, неугасающему пламени, имя которому Труд.

Весьма возможно, что кое-кому из тех, кто ещё плохо знаком с творчеством Е. Буравлёва, покажется, будто стихи, о которых я говорю, имеют чисто производственный характер. Нет, это далеко не так. Технология производства – не предмет поэзии. В центре внимания поэта – человек со всеми своими раздумьями, радостями и огорчениями. Жизнь этого человека не идиллична, а до краёв полна горячим ветром века, его страстями и волнениями. Лучшие стихи сборника (а их большинство) образны, полнокровны, насыщены значительными мыслями и неподдельными чувствами.

Всё ли безусловно в стихах Е. Буравлёва? Конечно, нет. Ведь и поэты, обладающие известным мастерством, не застрахованы от частных срывов и просчётов. Есть у Е. Буравлёва и такие вещи, которые ниже его возможностей, например, стихотворение «Бригадир», где подсказанная житейской практикой мысль не получила образного воплощения, выражена декларативно. Есть не новые образы, вроде вот этого: «Его Превосходительство – Металл!». Встречаются, наконец, неудачные слова: «Укрощать любые бури чувств жизнь меня приваживала с детства». Точнее, видимо, сказать «приучивала». А впрочем у кого из пишущих не бывает отдельных промахов?..

Главное в том, что у Е. Буравлёва много удач! Самая заметная из них, на мой взгляд, – поэма «Красная Горка». И давно бы пора нашим критикам поговорить о творчестве Е. Буравлёва обстоятельно, потому что поэт он талантливый и своеобразный, работает в литературе очень серьёзно. Я же могу только порекомендовать тебе, дорогой читатель, поближе познакомиться с этой интересной поэтической работой.

В заключение предоставляю слово самому Евгению Буравлёву.

<i>Говорят, что я не лирик, нет,</i>	<i>Только ты от этого, мой друг,</i>
<i>По-чалдонски будто скуп на</i>	<i>Не подумай плохо о чалдоне, –</i>
<i>слово,</i>	<i>Да, суров он,</i>
<i>Что на вид, на запах и на цвет</i>	<i>Да, на слово скуп,</i>
<i>Каждая строка моя сурова...</i>	<i>А душа, а сердце – на ладони.</i>

М. НЕБОГАТОВ.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 1 ноября.
– С. 3.*

О БУДНИЧНОМ – ПОЭТИЧНО

Ещё минувшей весной Николай Анциферов гостил у нас в Кузбассе. Я видел его – весёлого, улыбающегося – в театре оперетты, слушал его выступление после первого просмотра «Жемчужины Сибири». Обратила на себя внимание скромность, с которой он представился зрителям: «Командированный из Москвы». Многие в зале и не подозревали, что этот приземистый человек не просто командированный, а хороший русский поэт.

Сегодня Николая Анциферова уже нет в живых. Он умер скоропостижно, в самом расцвете сил, так и не успев выйти из рубрики «молодых». И когда я прочитал последний его сборник «Случайная гостья», мне захотелось почтить память безвременно ушедшего от нас талантливого поэта добрым словом о его очень обаятельных, жизнерадостных стихах.

Настоящий поэтический талант – редкость. Именно поэтому из многих десятков стихотворных сборников, прочитанных нами, запоминаются единицы. Прав Твардовский, утверждая:

*Немного надобно труда,
Уменья и отваги,
Чтоб строчки в рифму, хоть куда,
Составить на бумаге.*

Сколько стихотворцев составляют строчки в рифму! Но, как говорит тот же Твардовский, «стихи как будто и стихи, да правды ни словечка».

Николай Анциферов обладал завидным даром – умением оставаться в стихах самим собой, быть предельно искренним и откровенным. Про его стихи никак не скажешь, что в них присутствует пресловутый «лирический герой», за которым, как за ширмой, прячется обычно тот, у кого нет ничего за душой. Нет, всё, о чём беседует по душам со своим читателем Анциферов, – это его исповедь, откровение простого шахтёрского парня, подчас грубоватого, но всегда правдивого и честного.

Не книжными впечатлениями питалась муза Анциферова – жизненный опыт у него, бывшего шахтёра, был немалый. В детстве он познал тяжесть фашистской оккупации, рано приобщился к нелёгкому горняцкому труду. Всего повидал Анциферов на своём коротком веку, но главные герои его стихов – это хорошие советские люди. Одно из стихотворений так и называется – «Стихи о хороших людях». Приехал поэт в заштатный городок Усть-Лабинск. «Хозяюшка гостиницы» на ночь наказывает ему: «Подальше от греха и сатаны под подушку спрятали б штаны». После такого прозрачного намёка на возможное нападение грабителей трудно уснуть.

<i>Поднимаюсь. Зажигаю свет.</i>	<i>О хороших людях Усть-Лабинска,</i>
<i>Вынимаю пачку сигарет.</i>	<i>О которых знает вся страна.</i>
<i>Авторучку достаю. Блокнот.</i>	<i>Знают, может быть, на всей планете.</i>
<i>Вора жду. Воришка не идёт.</i>	<i>Не приходит что-то сатана.</i>
<i>Улицы пустынно и тихи.</i>	<i>Может, постеснялся старина</i>
<i>Ставни на засове исполинском.</i>	<i>Земляков представить в худшем свете.</i>
<i>Я сижу. Курю. Пишу стихи</i>	

Нет, неправда была хозяйюшка гостиницы, думая так дурно о своих согражданах. Всем незамысловатым стихотворением, освещённым тёплой улыбкой юмора, поэт внушает нам гуманную мысль: верьте людям, не оскорбляйте их подозрением, хороших людей на свете больше, чем плохих.

С особенной симпатией пишет Анциферов о горняках, о тех, кто добывает под землёй тепло и свет. Поэт не скрывает, что героический шахтёрский труд связан с известным риском, с опасностью. Недаром дума о шахтёре рождает у него – по аналогии – строчки о солдатах:

*Шахтёр не любит говорить о лаве,
Как на войне солдаты – о войне.*

Шахтёр Анциферова – не отвлечённая «романтическая» фигура, а живой, очень земной человек со всеми его достоинствами и недостатками, со всеми характерными приметами:

<i>Он может посудачить о де Голле,</i>	<i>«Спартака».</i>
<i>Он страстно любит, с видом</i>	<i>Он почему-то любит оперетту.</i>
<i>знатока,</i>	<i>Благоволит ко всем конферансье.</i>
<i>В который раз потолковать о</i>	<i>(Простим, как говорится, вольность</i>
<i>голе,</i>	<i>эту,</i>
<i>Что вбил «Шахтёр» в ворота</i>	<i>Что посещают оперу не все).</i>

Замечание об опере – это и есть то слово правды, которому верен Анциферов. Он не боится, что кто-то назовёт его героев малокультурными, отсталыми. Факт остаётся фактом: оперу пока посещают не все.

О самом будничном и заурядном рассказывает поэт – о том, как в юности ему хотелось купить «прахаря» – сапоги со скрипом, чтобы быть отменным парнем, да вышли эти сапоги из моды; о том, как дал он отпор шахтёрскому бригадиру, который вздумал подшутить над ним, новичком; о том, как уже бывалым горняком идёт он по штрекам, и перед ним «расступаются молча пласты, признавая своим человеком»; о том, как дохнула весенним лесным ароматом случайная в шахте гостья – сосна, попавшая в подземелье в качестве крепёжной стойки. Всё знакомо, обычно в этих

стихах, а читать их интересно, потому что написаны они тепло, с доверительной разговорной интонацией, с той непосредственностью, которая сразу, с первых строк подкупает, не в пример ложному пафосу и наигранному тону. Только большой жизнелюб, человек с врождённым оптимизмом мог создать такое, скажем, стихотворение, как «Угольная пыль»:

<i>Она полезна ли, вредна ли –</i>	<i>Что с нами станется потом.</i>
<i>О том пусть думают врачи.</i>	<i>От пыли мы страшны как черти,</i>
<i>Ещё в пелёнках мы узнали,</i>	<i>Но на здоровье жалоб нет.</i>
<i>Что пыль, конечно, не харчи.</i>	<i>Не знаю точно – сколько лет,</i>
<i>Но, под землёй её вдыхая,</i>	<i>Но будем жить</i>
<i>Совсем не думаем о том,</i>	<i>До самой смерти.</i>
<i>Что – ах, какая пыль плохая!</i>	

Невольно вспоминается Василий Тёркин с его присловьем: «будем живы – не помрём». Та же здесь удаль, та же самоотверженность «не ради славы, – ради жизни на земле». Вот оно, светлое, бодрое мироощущение неунывающего русского человека, не имеющее ничего общего со слюнявым нытьём и гнилым философствованием «звёздных мальчиков»!

Труд, волевые характеры, неподкупная любовь и дружба – основные темы стихов сборника. Тяжела шахтёрская профессия, меньше других видит он солнце, больше других устаёт, но зато как радуется многоцветным краскам жизни, выйдя на-гора!

<i>Домой я мимо кладбища иду.</i>	<i>Усну беспечным, молодым</i>
<i>Я воздух пью – и не могу напиться.</i>	<i>и сильным.</i>
<i>На нашем кладбище, как</i>	<i>Я час просплю. А может быть,</i>
<i>в городском саду:</i>	<i>все пять,</i>
<i>Цветёт акация, насвистывают</i>	<i>Меня разбудит родственница</i>
<i>птицы...</i>	<i>чья-то</i>
<i>«Привет, ребята. Я опять</i>	<i>И скажет, что наклюкался опять,</i>
<i>в гостях», –</i>	<i>Что ничего не дорого, не свято...</i>
<i>Скажу, сняв кепку, холмикам</i>	<i>Вы, люди-судьи, не всегда правы:</i>
<i>могильным.</i>	<i>Я пьян не от бутылочного зелья –</i>
<i>Я под акацией с травинкою</i>	<i>Я опьянел, придя из подземелья,</i>
<i>в зубах</i>	<i>От свиста птиц, от зелени травы...</i>

Грустно читать это стихотворение с упоминанием о кладбище... Но хочется верить, что долго ещё будут ходить друзья Николая Анциферова к холмику, под которым он погребён, а благодарные читатели не раз вернуться к его сердечным, искренним стихам.

М. НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 21 марта. – С. 3.

ПОЗДРАВЛЯЕМ, ВИКТОР!

Поэтический талант проявляется по-разному. У одних – в страстности публицистических монологов, у других – в экспрессии ассоциативных образов, у третьих – в философских раздумьях. Главная черта самобытного таланта Виктора Баянова – это, на мой взгляд, задушевность. Я не знаю у него ни одного стихотворения,

которое было бы выдуманно, что называется, высосано из пальца ради какой-то невыношенной, невыстраданной мысли, искусственного образа или соблазнительного литературного приёма. А это – признак душевной честности.

Есть у В. Баянова строчки, которые, мне кажется, точно выражают его творческий «секрет»:

*Не знаю, в восемь или в семь ли,
А может быть, чуть-чуть поздней
Я полюбил вот эту землю
И всё цветущее на ней...*

Вот об этой любимой земле и обо всём цветущем, прекрасном на ней и пишет поэт простые, проникновенные, сердечные стихи.

Творчество В. Баянова понятно и близко молодёжи – и потому, что у него немало стихов о ней, и потому, что сам поэт ещё молод.

Разве не тронут стихи о детстве сердца молодых читателей, которые совсем недавно расстались с ребячьими мечтами и забавами! Я не раз был свидетелем того, как горячо принимают слушатели замечательное баяновское стихотворение «Мальчишки плачут редко» – о мальчишеском горе, о войне, отнявшей у ребёнка отца.

О том, как любят поэзию В. Баянова молодые читатели, свидетельствует такой факт. Один начинающий автор недавно писал мне: «Что-то давно нет в газетах стихов Виктора Баянова. А мне так не хватает их...».

В. Баянов издал в Кемерове две книжки лирики – «Росы» (1963 г.) и «За рекой Талиновой» (1965 г.). Его добросовестная поэтическая работа получила достойное признание – из Москвы пришло сообщение, что ВИКТОР БАЯНОВ ПРИНЯТ В ЧЛЕНЫ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР. Думаю, что это большая радость не только для его собратьев по перу, но и для многих кузбасских читателей.

От души поздравляем тебя, дорогой друг, и желаем новых творческих взлётов!

Мих. НЕБОГАТОВ,
член Союза писателей РСФСР.

*** **

*В морозящее утро
Из глухого угла
Лодка тихо и утло
К теплоходу плыла.
Лодка всё удалялась
От избышки в дыму,
И волна ударялась
О крутую волну.
Удивляя нас, рослых,
По телецким волнам
Шла старушка на вёслах
Прямо к нам, прямо к нам.
Нет, не в шторм отличиться,
Мол, смотри, как сильна, –
Сына в город учиться*

*Провожает она.
«Там асфальт – не водица,
Там дома – не стога,
Там легко заблудиться –
Город всё ж, не тайга».
Ветер ей напевает
Из-за горных хребтов,
Что один убывает
Из шестнадцати ртов.
Что в задымленной хате
Старой матери вдруг
Завтра ой как не хватит
Метких глаз, крепких рук.
И что, спину горбятя,
С головою в снегу,*

*Одному завтра батьке
Отправляться в тайгу.
Ну, да это не горе.
Как-нибудь проживут.
А отучится – горы
Сына вновь позовут.
От весны до зазимка
И опять до весны
Будет эта заимка
Приходить в его сны.
Ветер кружится бойко,*

*Холодком обдаёт.
К теплоходному борту
Сын алтайки идёт.
Говорит она: – С богом.
Мясо есть. Рыба есть...
На лице её строгом
Ничего не прочесть.
Только руки ослабли,
Только брови свела,
Только светлые капли
Покатились с весла.*

// Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 17 октября. – С. 3.

СЫН ШОРИИ

Имя Степана Семёновича Торбокова хорошо знакомо кузбасскому читателю. Он издал две поэтические книжки – «Белая берёза» и «Пихточка», его стихи – частые гости на страницах газет, а также в альманахе «Огни Кузбасса» и в старейшем журнале – «Сибирские огни».

С. С. Торбокову уже 65 лет. За плечами – богатая жизнь, проведённая в тайге Горной Шории. До революции он учился лишь в начальной школе; молодость, как и отец-охотник, он провёл на охотничьих лыжах – был отличным следопытом. Лишь с приходом в Шорию Советской власти С. С. Торбоков самоучкой добился того, что стал учителем. Этому благородному делу он отдал более четверти века. Пытливый ум, жажда знаний заставили и его самого учиться: сорокатрёхлетним человеком он заочно окончил географический факультет Томского университета.

С. С. Торбоков – не только поэт, но и знаток, и неустанный собиратель шорского фольклора. Его трудами интересуются учёные Москвы, Ленинграда, Новосибирска и др. городов. Буквально на этих днях новосибирское отделение Академии наук СССР приобрело у С. С. Торбокова два героических сказания.

Мне как переводчику приятно содружество с этим умным, многоопытным человеком. В его судьбе я вижу судьбу всего немногочисленного шорского народа. Когда-то забитый и тёмный, этот народ волею партии и Советской власти поднялся во весь рост и показал недюжинные способности во всех сферах культурной деятельности.

Мих. НЕБОГАТОВ.

*** **

С. Торбоков

ПОЮ СТРАНУ СОВЕТОВ

*На пенсию уходит Якучи.
Хозяйка, попроворней хлопочи!
Смотри, уже друзья подходят
к дому,
Стекаются, как шумные ручьи.*

*Да, много раз он слышал вёсен шум...
Покорно тих от невесёлых дум,
Не торопясь подходит
к гардеробу
И достаёт свой праздничный костюм.*

Ну, вот и ты у старческой межи,
Стрелок отменный, скромный
шор-кижи.
Но отчего так громко бьётся
сердце?
Поёт оно! О чём поёт – скажи.
О том, что есть у старости оплот
– Страна Советов, где любой народ
По одному живёт теперь закону.

С ним человек вовек не пропадёт.
Иным он стал, забытый богом край,
Где к беднякам не знал пощады бай:
Пока здоров – дерёт с тебя три шкуры,
Чуть ослабел – ложись и помирай...
А ну-ка, внучка, радио включи!
Пусть льются к нам кремлёвские лучи
Правдивым словом, музыкой хорошей.
...На пенсию уходит Якучи...

// Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 5 декабря. – С. 1.

«Я ЗДЕСЬ СВОЙ...»

Рецензируем

«Кузбасс литературный»

Так назвал свой новый сборник стихов* Владимир Измайлов.

Название точное, в нём нет ни преувеличения, ни натяжки: поговорите с любителями литературы о кузбасских поэтах – и они обязательно назовут вам имя Владимира Измайлова, сибиряка и кемеровчанина.

Стихи из раздела «Цвета тайги» как бы дышат её неповторимыми запахами, переливаются красками чисто сибирского пейзажа. Поэт горячо любит свой край и взволнованно, увлечённо пишет о нём. Радостно нам вместе с ним побывать на далёкой таёжной елани, «где весенним оранжевым буйством огня огоньки разольются по тихой поляне»; радостно совершить «лукавый побег» от городской суеты в мир разноцветья и разнотравья; вместе с поэтом мы встречаем в лесу робкий осенний рассвет, когда не поймёшь, «то ли туман лучится, то ли туманится свет».

Вот осенняя Томь. Мы ясно видим «густеющую, чёрную, беззвучную воду» знакомой реки, над которой уже позёмкой проносится ветер. Только сроднившийся с Сибирью поэт способен показать её в самых характерных для неё цветах и оттенках, подметить, как «наметали зайцы петли на задымленный снежник», как «над снегами, под белками, от хребтины по ребру чёрен скал угрюмых камень, будто чернь по серебру». Одним из лучших стихотворений сборника кажется мне проникновенно, тепло и красочно написанная лесная быль «Ушла Машка» – о большой дружбе человека и приручённой им лосихи. С таким же добрым чувством написаны стихотворения «Кони» и «Ничья собака».

Главная особенность поэзии В. Измайлова – в философском осмыслении явлений и вещей. О чём бы он ни писал, он не скользит по поверхности, а старается проникнуть вглубь изображаемого. Поэт ни на минуту не забывает, что литература, в частности, поэзия, – это, прежде всего, человековедение, и потому даже в стихах о природе и животных мы отчётливо видим его размышления о людях, об их подчас сложных и трудных судьбах.

Возьмите стихотворение «Огоньки». В нём есть очень знаменательные строки:

[* – Владимир Измайлов. Я здесь свой... Кемерово. 1965 год. Общественный редактор Е. Романова]

*Если я не приду,
Схлынет полый водою
Вся могучая влажная
сила земли,
И незрячие дни
будут мгlistой бедою*

*Безнадёжной,
Бездождной,
Безросной бедою
Проплывать в равнодушной
и едкой пыли.*

И мы задумываемся о человеке, о необходимости дарить ему ласку и тепло, красоту и свет жизни, иначе дни его будут «незрячими». А приди к человеку, загляни ему в глаза, обогрей участливым словом – и расцветёт он!

*Я приду, полюбуюсь –
Пусть на тайной елани,
На заветной поляне,
В таёжном урмане
Зацветут огоньки,
Загорят огоньки.*

Во многих стихах В. Измайлов открыто подчёркивает свои гражданские, партийные позиции и пристально и придирчиво вглядывается в окружающее с этих позиций, размышляя о явлениях, которые волнуют не только самого автора, но и каждого из нас.

Запоминается проникнутое болью стихотворение-воспоминание «Шесть огней на пути к победе» – о шести сгоревших советских танках («А в танках были танкисты»), стихотворение «Высоты помним, сёла, города» – о безымянном герое. Глубокое чувство помогло здесь автору найти очень выразительные, точные слова:

*Беспамятно,
Безвестно пал солдат
От мест жилых,
От всех живых не близко...
А сколько их таких –
без мест, без дат,*

*Которым ни креста, ни обелиска!
Поляна и спокойна, и светла,
Весной в цветах,
Зимой в сугробах тонет.
Под ветром, дрогнув, заскрипит ветла,
А чудится, что человек застонет.*

Многие стихи в сборнике – это лучи одной поэтической радуги. Пусть иные из этих лучей мрачноваты, как в стихотворении «Теперь мы с болью вспоминаем многих» – о временах культа личности, зато другие сияют радостно и празднично, как в стихотворении «Доброта», с публицистической страстностью призывающем людей быть «щедрей на приветы и чуть поскупее на резкое слово», «ведь это богатство сердец, доброта!»).

Быть верными Родине, хранить память о погибших за неё, любить свой край, который по воле простых и трудолюбивых людей становится всё краше, быть щедрыми на добро и непримиримыми ко всякому злу – вот к чему зовёт поэт всеми своими раздумьями и порывами чувств. Особенно это относится к «Поэме о женской верности»

В прошлом году В. Измайлов выступал с этой поэмой по телевидению – и его выступление было отмечено в печати кратким, но красноречивым отзывом журналистки Р. Ф. Лобановой. Она, в частности, писала: «Без прикрас, без попытки что-то смягчить, кого-то пожалеть или разжалобить ведёт свой поэтический рассказ

Владимир Измайлов... Правдивые слова нашёл поэт для выражения большой и сложной темы». Рассказ идёт о женщине, о её удивительной многолетней верности погибшему солдату, вернее, тому, кого она считала погибшим...

В. Измайлова ни с кем другим не спутаешь, он поэт оригинальный. Стихи его читать интересно, они насыщены глубокими мыслями, светятся умом. Можно спорить о стихах В. Измайлова, утверждая, например, что некоторым из них не хватает эмоциональности, но безусловно одно: поэт растёт от книги к книге. В поэтическом мире Владимира Измайлова не всё просто, но, побывав в этом мире, вы непременно станете богаче.

Мих. НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1966. – 20 февраля. – С. 3.

СЛОВО О МОЛОДЫХ

Критика и библиография

Если сравнить нашу литературу с большой, полноводной рекой, то можно сказать, что эта река постоянно пополняется притоком малых ручейков и речек – молодыми свежими силами. В отделение Союза писателей, в издательство, в редакцию альманаха приносят свои рукописи студенты, журналисты, рабочие, геологи, строители, учителя.

С созданием в Кемерове отделения Союза писателей забота о молодых литературных кадрах, о нашей смене приняла конкретные, действенные формы. Опытные писатели не оставляют без внимания ни одну сколько-нибудь заметную, с проблесками таланта рукопись начинающего автора. Каждый из нас, литераторов старшего поколения, считает своим гражданским долгом – да и душевной потребностью – помогать молодым, будь это литконсультация, рецензия, очная беседа или редакторская работа над рукописью, требующей доделки.

Отряд литературной молодёжи в Кузбассе очень велик. Вот красноречивый пример: из тридцати четырёх поэтов, чьи стихи составили первый кузбасский сборник «День поэзии», большинство – молодые, не имеющие ещё своих книг, но уже готовые их издать.

О стихах некоторых из них и пойдёт речь в этих заметках. Заранее оговорюсь: я не собираюсь ставить и тем более решать какие-либо проблемы, мне просто хочется поразмышлять о работе молодых кузбасских авторов, чьи стихи – со всеми их удачами и недочётами – вызывают желание поделиться впечатлениями.

* * *

Нашим землякам, любителям поэзии, наверно, уже запомнилось имя Анатолия Саулова – он часто выступает в областной печати.

Лирический герой А. Саулова – думающий, активный человек; постоянное вторжение в жизнь – основа его существования; круг его интересов широк и разнообразен. С чувством гордости и грусти размышляет он о безымянных героях, погибших за Родину, за счастье детей и внуков своих; с болью в сердце встречает слепого старца, который «в последний раз когда-то сраженьё видел, а не мир»; восторгается судьбой мостостроителей, живущих там, где «не палаты, а палатки»,

рыбаков, «бородатых, как Стенька». Как в родной дом, заходит он в избу солдатской матери, чтобы своим вниманием и участием согреть её, до сих пор ждущую потерянных на войне сыновей; умеет поладить с колхозным дедом, который неодобрительно щурится на узкие брюки молодых горожан, приехавших помочь колхозникам.

А. Саулов – несомненно способный интересный автор. Лучшие его стихи свидетельствуют об интенсивной работе мысли, о поисках своих образов. В степи, где кипели битвы, «окровавленной шашкой со свистом радуга взвилась»; падающие в бою пахари рождают у поэта ассоциацию со «сбитыми под корень колосками». Хорошо сказано о вечерней реке: «как телёнок мягкой мордой, в берег тычется река»; о земле, которая «прижимается к иллюминатору, как лицо загрустившей матери» (при отлёте космонавта); о том, что уставшему после работы человеку кажется, будто «оглушительный кузнечик в траве, как трактор, тарыхтит». Запоминается образ, передающий страх утопающего: «только волны, волны, волны, расширяясь, как зрачки...».

Такие образы-находки говорят о зоркости поэтического зрения автора, о его вдумчивом проникновении в сущность предмета и явлений.

Общеизвестна истина: поэт мыслит образами, чем и отличается, скажем, от учёного, оперирующего понятиями.

А. Саулов умеет находить оригинальные образы, которые даже знакомое, привычное, обыденное показывают в новом свете, но они для него – не самоцельные атрибуты поэзии, а действенные «помощники», призванные как можно ярче, впечатляюще донести до читателя ту или иную мысль. Этот органический сплав мысли и образа – самое драгоценное достоинство стихов молодого литератора. Мысли у него светлые, жизнеутверждающие. Он не перестаёт восхищаться русским народом, в котором «издавна и удаль и размах», родной землёй, на которой простые труженики «жадно в жизнь врастают, словно в берег тополя». Этим людям от природы присуща оптимистичность; бывает, «устанут они – не вмоготу», но «ярко вдруг, как белый месяц, улыбка брызнет в темноту».

У А. Саулова – обострённое чувство Родины, всего русского (стихотворения «Родина», «Сенокос», «Дорога», «Степь», «За деревней – родные покосы», «Безымянные» и др.), качество, которого, к сожалению, не хватает многим стихотворцам.

Каждый свой отпуск А. Саулов проводит в далёких поездках по Сибири, по северным её окраинам. В эти поездки зовёт его неуёмная юношеская жажда познания мира, людей, их характеров. И я уверен, что именно богатство живых, непосредственных впечатлений позволяет А. Саулову находить такие слова и краски даже в разработке старых тем. Вспоминается мудрый афоризм Горького: мысль приходит после факта. Сидя в четырёх стенах, не найдёшь таких конкретных деталей, какие встречаем в стихотворении о севере, о тех местах, где добывают нефть:

Север – солнца не хватает.

Север – вьюгою в лицо.

Север, брызжащий фонтаном,

Словно чёрным деревцом...

Здесь, в краю седом, где вышки

Над нахмуренной тайгой,

Даже сосен красных выше

Встал на цыпочках огонь.

*Пусть метели здесь встречаются,
Лишь костёр бы не потух,
Чтоб над ним запрыгал чайник,
Как взъерошенный петух.*

Это, так сказать, внешние детали, они как бы трамплин для завершающих стихотворение строчек о нефтяниках, которыми залюбовался поэт и приподнял увиденное до гиперболы:

*Если ты зачем-то выйдешь
В край, пока ещё немой,
Ты не синь небес увидишь, –
Спины в небо шириной!*

Не на «броде», не на танцплощадке, а в таёжной глухомани повстречал автор девушку – геолога Валю Селиванову и, переполненный чувством уважения к её благородному труду, к её завидной целеустремлённости и мужеству, посвятил ей стихотворение. Девушка покорила его сердце тем, что «судьбу свою нелёгкую счастливо звала».

*Под лампочкою тускленькой
Стучат её шаги.
А ей всё реже тувельки,
Всё чаще – сапоги.
А вёрст на сто округою
Медвежий здесь простор,
А филин линзы круглые
Наводит на костёр.
И лишь приёмник маленький
Напомнит иногда
О вальсах и о маме,
О дальних городах.*

Не ради славы или денег переносит многие трудности и невзгоды таёжной жизни романтически настроенная девушка – нет, ей хочется, очень хочется оставить добрый след на земле:

*Она к нам в отпуск вылетит,
Но вновь в тайгу вернётся.
Ведь на асфальте выбитом
Следов не остаётся.*

Непроторёнными, невыбитыми путями идут герои А. Саулова в жизнь. Да и сам он всё время в пути – в творческих поисках. Дороги – и в буквальном и в переносном смысле – близки его пытливой, беспокойной натуре.

*Мимо хат, и хлебов, и рос
Ты с родного ушёл порога.
Я с тобою мужал и рос,
Я тебя полюбил, дорога...*

Думается, эта дорога откроет поэту ещё много интересного, нового, о чём он и расскажет нам. Деревня для него не только место, где родился, а нечто большее; ему верится, «что и вся-то Русь берёт начало от этих пашенных равнин». В родной деревне, в этом «царстве изб, и пашен, и берёз»:

*Нас труду учили, чтоб под вечер,
Только срок для отдыха пришёл,
С хрустом распрямить тугие плечи
и сказать устало:
– Хорошо...*

Да, хорошо, что есть на свете такая страна – Русь, Россия!

*День идёт – веснушчатый и русый.
Слышишь, птицы в зарослях поют?
И вот это называют русским,
И за это жизни отдают!*

Конечно, есть у А. Саулова и неудачные стихотворения. Иногда он присущую ему эмоциональность и образность подменяет холодной, бесприветной декларативностью, вроде «чтоб друга верного иметь, им надо прежде – быть» (для широкого читателя это не новость), иногда ступает на тропу избитых тем, как в стихотворении «Я боюсь опоздать», мысль которого можно встретить во множестве сборников молодых: «Я боюсь опоздать, мечтам изменяю, что уйдут поезда в дальний рейс без меня». Но главное впечатление от его поэтической работы – отрадное. Думая о будущем А. Саулова, хочется предостеречь его от увлечения новой «модной» формой, в частности «евтушенковской» рифмой, которая, как бы там ни одобряли её, всегда режет слух. Для многих она, на мой взгляд, не характерна, и многие, пользуясь ею, просто как бы отдают дань «модному» течению. А это уже подражательность. А. Саулову нет резона подражать кому-то, он может писать по-своему. И есть основания надеяться, что негромкий, но душевный, свежий голос его не затеряется в хоре поэтической молодёжи Сибири.

* * *

Первые стихи Анатолия Саулова были навеяны, как мы увидели, деревенским бытом, пашнями и лесами. А вот Виктора Чурилова заставил взяться за перо совсем другой мир – мир станков и моторов, в котором царствует гордость и слава нашей Родины – рабочий класс. Его первые стихотворные опыты – это искренний порыв юноши, влюблённого и в свою профессию токаря, и в товарищей по цеху, гордо носящих замасленные спецовки.

Смотрите, какие неподдельные чувства звучат в каждой строчке стихотворения «Станку»:

*Я изучил тебя со всех сторон.
Могу узнать твоё желание любое.
Как рад я, что ты весел и здоров!
Как это здорово, что мы друзья с
тобою!*

*Я понимаю всё, что ты гудишь.
Твой голос то тревожней, то добрее.*

*Ты так гудишь, как будто говоришь
Слова признания и одобренья.
Ведь у станков рождаются стихи,
С которыми нам радостно и бодро.
Да здравствуют поющие станки!
Да здравствует весёлая работа!*

Подлинность чувства молодого автора здесь настолько очевидна, что ради этого мы готовы простить ему и некоторую неуклюжесть формы, и несамостоятельность интонаций, напоминающих Владимира Луговского с его известными строчками о большевиках пустыни и весны.

Рабочую тему можно назвать внутренней, сокровенной темой В. Чурилова. Все его поэтические удачи, так или иначе, связаны с этой темой, раскрывающей жизнь людей труда, их судьбы. Ей он обязан своими лучшими образами и красками, значительными мыслями и искренними чувствами.

*Вы видели, как гордо, а не горестно,
исколесив немало тысяч вёрст,*

*чугунным шагом уходил из города
чумазый работяга – паровоз.*

*Шёл медленно, на стыках
спотыкаясь,
шёл так он, как идут в последний*

*раз.
Шёл как больной, хрипя и задыхаясь,
и был бессмертью своему не рад.*

Надо быть по-настоящему рабочим человеком, чтобы так ярко, зримо, поэтично рассказать о последних шагах отжившей свой век машины. Но не из сентиментальной жалости родилось это стихотворение, а из желания утвердить мысль о бессмертии всего доброго, что оставляют после себя люди:

*Его шихтой мартену вложат
в пасть
И доведут до белого свеченья...
Он не умрёт! Он жизнь вернёт
опять*

*великим свойством перевоплощенья!
И снова труд. И снова непокой.
И снова ветер в грохоте и свисте...
И я завидую судьбе такой.
Я презираю крик: «Остановите!».*

Наверно, так же не любит состояние неподвижности, покоя герой другого стихотворения «Сварщик», который с детских лет стремился к звёздам, и вот мечта его, хотя и косвенно, сбылась:

*И видел, как, ракетой взвитый,
вступив в борьбу с холодной мглой,
летит корабль, надёжно сшитый
его волшебною иглой!*

Очень гордится В. Чурилов людьми, без которых и к звёздам не улетишь, и хлеб не скосишь. Одно из стихотворений так и называется – «Рабочая гордость». Оно тоже привлекает искренностью, убеждённой авторских позиций.

*Мы не любим мозолями хвастаться,
твёрдо зная, с какой теплотой
жмут мозолистую, незахвачанную,
сталью пахнущую ладонь.*

*Но бывает обидно очень
за иных друзей и подруг,
что стыдятся своих рабочих
не изяществом ценных рук.*

Эти друзья и подруги, видимо, новички, и автор считает нужным напомнить им, что не всякие белые руки – чистые и честные, зато рабочими руками «вертится шар земной!».

Знаменательно, что В. Чурилов воспекает не отвлечённо взятых рабочих, а именно своих современников – людей мыслящих, передовых, интеллектуально развитых. Это они «берут учебники и папиросы гасят... Мои друзья-вечерники шагают бодро в классы». Герои стихов В. Чурилова полны нетерпения наверстать упущенное (многим из них в юности было не до учёбы), приобщиться к свету знаний, понять, осмыслить мир, в котором они живут и который преобразуют.

В героях стихов В. Чурилова, воспитанного требовательной, подчас суровой, но всегда справедливой и честной рабочей средой, подкупает, прежде всего, большая нравственная чистота, духовное здоровье, сила характеров. Эти герои не выдуманы, а взяты из действительности, бок о бок с ними живёт и трудится сам автор. Одно из его последних стихотворений из цикла «Сибирь – Москва» – «В студенческом общежитии» – свидетельствует о том, что и в непривычной ему атмосфере яростных споров о высоких материях среди кинжального огня скрешивающихся суждений и мнений обо всём на свете, В. Чурилов, простой сибирский парень, остаётся на высоте тех принципов, которые привил ему рабочий класс.

*Но мне смешно смотреть, когда
пытаются
юнцы ершистые в руках расплавить
сталь;
когда стихи стихами не считаются,*

*а нестихи встают на пьедестал;
когда надсадно врут о веке космоса,
подчёркнуто бывалы и грубы,
и тужатся плевать на Маяковского,
не переплюнув собственной губы.*

Не трудно догадаться, что речь здесь идёт о молодых современных «нигилистах», которые ещё ничему не научились, кроме отрицания всего, что свято для большинства. Такие вот «рано созревшие» юнцы не только врут о веке космоса, но и кропают свои подпольные «произведения», чтобы при удобном случае издать их в каком-нибудь бульварном журнальчике, облив грязью всё советское, социалистическое... И как внушительно противостоит им мироощущение рабочего парня, пишущего стихи с одной думой – с думой о Родине:

Я буду петь. Любить. С врагами ссориться.

Не унывать, невзгодам вопреки.

И мерить дни её высокой совестью

и понимать, что жизнь – не пустяки.

Мне довелось читать в рукописи и некоторые самые последние стихи В. Чурилова. Рукописные вещи не принято цитировать, но всё-таки я должен сказать, что эти стихи, к сожалению, стали более рассудочными, умозрительными, чем первые, пусть робкие, неумелые, но согретые живым чувством опыта. А может быть, это попытка сделать своё слово публицистическим?.. Весьма возможно. И, тем не менее, не следует В. Чурилову оставлять рабочую тематику – она органически близка ему. Родник этой тематики неиссякаем. У нас есть высокий пример замечательной творческой и душевной верности одной внутренней теме – теме рабочего класса: я имею в виду Ярослава Смелякова.

Только тот источник вдохновения, который дал В. Чурилову силы приобщиться к поэзии, может, на мой взгляд, способствовать дальнейшему его творческому росту. Когда он забывает об этом, у него появляются посредственные и просто слабые стихи, такие, как «Поезд», в котором, как и в одностопном стихотворении А. Саулова, не брезжит никакая новизна, а только топорщится примелькавшаяся мысль: «Где мой поезд? Скоро ли? Идёт ли он? Только бы успеть! Не опоздать!».

Не всегда В. Чурилов строг, требователен к себе. Читаешь, скажем, в общем, неплохое стихотворение «Сенокос» – и вдруг перед тобой, как кочки, прямо-таки пародийные строчки: «Он жонглирует вилами, сам себя вздымая ввысь». В некоторых хороших стихах вызывает досаду разболтанный ритм, небрежная рифмовка. Чем рифмовать «заглядевшись – девушки», «пламенея – небо», «дальние – задачами», лучше совсем не рифмовать, а писать белые стихи. Творческий процесс – это своего рода напряжённое сражение с леностью, с небрежностью, со многими трудностями, и вступать в него надо во всеоружии, которое зовётся мастерством.

* * *

У каждого певца, как ни велик его репертуар, есть одна самая главная, что называется, коренная ария или песня, без которой трудно представить этого артиста.

Точно так же и у каждого поэта – будь он начинающий или уже опытный мастер – обязательно найдётся в его творческом активе самое удачное произведение.

Года три назад в «Комсомольце Кузбасса» появилась поэтическая подборка Виталия Юречко. Редакция сопроводила первое выступление молодого автора вступительной, в которой отмечалось, что «Виталий Юречко пока ещё только «ставит» свой голос, ищет свою поэтическую интонацию. Но уже есть успехи».

Действительно, успехи были. И это, прежде всего, касается стихотворения «Коварды». Мне хочется привести его полностью:

*Ни икон золотых, ни портретов
вождей
Не висело в затюленной спальне,
Только книги, посуда да запах
дрожжей,
Возле печки – подшитые валенки.
Да сундук-великан пол-угла покори.
Закурить ли? Сижусь и кумекаю.
В этом доме давненько никто
не курил,
Потому что курить было некому:
Мать и дочь – как две капли беды.*

*Две войны – два креста на Смоленщине.
И живут, как умеют, в селе Коварды,
Овдовевшие женщины.
А в окне примороженно звёзды горят.
А в душе что-то больно щемящее.
– Пусть попахнет, сынок, закури, –
говорят, –
Ведь у нас были тоже курящие.
Как родня, в украинском селе Коварды
Есть знакомые русские женщины.
Не забыть мне их вдовьей беды –
Две войны – два креста на Смоленщине.*

Не будет преувеличением назвать это эмоционально пронзительное стихотворение отличным: оно берёт за сердце.

«Коварды» – это как бы маленькая поэма. В. Юречко сумел сжато, но ёмко сказать об очень многом. Мы сами как будто побывали в доме двух овдовевших солдаток – так точен отбор деталей, рисующих обстановку: подшитые валенки, большой сундук, книги, запах дрожжей... Часто вещи говорят о хозяине больше, чем он сам.

Мы видим только детали, но наше воображение уже рисует всё, что характерно для этой семьи. Да, тут живут небогато – новые валенки купить не на что... Любят читать... Любят порядок – всё мало-мальски ценное не валяется где попало, а хранится в сундуке, который, может статься, был бабушкиным подарком ко дню свадьбы...

Гость взволнован, ему хочется закурить, но он не решается (боится надымить) и мнёт папиросу в пальцах. И вдруг тихий голос доброй женщины: «Пусть попахнет, сынок, закури. Ведь у нас были тоже курящие». И опять эти две фразы дорисовывают нам то, чего в стихотворении нет, но читается между строк.

В стихотворении нет каких-то особых поэтических приёмов, внешне эффектных образов, зато есть очень верная интонация, душевная взволнованность, простота правды, хороший художественный вкус, чувство меры. Кто-то очень мудро подметил, что совершенное художественное произведение – это слова, расставленные в лучшем порядке. В. Юречко доказал, что он умеет «расставлять слова» именно так, как надо.

Но, к сожалению, В. Юречко мало пишет. А то, что появляется время от времени в областной печати, ниже его возможностей, и мне не хочется подробно останавливаться на слабостях других его стихов, так как они, эти слабости, присущи

многим молодым – это случайный выбор темы, скольжение по поверхности, отсутствие значительной, выстраданной мысли и т. д.

Равняться Виталию Юречко надо на стихотворение «Коварды». Уверен, что оно родилось потому, что не могло не родиться – сердце потребовало рассказать о большом человеческом горе, о невесёлой вдовьей доле двух русских женщин. Только так, по велению сердца, и следует браться за перо. Так создавалось и создаётся всё стоящее.

* * *

Не первый год пробует свои силы в поэзии Павел Майский. Его стихи искренни, лиричны, не лишены удачных деталей, но часто им недостаёт серьёзных обобщений. Ну, что нового, скажем, в такой сентенции из стихотворения «Командировки»: «Чем дальше ты, чем путь трудней, тем мне любовь твоя дороже»? Между тем, в этом же стихотворении хорошо, образно сказано о глазах любимой:

*Глаза твои с улыбкой робкой,
как зимним вечером окно,
зовут к теплу, к уюту, к свету,
остаться здесь, с тобой, зовут.*

В концовке стихотворения «Первый снег» – ложное глубокомыслие:

*Он, конечно, выпал ненадолго.
Но зато он самый настоящий!*

А вот другой известный молодой поэт утверждал, что самый настоящий снег – это третий. Даже книжку так назвал. Оба утверждения кажутся надуманными, произвольными.

П. Майский непростительно мало работает над словом – и отсюда всякие казусы. Стихотворение «Май вплетал подснежников узоры» завершается такой строфой:

*И приду я в дебри вековые
Рассказать, что сердцу дороги
Не одни просторы полевые,
Но и жизнь проснувшейся тайги.*

«Дороги – тайги» фигурируют здесь как рифмы, а ведь эти слова совсем не созвучны, если «дороги» произнести правильно, с ударением на первом слоге.

В стихотворении «Баритон» рассказывается о самовлюблённом начальнике, который по ночам дудит в трубу, «портит нервы своей старухе». Затем говорится о музее:

*Там, под знаменем, в бурке отчаянной,
Паренёк-трубач на коне.*

И – обобщение:

*Очень он уж похож на начальника,
Что в подъезде встречается мне.*

Из-за неточности словесной формулировки истолковать его можно двояко, так, что, например, невольно падает тень на героя красноармейца в «отчаянной бурке».

Творческая сторона некоторых стихов П. Майского не отличается добротностью: рифмует он часто приблизительно, беспричинно меняет иногда размер в одном

стихотворении. Всё это создаёт впечатление неряшливости, какой-то ученической беспомощности.

К чести молодого автора следует сказать, что в последнее время он начал писать вдумчиво, серьёзно. Запоминается стихотворение о старом холостяке, математике. Неподдельной грустью звучат здесь строчки: «Для чего автоматы, если нету жены?». Найдена убедительная деталь, подчёркивающая одиночество героя: «А соседи на кухне пьют семьёй самовар» (правда, точнее – пьют чай из самовара). Но чуть выше деталь чисто натуралистическая, безвкусная: «Стонут девичьи губы на любимых устах». Весьма условно также назван герой математиком. А почему бы не быть ему, допустим, химиком или строителем? Строитель даже ещё выигрышней – дома, мол, строит, а собственную семью построить не сумел...

Как видим, и в наиболее удачных стихах П. Майского то и дело встречаются мелкие погрешности. Конечно, их можно отнести за счёт неопытности, неискущённости молодого автора, но всё-таки нельзя не пожелать ему как можно тщательнее обрабатывать свои стихи. Писать ему стоит – поэтические искорки его работа высекает.

В пределах одной статьи невозможно даже кратко остановиться на творчестве молодых поэтов, работающих в Кузбассе. Я попытался высказать своё мнение о стихах четырёх авторов. Все они даровиты, молоды – и по творческому стажу, и по возрасту; это даёт нам право ждать от них новых поэтических открытий, новых хороших и отличных стихов, которые бы запомнились и на долгие дни стали нашими добрыми спутниками.

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ.

// Огни Кузбасса. – 1967. – № 1. – С. 104 – 109.

«Я СТОЮ ЗА ТЕБЯ, ДОБРОТА!»

Издано в Кемерове

Известный советский критик Евгений Осетров, выступая недавно на страницах «Литературной газеты», высказал глубоко верное суждение, которое мне хочется процитировать: «Трудно примириться с мыслью, что хорошие стихи – большая редкость. Но это так. Только версификаторы могут считать стихи сотнями. Поэзия с большой буквы – единственна и неповторима. Обнаружив новые стихи, надо так же радоваться, как радуется старатель счастливой находке слитка самородного золота».

Признаюсь откровенно: если бы меня не радовали стихи молодого кузбасского поэта Игоря Киселёва, я, наверно, не стал бы писать о его новой, только что вышедшей в Кемеровском издательстве книге «ЯРОСЛАВНА» – мало ли печатается у нас стихотворных сборников... Но вот дочитана последняя страница «Ярославны», и первое желание – поделиться с читателем мыслями и чувствами, навеянными этой книгой.

Игорь Киселёв родился в 1933 году, окончил Новосибирский педагогический институт, служил на Дальнем Востоке, во флоте. Первые его стихи появились более десяти лет назад. Печатался в газете «Комсомолец Кузбасса», в журнале «Сибирские огни», еженедельнике «Литературная Россия», в «Комсомольской правде». Первый сборник стихов Игоря Киселёва «Перецвет» вышел в Кемерове в 1966 году. Кстати

сказать, в том же году его стихам была дана высокая оценка на Кемеровском семинаре молодых писателей Урала и Западной Сибири.

Как видим, автор в поэзии не новичок.

Поэтический мир Игоря Киселёва многообразен. В этом мире минутами всё светится, искрится от весёлого, по-детски восторженного настроения, а случается и так, что праздник света и красоты на какое-то время затемяют облака тревожных раздумий «о времени и о себе». По страницам книги идёшь, как по незнакомой дороге, которая нет-нет да и откроет тебе что-то новое, интересное. Это происходит чаще всего тогда, когда поэт те или иные явления действительности пропускает не только через сердце, но и критически, философски осмысливает их. Вот он пишет о том, как с высокой скалистой горы увидел поразившую его панораму – тихоокеанскую бухту, которую до этой поры прятал океан за прибрежными скалами. Красива бухта, но дело не только в ней:

*Мы ведь тоже в душах прячем
Нежность,
Сказку,
Доброту.*

*Сердцу, разуму ли, глазу
Нужно, видно, неспроста,
Чтоб недаром и не сразу
Открывалась красота.*

Или вот стихотворение о человеке, который, оказавшись в беде, обиженный людьми, уходит от них на время к природе, чтобы наедине с ней обдумать свою жизнь, набраться новых сил и мужества для преодоления обрушившихся на него невзгод. Заканчивается стихотворение впечатляющим и значительным по мысли поэтическим образом:

*Просто в смутном лесу за рекою,
Предрассветную слушая тьму,
Он к земле прикоснётся щекою,
И земля прикоснётся к нему...*

И сам поэт умеет слушать землю, прикасаясь к ней чутким сердцем, и потому так неравнодушен он к этой до слёз родной земле и ко всему, что делается на ней. Были и есть поэты, позиция которых – бесстрастное созерцание добра и зла, стремление отгородиться от большого мира частоколом красивых слов и звучных, изысканных рифм. У Игоря Киселёва мы наблюдаем совершенно противоположное: многие его стихи пронизывает один и тот же мотив – мотив беспокойства, какой-то душевной неудовлетворённости, за которой угадывается неукротимое желание того, что мы называем совершенством, идеалом. Отсюда и беспощадная требовательность к людям и, в первую очередь, к себе:

*Лес молчал, затаил свою речь,
Но молчал он как строгий судья:
Мол, а я себя мог не беречь?
Добр ли я? Бескорыстен ли я?*

Это из стихотворения «Лес в сентябре» – о безграничной щедрости осенней природы, которая горстями сыплет, дарит птицам и зверушкам накопленные за лето ягоды, плоды... Больше всего поэт боится, как бы не опутал душу покой обыденности, будничной суеты, как бы не потеряла душа творческой окрылённости, стремления к открытиям, к новизне:

*Не знал, не думал никогда,
Что в буднях тонешь, точно
в студне,
Что быт, и бедность, и беда
просвечивают в слове «будни»...
Где эта станция?
Когда*

*запнулся в буднях бег свободный,
И стала лампою звезда,
река – трубой водопроводной?
Когда обыденность впряглась
в полёт, порывы, интересы?..
Вперёд, куда видит глаз,
летят накатанные рельсы...*

Нельзя не разделить с автором гореванья по поводу привычного, будничного мелькания дней, к которому мы, к сожалению, невольно привыкаем – и только по прошествии какого-то времени вдруг начинаем понимать: а ведь могли эти дни быть не такими серыми и обыденными, можно было наполнить их и чем-то новым, необычным.

*Время! Как мы тебя переводим!
Время! Как мы тобой дорожим!
На мгновение дух переводим
и опять без оглядки бежим.
На ходу и грустим, и хохочем,
торопливо целуем подруг.
Лишь мелькает трава у обочин,
нам взглянуть на неё недосуг.
Скорость!*

*Скорость!
Не звука, так света!
Как в ушах она грозно поёт!
Нам проклятие скорости этой
оглянуться никак не даёт.
Не даёт, постоянно тревожа,
будоража нас и теребя,
Справедливей, сердечней и строже
заглянуть и в других, и в себя...*

Что это – бунт против века скоростей? Жажда безветренного уюта? Ни то, ни другое. Это опасение: а не притупит ли наши чувства, не сделает ли нас равнодушными скоростной бег жизни, бешеный её ритм? Проследим дальше за ходом мысли автора:

*И томит меня странная робость,
И не знаю я, чья тут вина,
что душа, как пропеллера лопасть,
при полёте совсем не видна...
Я со временем нашим не спорю,*

*но тревога – морщинкой у рта.
Доброта!
Ты со скоростью в ссоре!
Я стою за тебя, доброта!*

Вот в чём суть – в боязни очерстветь, потерять драгоценное человеческое качество – доброту. Именно добротой – к людям, к животным, к природе – светятся наиболее удачные стихи Игоря Киселёва. Верится в его искреннее признание:

*Не знаю, под каким родился знаком,
Но вот брожу по тропам и мостам
С невыразимой нежностью к собакам,
К безропотным деревьям и цветам...*

Обратите внимание на точнейший эпитет – безропотным. Не ропщут леса, когда какие-то головотяпы бесхозяйственно сносят их, вырубают целыми массивами... Доброта диктует Игорю Киселёву много по-настоящему сильных строк:

*Что думают о нас дельфины,
И добродушны, и сильны,
Когда стремительные спины
Блеснут внезапно из волны?..
Какая их толкала сила,*

*И праведна, и высока,
Когда на берег выносила
Дельфинья стая рыбака?
Они к нам – с верой и любовью,
А мы им – пуля и весло!*

Недоумением и болью

Глаза большие занесло.

В прозреньё, позднем и жестоком,

Что лишь отчаянью сродни,

Они глядят на нас с упрёком

И если только бы они!..

Сколько стихов и песен про Стеньку Разина и его княжну, а Игорь Киселёв сумел сказать на эту тему своё слово – да такое сердечное, рождённое всё той же добротой:

Поглядел и прощально и долго

На заморское чудо своё –

И сомкнулась холодная Волга

Над ребяческим горлом её...

Всё простится. Одно не простится:

Опускаясь в холодную тьму,

Чужеземная девочка-птица

Улыбалась сквозь слёзы ему...

Про Игоря Киселёва не скажешь, что у него какая-то одна, излюбленная, сокровенная тема (как, например, у Виктора Баянова – русская деревня). Тематика произведений молодого автора широка. Ничего плохого в этом нет, наоборот, стоит приветствовать склонность поэта к отображению действительности во всех её проявлениях – были бы только раздумья о ней глубоки и значительны. Но недаром говорят, что недостатки – продолжение наших достоинств.

Если вспомнить приведённое выше сравнение страниц книги с незнакомой дорогой, то некоторые стихи дают повод сказать, что иногда Игорь Киселёв незаметно для себя сворачивает со своей трудной колеи на проторённые уже кем-то другим тропки.

Вот некоторые примеры. «Продолжается наша дорога друг в друга». Чужеродным телом выглядит это выспренное, какое-то не русское выражение «друг в друга» в стихах поэта, который умеет писать просто. Не следовало повторять чеховскую находку в изображении лунной ночи: «И луна, позабытый обмылок, появившись на миг в синеве, только горлышки грязных бутылок освещала в измятой траве». Книжность отомстила здесь приблизительностью в рисунке: как бы ни сияла луна, вряд ли с точностью определишь, грязная или чистая бутылка поблёскивает в траве... Стихотворение «Человек и зеркало» – вариация есенинского «Чёрного человека». Есть в книге совсем слабые стихи. («Недалеко, в захолустье» – о том, как гуси уронили на прощанье перо, даже рифмы здесь шаблонные: гуси – гусли; «Зима», всё содержание которой – в довольно неоригинальной мысли: «Бежит смеющаяся пара, бежит, не размыкая рук»).

Эти недостатки, конечно, досадны, однако общее впечатление от книги хорошее. Игорь Киселёв – поэт серьёзный, мыслящий. Ему дорого – и в людях, и в их отношениях, и в природе – только то, что отмечено добротой, нежностью, светом, любовью, красотой, человечностью; именно поэтому возвышает он свой голос против всего тёмного, злого, несправедливого. Он хочет, чтобы жизнь на земле была похожа на сказку – ведь все сказки, которые слышал в детстве, «такие грозные в начале, такие добрые в конце», «и доброта была в них сильной, и сила доброю была». Так пусть же эта добрая сила всегда и везде побеждает! Пусть люди живут так, как положено им жить, – без вражды, недоверия, обмана, подвохов; вспомните, какими вы бываете на

переговорном телефонном пункте: **«В мембране голос бьётся, как окунь на траве. Всего ему даётся минута или две. А правда нелегка ведь, грозней гранитных плит. Но лгать, хитрить, лукавить регламент не велит».** Живите, люди, дружно, говорит поэт, дарите радость друг другу, будьте искренними и добрыми.

М. НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 17 сентября. – С. 4.

КАКОЙ ЗЕМЛЕ ПРИНАДЛЕЖИМ...

Слово – критике

В 1967 году Кемеровское издательство порадовало читателей многими интересными, разнообразными по жанру книгами – одних только поэтических сборников насчитывается около десятка. Это «Острова» Евгения Буравлёва, «Человеку нужна любовь» Владимира Измайлова, «Моя земля» Виктора Баянова. Книжку «Земляника» подарил любителям поэзии Анатолий Саулов. Вышли также переводные сборники: «Праздник мёда» Герберта Генке (перевод с немецкого Валентина Махалова) и «Струны кай-комуса» Степана Торбокова (перевод с шорского Геннадия Сысолятина).

Популярность поэзии в наши дни поистине огромна. В литературной и просто молодёжной среде то и дело возникают дискуссии, посвящённые актуальным проблемам современности и её отражению в творчестве тех или иных советских поэтов. Спор есть спор, и в пылу его никто не застрахован от ошибочных суждений. Так, например, искусственным кажется нам разделение поэтов на гражданских, лирических, интеллектуальных.

Если попытаться разложить по бытующим в критике «полочкам» творчество кузбасских поэтов, чьи новые книги вышли в минувшем году, то можно сказать: ну, конечно же, Евгений Буравлёв – это гражданский поэт, Владимир Измайлов – «поэт мысли», Виктор Баянов, Анатолий Саулов, Степан Торбоков, Герберт Генке, разумеется, чистые лирики. Но, во-первых, нет никакого смысла прибегать к такой «классификации», а, во-вторых, если мы и допустим её, нам пришлось бы отказаться от этой затеи по причине её заведомой условности. Не будем навешивать на поэтов ярлыки: этот лирик, тот публицист, а тот философ. Прислушаемся к совету Евгения Буравлёва в стихотворении «Жизнь – не гладенький шлях»: «Сам учись безо лжи говорить все слова, краснобаям назло, за фонтаном идей, за павлинами слов – видеть сущность людей». Суть не в том, чтобы сослаться на публицистическое стихотворение у одного, на лирическое – у другого, важнее «за павлинами слов» увидеть сущность каждого поэта.

Можно ли быть гражданским поэтом, не имея своей точки зрения?

Гражданственность – понятие очень широкое. Существует множество формулировок этого понятия, и, чтобы не утомлять вас ещё одной, напомним строчки Сергея Смирнова, которые, может быть, а вернее – совсем не о гражданственности, но, тем не менее, очень полно соответствуют нашим представлениям о ней:

*Жить, шагая в ногу с веком,
Делать вещи на века*

*И считаться человеком,
Не лишённым огонька!*

Прямое выражение гражданских чувств часто находят только в публицистических, декларативных стихотворениях, не подозревая, что такими чувствами могут быть пронизаны и лирические стихи. Сборник Виктора Баянова открывается стихотворением «Родник». На первый взгляд, это не что иное, как пейзажная зарисовка, ценность которой – в ярких реалистических деталях: «Ах, как приятно в тишине дремотной, среди дружески кивающих вершин, склоняясь, наполнить влагой искромётной видавший виды глиняный кувшин. И пить, да так, чтобы не только глотку струя воды внезапно обожгла, а чтоб она текла по подбородку, чтобы она за шиворот текла!» А теперь посмотрим, к какому поэтическому обобщению приходит поэт:

*Идти бы мне путём прямым, нешатким,
Свои оставив роднику следы.
И так идти, чтоб ни единым шагом
Не замутишь его святой воды.*

Идти по жизни прямо, быть везде и во всём верным родине, народу, партии – разве это не гражданственно? Разве не близко всем нам стремление поэта? Простые, тихо сказанные слова, а берут за сердце крепче громких всяких деклараций.

Вчитайтесь внимательно в сборник Виктора Баянова – гражданские мотивы вы откроете во многих стихотворениях. Кажущаяся их непритязательность – это всё тот же «обман зрения», когда за простотой формы скрывается то, что на самом деле значительно и глубоко по мысли.

<i>Сумев к утёсу прилепиться И чуть не рушась вместе с ним, Над головой моею птица Сидела пугалом лесным... Но ветер с гор ударил косо, Всё зашумело, ожило,</i>	<i>И птица сорвалась с утёса, Расправив крылья тяжело... Пусть эта зависть мне простится И до конца во мне горит. Я понял, что любая птица Красивая, когда летит.</i>
--	---

Кому принадлежат эти строки, в которых ясно проглядывается философский подтекст (красив человек в деле, в работе, в подвиге?). На первый взгляд – Владимиру Измайлову. – Нет, их написал тот же Виктор Баянов, о котором не принято говорить, что он – «поэт мысли». Не принято, очевидно, потому, что не козыряет он этим подтекстом, не акцентирует на нём внимание...

<i>Здесь всё моё: лугов раздолье, Глубь омутов и плёсов мель, И вербой пахнуций апрель, И стёжка снежная соболья – Моя земля из всех земель,</i>	<i>Мой отчий край и колыбель, Край, о котором с тайной болью Я, помня всё до малой доли, Грустил за тридевять земель...</i>
--	---

Кажется, те же, свойственные Баянову, лирические мотивы. Нет, это отрывок из поэмы «Красная горка» Евгения Буравлёва, который, по мнению многих читателей, пишет в основном стихи гражданского звучания. А всё дело в том, что в творчестве Евгения Буравлёва есть одна характерная и, скажем прямо, завидная особенность: лирика его по-настоящему гражданственна, а публицистика – лирична.

Поэт пришёл к читателю из той среды, где добывают хлеб своим трудом, орудия киркой и лопатой. Поэтому-то лучшие стихи Евгения Буравлёва о людях труда не

оставляют читателя равнодушным, воспринимаются как доверительное откровение активного участника героических трудовых свершений. Веришь, это не придумано – это пережито. Как о самых близких своих друзьях-однокашниках пишет поэт о бригадире, которого «сама бригада на должность выбирает», о взрывнике Никодиме, трагически погибшем при исполнении служебного долга, о крановщице Насте, которая, по словам деда, «маячит в будке подвесной промежду небом и землёй».

Это их словами, словами своих героев, чьи глаза «ни в большом и ни в малом не умеют лгать», уполномочен поэт честно сказать:

*И когда кто-то к слову заметит:
мол, хватит уже вам
и посёлков, и шахт,
и протоптанных вами дорог, –
ты, всегда подотчётен
перед тем, кто убит подо Ржевом,
спросишь мысленно совесть:
а всё ли я сделал, что мог?*

Вот это святое беспокойство совести и помогает героям Евгения Буравлёва жить на большом накале, всего себя, а подчас и самоё жизнь (как взрывник Никодим) отдавать вечному, неугасающему пламени, имя которому Труд.

Было бы заблуждением думать, что Евгений Буравлёв пристрастен к так называемым производственным стихам. В центре внимания поэта – человек со всеми своими раздумьями, мечтами, надеждами, радостями, огорчениями, любовью. Жизнь этого человека, нашего современника, далеко не идиллична, а до краёв полна страстями и волнениями. Горячая любовь поэта к рабочим людям помогает ему создавать произведения полнокровные, образные, насыщенные значительными мыслями и неподдельными, искренними чувствами.

Смотрите, с какой теплотой и непринуждённостью передаётся рассказ деда Кусургашева о своей внучке:

*Пока тут всё образовалось,
И только штольню стали бить,
Она ещё не сомневалась,
И как ей жить, и кем ей быть.
Пошла на фельдшера учиться.
Ну, что ж, неплохо, говорю.
А стройку начали – смотрю:
Моя Настасья – крановщица, –*

*Маячит в будке подвесной
Промежду небом и землёй.
Какой шайтан её попутал?
Ить высота какая – страсть!
– Слазь, говорю, немедля слазь!
– Люблю, смеётся, высоту-то:
В такое время родилась!*

Не стоит, наверное, гадать: лирика это или публицистика. Без любви к своим героям, с холодным сердцем не напишешь строки, в которых всё органически сплавлено – простота и живость повествования, сердечность чувств и высокий пафос. Такими вот, пожалуй, и должны быть настоящие гражданские стихи.

К декларативным же стихам приходится относиться подчас с известной долей недоверия, и, надо сказать, основания для этого есть: часто такие, очень правильные стихи пишутся не от сердца, а на потребу дня, лишь бы откликнуться на то или иное событие и в результате появляются зарифмованные шаблоны, свидетельствующие не

столько о чувствах и мыслях автора, сколько о его версификаторском умении, о способности говорить в рифму по любому поводу. Однако и стихотворные декларации могут быть не просто случайным откликом на злобу дня, а точно найденной формой выражения тех искренних гражданских порывов души, которые сами просятся на бумагу.

Характерным примером прямого публицистического высказывания являются многие стихи Владимира Измайлова. Открыто подчёркивая свои гражданские позиции, он пристально и придирчиво вглядывается в окружающее именно с этих позиций, и внутренняя убеждённость поэта в правильности своего взгляда позволяет ему создавать стихи, которые, будучи даже как будто риторичными, по силе воздействия часто не уступают самой задушевной лирической исповеди.

*Нет преград между миром
и мной,*

*Нет защиты от сложности жизни,
– Мне темно, если в мире темно,*

Трудно мне,

Если трудно Отчизне.

Разум мой не в стальной броне,

Нет у сердца громоотвода –

Горе мне,

Если горе стране,

Счастлив я только счастьем народа...

В лучших стихах Евгения Буравлёва и Владимира Измайлова единство личного и общественного очень органично. Быть верными Родине, хранить память о погибших за неё, любить свой край, который по воле простых и трудолюбивых людей становится всё краше, быть щедрыми на добро и непримиримыми ко всякому проявлению зла – вот к чему зовёт такая поэзия всеми своими раздумьями и порывами чувств. В наше время трудно представить литератора, живущего в башне из слоновой кости, оторванного от жизни народа, от его дел и забот. Если и есть такие, то вряд ли они могут рассчитывать на читательское внимание. Это понимают и сами пишущие и потому по мере своих способностей стараются говорить с читателем не только о цветочках и закатах, но главным образом о том, чем живут сегодня все люди.

Несколько слов ещё об одном ярко выраженном лирическом поэте, в лучших стихах которого звучат гражданские мотивы. Это безвременно скончавшийся 26-летний поэт Анатолий Саулов. В его книжке «Земляника» рядом со стихами интимного характера «Наш дом», «Облака, как острова» и других стоят по-солдатски строгие, готовые в бой строки о безымянных героях, погибших за народ, о слепом ветеране Отечественной войны, о космонавтах, и это не случайная дань гражданским темам, а результат раздумий поэта о Родине, о её вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем дне.

Да, это не секрет, что подчас в негромких, но очень задушевных стихах звучит та истинная гражданственность, которая рождается от близости личного опыта поэта к судьбам многих людей.

Чувство родины... Его трудно выразить словами. Ещё Лермонтов признавался, что он любит отчизну странною любовью, которую не может победить рассудок. И не в минуты ли мучительных попыток объяснить себе это чувство написал Тютчев свои знаменитые строчки: «Россию сердцем не понять,.. в Россию можно только верить»?

Проходят дни, годы, столетия, всё в мире изменяется, даже течения рек, не говоря уже о судьбах людей, – и только чувство родины остаётся неизменным. Оно почти подсознательно, но всё-таки не абстрактно. Оно и не может быть абстрактным,

отвлечённым, потому что у каждого из нас есть где-то в России тот благословенный уголок земли, где мы качались в зыбке, где впервые увидели солнце в окне и где сделали первые робкие шаги по травянистой или заснеженной тропинке.

К теме родины так или иначе обращаются все без исключения поэты. Удачи и просчёты в разработке этой темы зависят, думается, не только от степени зрелости, мастерства, талантливости автора, но и от того, насколько органично в нём чувство родины. Можно назвать многих русских поэтов, одно упоминание имён которых сразу же ассоциируется с яркими картинками народной жизни, с природой, бытом, характером и духом России.

Кузбасских поэтов можно упрекнуть в чём угодно, только не в отсутствии у них чувства родной кузнецкой земли, чувства родины.

Анатолий Саулов для своей книжки нашёл отличное название – «Земляника». Оно лирично, благозвучно и главное – точно выражает суть книги. Земляника для поэта – это символ русской земли, её вечной красоты. Чувство родины зарождается в нас рано, с детских лет, и чаще всего от общения с родной природой. Поэтому-то в «Землянике» столько звонких, искренних, свежих, как утренняя роса, строчек о сенокосных лугах, где в знойный полдень «коса, как будто молния, – к плечу и от плеча», о весенних ручьях, которые «как кони, мчат по зиме», о снегопаде, о летящих, как спутники, снежках, о птичьей ярмарке, о ельниках и полянках, об озёрах и реках, в синеве которых тонет и не может утонуть «жёлтая и круглая, как яблоко, луна»... Веришь признанию поэта: «В сердце не вмещается эта красота. Даже в шумном городе я её сберёг. Весь ещё я в гомоне ливней и берёз».

Обо всём этом писали многие поэты, но когда по-настоящему любишь людей, жизнь, природу, все её запахи, цвета и краски, когда ты обладаешь поэтическим даром, то сколько нового можешь подарить читателю! У Анатолия Саулова таких поэтических открытий немало. Вот картинка сенокоса: «На валок ты ляжешь молча. Сверху купол голубой. Или это колокольчик, наклонённый над землёй?», «тени, чёрные, как кони, убегают от берёз», «оглушительный кузнечик, будто трактор, тарыхтит». О весенней капели: «Волны звонкие монеток по асфальту катятся». Такие достоверные образы за столом не придумаешь, они подсказаны самой природой, сыновней любовью к ней.

Все раздумья, все добрые чувства в «Землянике» обращает Анатолий Саулов к земле, образ которой вырастает из самых, казалось бы, будничных деталей. «И чурбан на топоре лихо вскину во дворе. Зазвенит он от удара, рассыпаясь по траве. А в полях – перепела. А душа моя светла. Может, правда, меня мама под берёзою нашла?»; «Как будто рождаемся снова, и в роще, в зелёном дыму, так тихо и радостно, словно у матери старой в дому»; «Прислушайся к русскому слову, пословицам – из глубины пришли они, веские, словно обросшие мхом валуны».

Веское русское слово, а не пустые фразы – вот что берёт за душу в хороших стихах. Вместе с тем главное значение в поэзии, в её воздействии на читательское сердце имеет не сама по себе так называемая словесная инструментовка, какой бы искусной она ни была, а то внутреннее, подчас трудно уловимое наполнение всех, взятых в целом, слов, которое можно назвать душой стихотворения. Из-за неумения заглянуть в эту душу, читатель сплошь и рядом принимает за поэзию то, что, попросту говоря, лишь выдаёт себя за неё. А это в свою очередь способствует появлению и

благополучному существованию стихотворных поделок, написанных как бы вне времени и пространства, без чувства родины, без чувства родного языка.

Что значит для некоторых поэтов какая-то там вербочка или стог сена на лугу, когда они «на ты», запанибрата не с чем-нибудь, а с самой эпохой, с веком, столетьем, с земным шаром, с планетой! Вот, пожалуйста: «поезда двадцатого столетья... Вот так, за **веком** поспешая... Ценности размениваем старые. Видятся нам новые столетья... Мы – в пути. Эпоха – на колёсах!.. Я слышу, как в пути планета дышит... И может, где-то кто-то смотрит на мою планету... А за спиной гудит сквозь снег век непреклонный, грозный век, тревожный век!.. Но в сумрак, звеня, ветер века уводит меня... За порогом уюта, за пределами тихого быта сто дорог, сто ветров, **вся планета**... и как будто на ладони – **все стороны света**... Дороги века широки... Мгла смотрит на **мою планету**. По несжатою житу, необжитой тайгой, из планеты копытом вышибая огонь... Светофоры, крик перронов... Это века беспокойные приметы... Сердце века!..» Все эти громозвучные, как железные листы, штампы уместились в одной небольшой по объёму книжке Михаила Дёмина «Кочевье» (Москва, 1967 г.). Примеры вот такого вселенского размаха лихой поэтической музыки можно было бы умножить, полистав другие сборники, да уж очень удручающее это занятие.

Большая радость, большое наслаждение – после грохота и треска пустопорожних строчек открыть, скажем, книжку Виктора Баянова и приобщиться сердцем к настоящей поэзии, читая негромкие, скромные, полные душевной теплоты стихи.

Словно бы полемизируя с Михаилом Дёминым, который за «беспокойными приметами века» (светофорами, криком перронов) не желает замечать конкретных примет родной земли, Виктор Баянов говорит о своём, заветном:

*Сторона любимая, приметная.
У тебя приметы есть предметные...
Где-то есть такие ж зимы с вёснами,
Где-то есть такие ж кедры с соснами,
Горы есть со снеговыми шапками
И посёлки с трубами и шахтами.
Только нет нигде чего-то главного,
По цене одной лишь жизни равного,
Очень близкого чего-то, очень местного,
Только сердцу одному известного...*

Эти удивительные по своей искренности строки можно поставить эпиграфом ко всем поэтическим сборникам, вышедшим в минувшем году в Кемерове. У каждого из их авторов есть на Кузнецкой земле что-то главное, очень близкое, дорогое для сердца на всю жизнь.

Для самого Виктора Баянова – это старая русская деревня, где живут простые, бесхитростные, добрые люди, тот же одинокий дедушка Игнат, который, только настанет лето, любовно, с завидной изобретательностью плетёт корзинки и задаром, «за так» раздаёт их соседям и знакомым: «Прими подарок, добрая душа...» Те же мастера своего дела, старые плотники, владеющие искусством врубать в бревно «топор отточенный от сапога на волосок»...

Для Евгения Буравлёва – это «папахи взрывов над тайгой, зубцы дымящих скал», где, «на тоннеле вышел в бой строитель-аммонал», все трудные, как перевал, путидороги, по которым прошёл сам поэт, навсегда подружившись с прямыми, честными и мужественными людьми в телогрейках и порыжелых сапогах, со скромными тружениками вроде одного из героев поэмы «Красная горка» Гордеича, который «крошки хлеба в жизни незаработанной не съел» и который по первому зову матери-родины в любой час готов «хоть в огонь, хоть прямо к чёрту на рога»...

Горная Шория одинаково близка и дорога и для её уроженца Степана Торбокова, и для Владимира Измайлова, долгое время живущего там. Но оба они, конечно, по-разному видят этот замечательный по природной красоте уголок Кузбасса и каждый по-своему воспевают его.

В книжке «Струны кай-комуса» шорский колорит, национальный характер сородичей поэта предстают перед нами, так сказать, во всей своей первозданности, в самых тончайших оттенках. Переводчику Геннадию Сысолятину удалось донести до русского читателя даже особенности шорского стихосложения, корни которого во многих случаях – в народном творчестве, в фольклоре. Например:

В Кандалепе, земле отцовской,

У реки шестьдесят перекатов.

Сын Торбокова знает песни

Всех шестидесяти кайчи.

В Кандалепе, земле материнской,

У реки есть семьдесят плёсов.

Знает песни Торбоков-парень

Всех семидесяти кайчи.

Зная столько песен народных певцов – кайчи, Степан Торбоков, сам сказитель и одарённый поэт, вольно, как птица, поёт о том, что вошло в его сердце с малых лет – о свирепой речке Мрас-су, которой ничего не стоит протащить по своему дну стопудовые камни, о ледяной горе Мус-таг, о легендарных богатырях – охотниках, наездниках... Поэт, как гостеприимный хозяин, широко распахивает перед нами двери в своеобразный и красочный мир. В этом мире когда-то было слышно «стрел джунгарских пение, свист арканов да лязг цепей», а теперь – «сторона небывалой щедрости, рыбных рек и лесистых гор» освещена не сальными площадками, а звёздами ГЭС, а на месте глухих охотничьих троп пролегли железные и асфальтированные дороги. Даже на бесновавшейся «разъярённой медведицей» Мрас-су можно увидеть туера – самоходные речные суда для буксировки других судов. И с какой любовью воспевает поэт обновлённую Октябрём родную шорскую землю и счастливых, работающих людей, населяющих её! Для поэтического голоса Степана Торбокова тоже не характерна крикливость, зато чувство родины у него пронизывают все лучшие стихи, без него вряд ли родилась бы эта книжка, в которой наряду с произведениями гражданского звучания («Шория», «Еду по Южсибу», «Асфальт в тайге», «Гвоздь» и др.) находим мы почти дневниковые поэтические миниатюры, как «Песенка рябчика».

Не раз приходилось мне слышать от Степана Торбокова похвальные отзывы о «шорских стихах» Владимира Измайлова, а это немаловажно – получить хорошую оценку от поэта-шорца. Надо по-настоящему знать и любить людей, быт, природу этого края, чтобы написать одно из лучших, если не самое лучшее в цикле «Зов земли», стихотворение «Ушла Машка» – поэтический рассказ о большой дружбе старика-лесничего и приручённой им лосихи.

Тревожна эта ночь для старика: как ни привыкла к нему лосиха, которую он принёс к себе ещё телёнком, а услышит она зов самца, пробудится в ней «лесное, дикое, ночное» и уйдёт его любимая Машка, оставит его одного...

Тонко, правдиво и убедительно передаёт поэт не только душевное смятение старика, но и внутреннее душевное состояние животного, лосихи:

*Вся – мука,
Вся – безмолвный крик! –
Она как будто понимала,
Что ей любой оградой мало,
Но должен сам открыть старик!*

И он открыл, и на прощанье «соль щедрой горстью зачерпнул. Что соль! Всю душу на ладони лесному зверю протянул!»

Такое сильное по художественной выразительности и эмоциональному накалу стихотворение невозможно у поэта, обделённого любовью к родной земле, мыслящего отвлечёнными образами типа «моя планета», «мой век».

Немец по национальности, родившийся и выросший в Поволжье, Герберт Генке уже много лет жил в Кузбассе, учительствовал в селе Тамбар. «Праздник мёда» – первая его книжка на русском языке, однако и она даёт довольно полное представление о творческом его облике, чему в немалой степени способствует хороший перевод, сделанный Валентином Махаловым.

Чувством родины одухотворены многие стихи Герберта Генке. И дело тут не в том, что «по которой речке плыть, той и славушку творить» (Твардовский), а в тех незримых духовных нитях, которые навсегда связали Герберта Генке и как человека, и как поэта с нашим краем, с его людьми и природой. Жизнь и судьба русского народа стали за многие годы его кровной судьбой.

<i>Село моё светлооконное, Где каждый домик скромно тих, Мне твои улицы зелёные Приятней улиц городских. Я все тропинки твои выходил, Из всех колодцев воду пил,</i>	<i>На пажитях твоих и выгонах Весенний дождь меня кропил. Ветра мне волосы кудрявили, И тело солнышко пекло, Я горд твоею тихой славою, Моё таёжное село...</i>
--	---

Кто усомнится в искренности этих лирических признаний?

Когда человек сердечно привязан к родной земле, ему кажется от полноты чувств, что и эта земля небезразлична к нему, что и она любит его, как родная мать. И в такие вдохновенные минуты рождаются строчки, в которых человек и природа сливаются в единое целое:

<i>Я вернулся. И слышу, как шепчет трава Мне пропахшие ветром слова: – Где ты был? Как ты жил?</i>	<i>У какого огня Сердце грел Без друзей, Без меня?</i>
--	--

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ.

// Огни Кузбасса. – 1969. – № 1. – С. 63 – 68.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

В 1964 году молодой кузбасский журналист Геннадий Юров выпустил в Кемеровском книжном издательстве свой первый стихотворный сборник «Синий факел». Эта поэтическая заявка была благосклонно принята читателями и критикой. «Молодость, непосредственность, особая доверчивая теплота, солнечность – вот отличительные качества его пусть далеко ещё неровных, в смысле мастерства, стихов», – таким вступительным словом сопроводил сборник «Синий факел» его редактор Евгений Буравлёв, и нельзя было не согласиться с этой оценкой. Тогда же в газете «Комсомолец Кузбасса» я откликнулся на выход сборника рецензией, в которой, в частности, говорилось: «Слабость отдельных стихов в первой книжке – дело, видимо, неизбежное. Но я не жалею, что потратил время на чтение сборника Г. Юрова. Стихотворения «Баллада о поэте», «Исчезнувшие острова», «Синий факел» хочется выучить наизусть. А это свидетельствует, прежде всего, о том, что Геннадий Юров – поэт, способный создавать произведения, отмеченные самостоятельностью». Да, первая книжка не была свободна от таких «грехов» молодости, как подражательность, книжность, перепевы знакомых мотивов, но вместе с тем был очевидным тот факт, что в Кузбассе родился ещё один подающий надежды поэт.

Шло время. Геннадий Юров продолжал упорно работать над новыми стихами, и эта работа не была для него лёгкой, поиски своих сокровенных тем и образов не всегда завершались радостными находками, больше было разочарований и неудовлетворённости, которые так естественны и даже закономерны в том случае, когда молодой автор относится к себе и к своему труду со всей ответственностью и серьёзностью. Встречаясь в те дни с Геннадием Юровым, мы не могли не заметить, что наш молодой собрат по перу находится в какой-то творческой растерянности, было такое впечатление, что книжкой «Синий факел» исчерпал он все свои жизненные впечатления и по этой причине теперь стоит на распутье, которое мало что обещает. Короче говоря, творческий кризис был налицо.

Подобные тяжёлые времена переживают не одни молодые литераторы. Вспомним Твардовского, его «За далью – даль»:

*Пропал запал. По всем приметам
Твой горький день вступил
в права.
Все – звоном, запахом и цветом –
Нехороши тебе слова;
Недостоверны мысли, чувства.
Ты строго взвесил их – не те...
И всё вокруг мертво и пусто,*

*И тошно в этой пустоте.
Да, дело будто бы за малым,
А хватать-похватать – и ни рожна...
Изведав горькую тревогу,
В беде уверившись вполне,
Я в эту бросился дорогу,
Я знал, она поможет мне...*

Бросился в дорогу и Геннадий Юров. Не в кратковременную командировку по Кузбассу уехал он, а далеко на Север, чтобы пожить там, поработать, набраться свежих впечатлений, преодолеть какие-то трудности и в них закалить и окрылить свою душу. Где, как не на Севере, в краю жестоких морозов, непроглядных буранов и вьюг, рядом с мужественными, суровыми, отчаянными людьми, привыкшими ко всем житейским невзгодам, можно встретиться с чем-то интересным, необычным, подчас поражающим воображение...

Помогла ли дорога молодому поэту? Можно со всей определённой ответить: помогла, да ещё как! Он привёз с собой не только большой запас тем и замыслов, но и готовые рукописи стихотворений и поэм, которых с лихвой хватит на объёмистую книжку. С некоторыми новыми произведениями Геннадия Юрова мы уже имели возможность познакомиться по публикациям в областных газетах, радио и телевидению. Об одном из них, о лирической поэме «Возвращение», опубликованной 1 декабря 1968 г. в «Кузбассе», мне хотелось бы сказать несколько слов уже сейчас, до выхода её в будущей книжке.

Очень порадовала эта поэма! Перед нами словно другой Юров, совсем не тот, которого мы знали два года назад. Возмужал, окреп его поэтический голос, шире стал взгляд на жизнь, глубже её осмысление. Не утратив своих прежних, драгоценных для любого поэта качеств – непосредственности, сердечности, светлого восприятия мира, – муза Юрова обогатилась зрелостью мысли и чувства и – что очень важно – обрела силу настоящей гражданственности, которая всегда импонирует читателю, если она органически сливается с мягкой лиричностью.

*За плечо горизонта
Умчась на колёсах,
На полярной машине
Набрав высоту,
Помнил я о Томи,
Где по тихому плёсу
Плыло детство моё
На сосновом плоту.*

– такими вот непродуманными строчками начинает Геннадий Юров свой доверительный поэтический разговор с читателем-земляком о родной Томи, о Кузнецком крае, о Родине, и хочется дослушать его до конца, потому что, говоря о себе, автор не замыкается в узкие рамки лично пережитого, а глядит на мир с позиций поэта – гражданина, патриота своей Сибири, в которой ему близко и дорого именно то, что любим, чем дорожим мы с вами.

*Плыло детство моё
В ледовитые дали
По валунному руслу,
По лунной черте,*

*И меня с двух сторон
Берега убеждали:
Левый берег – к удаче,
А правый – к мечте.*

Последние строчки – о берегах – проходят рефреном, своеобразной мелодией через всю поэму, и не случайно: река со своими берегами мечты и удачи – это не только текущая вода с отвесными скалами и песчаными отмелями по сторонам, а также образ жизненного пути, по которому устремляется вперёд автор, а заодно с ним и мы, читатели. Не оставляют нас равнодушными проникновенные раздумья поэта о мире и войне, о берёзовых рощах и городских проспектах, о людях в рабочей робе и о первой любви... О многом размышляет вслух поэт, и главная его мысль – о людях, о родном крае, о любимой России. Твёрдо знаю, убеждённо говорит он, пока живу, не будет у меня ничего дороже, чем эта российская земля, чем эти родные мои берега!

Поэмы написана хорошим русским языком, форма её проста и одновременно тщательно отшлифована – это знак возросшего мастерства.

Тернист этот путь – путь на берег удачи, и тем радостнее, что Геннадий Юров достиг его, написав – как бы на едином дыхании – лирическую поэму «Возвращение». На наших глазах произошло второе рождение поэта.

М. НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1969. – 1 февраля. – С. 3.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Слово – критике

Новокузнецанин Михаил Борисов принадлежит к поколению людей, родившихся в начале двадцатых годов, но стихи его начали появляться в областной и центральной печати сравнительно недавно. Эти первые стихи запомнились тем, что главной их темой была война. Поэт рос у нас на глазах. Буквально за какие-то три-четыре года поэтический голос его обрёл ту силу и уверенность, которая красноречивей всего свидетельствует, что Михаил Борисов, в отличие от многих начинающих стихотворцев, занимается литературой всерьёз. Упорная работа дала свои результаты: в Кемеровском издательстве вышли две довольно объёмистые книги М. Борисова: «Верность» (1965 г.) и «Тревожное эхо» (1969 г.).

Семнадцатилетним добровольцем ушёл в сорок первом году М. Борисов на фронт. О том, как он воевал, каким отважным, мужественным артиллеристом был этот юноша, можно судить по высокой правительственной награде, которой Родина отметила его солдатские подвиги: Михаилу Борисову присвоено звание Героя Советского Союза.

М. Борисов взял перо не для того, чтобы изумлять читателей какими-то поэтическими экспериментами, словесной эквилибристикой, а для того, чтобы правдиво, искренно и просто поведать о виденном и выстраданном. Это тот счастливый случай, когда человек приобщается к литературе из бескорыстного побуждения поговорить с кем-то по душам, из безошибочной уверенности в значительности того, о чём он расскажет.

Кто был солдатом, тому знакомо горькое, щемящее чувство, которое всегда охватывает душу при воспоминании о войне – ведь столько твоих друзей осталось на её трудных дорогах. Именно это чувство пронизывает многие стихи-раздумья о том, что было двадцать с лишним лет назад. А было поистине незабываемое: жарким летом сорок первого года «Из Иркутска, Свердловска, Калуги на фронт уходил за отрядом отряд»; «после школы в первых эшелонах нас уже калечила война»; были «госпитальные дни в закубанской станице», ожесточённые, кровопролитные бои на Курской дуге, где «тигры» и «пантеры» дымокурят... «юнkersы» подбитые чадят»; был канун Победы, день второго мая 1945 года, когда «знамёна уже распластали багряные крылья над бывшим рейхстагом».

Связанные с войной впечатления так многообразны и подчас так тяжелы, что в одну из мучительных минут у поэта невольно вырывается вздох: «Горечь давняя, а не много ли накопилось её в груди?». Но слишком глубоко вошли в сердце человеческие страдания, пожарища и кровь на родной земле, слишком дороги и священны жертвы войны – и грустный вздох сменяется откровенным признанием: «Только мне фронтовыми дорогами захотелось опять пройти», т. е. мысленно вернуться в те дни,

которые снова и снова тревожат памятью о пережитом. Да и как прикажешь памяти молчать, если войне отдана лучшая пора своей жизни – юность, если «в полях под Москвой, Волгоградом, Одессой лежат одногодки и братья мои!».

Великая Отечественная война была своеобразной проверкой всех человеческих качеств, и советские люди с честью выдержали эту проверку – они предстали перед миром во всём величии своих мужественных и стойких душ, умеющих в любых испытаниях хранить беспредельную верность Родине и ничем непоколебимую нежную любовь к ней. Советский солдат беспощадно истреблял захватчиков, вторгшихся в Россию с мечтой поработить её, но он же, рискуя жизнью, под огнём спасал немецкую девочку, ибо наш солдат – это не чёрствый, бездушный солдафон, а человек с добрым, отзывчивым сердцем, которое сжимается от боли при виде плачущего ребёнка. Доброта и человечность – отличительное, характерное свойство советского человека, во что бы ни был одет он – в рабочую спецовку или в солдатскую шинель. М. Борисов находит точные слова для выражения сути нашего современника:

*И хотя бываем
Суховаты, –
Памятью
Да болью налиты, –
Мы с тобой
По-прежнему солдаты
На переднем крае
Доброты.*

Именно на переднем крае доброты всегда стояли и будут стоять советские люди, помогающие всем народам, борющимся за свою свободу и независимость.

Очень дорогой ценой, ценой миллионов жизней досталась нам Победа над коварным и жестоким врагом, и не потому ли такими справедливыми кажутся слова поэта, которые он, думая о дне 9 мая, говорит от имени своего поколения:

*Не надо ни тебе, ни мне
О сорок пятом фраз красивых...
Поверь: пока солдаты живы,
Не позабыть им о войне!*

И пусть не пренебрегают враги мира думами и чувствами вчерашнего солдата. Пусть знают они, что он, вынесший на своих плечах непомерную тяжесть, не дрогнет и перед новыми возможными испытаниями. Глядевшему в глаза смерти смерть не страшна – не за себя он сегодня беспокоится, нет, не только как память о своей юности бережёт солдат походную шинель:

*С годами она
Не состарилась даже...
И если
Опять загрохочут бои, –
Как в юности давней,
Шинель моя ляжет
По первой тревоге
На плечи мои.*

Сегодня бывший солдат занимается сугубо мирными делами – строит школы, косит хлеб, пишет стихи, но он всё время возвращается думами к подвигам, которые совершались в огне и дыму; и поэт сегодняшние свои шаги сверяет с шагами солдатской юности, с великим ратным трудом не вернувшихся домой сверстников:

<i>До сих пор</i>	<i>И достоин</i>
<i>Горят ещё</i>	<i>Или не достоин</i>
<i>ладони...</i>	<i>Тех ребят,</i>
<i>Но не знаю –</i>	<i>Что падали</i>
<i>Там ли я стою</i>	<i>в бою?</i>

Все мы знаем, что в критике существует такой термин – «лирический герой».

К стихам Михаила Борисова термин «лирический герой» неприменим. Он пишет по принципу «О том, что знаю лучше всех на свете, сказать хочу. И так, как я хочу» (Твардовский). Его стихи воспринимаются как поэтический дневник. Так уж случилось, что войну М. Борисов знает лучше, чем что-либо другое, вот и говорит он о ней почти в каждом стихотворении. При этом следует отметить одну особенность: хотя все его стихи написаны от первого лица, нигде вы не встретите выпячивания собственного «я». Скромность, даже застенчивость – отличительное свойство поэта. Это истинно русский характер.

М. Борисов больше всего думает и пишет о своих фронтовых товарищах. Этот мотив проходит через многие стихи: «Лежат друзья на старых рубежах... А я взгляну лишь с пристальностью строгой на этот мир, охваченный тревогой, и снова растревожится душа»; «Былых друзей ищу не первый год»; «И снова, как будто воочью, услышу, как трубы трубят, увижу за чёрною ночью в бессмертье идущих ребят»; «Вспоминать бы не надо, не затрагивать боли... Но легли здесь ребята воронью на раздолье»; «Последний «тигр» застыл на полпути. Мы устояли... Но какой ценою?! И здесь и там, доколь хватает глаз, с моей судьбой навек неразделимы лицом вперёд, вздохнув последний раз, лежат мои мальчишки-побратимы»...

Особенно полно открывается перед нами душа поэта, его характер в стихотворении «Встреча».

<i>Мы с ним разговорились на привале,</i>	<i>И ветер</i>
<i>Когда, ни рук не чувствуя, ни ног,</i>	<i>Вдруг замер за приземистой грядой.</i>
<i>Я у костра рыбацкого прилёг,</i>	<i>А он, изнеможённый и седой,</i>
<i>Чтоб комары поменьше донимали.</i>	<i>Заговорил про всё и вся на свете...</i>
<i>Сгустилась ночь притомская,</i>	

Случайный собеседник оказался тоже фронтовиком, и разговор сам собой перешёл к воспоминаниям о войне, к размышлениям о том, что и сейчас, в мирное время, если случится какая-то житейская беда, нужно выстоять, победить её.

<i>– Скажи, а легче было в Обояни?</i>	<i>– Когда бы только мог,</i>
<i>– Конечно, нет!</i>	<i>Но вот, браток,</i>
<i>– А вы?</i>	<i>протезы вместо ног...</i>
<i>– Что ж мы? Стояли...</i>	<i>И звякнули встревоженно медали.</i>
<i>– Так встань сейчас!</i>	

И вот как по-человечески трогательно заканчивается это стихотворение:

*Свой жгучий стыд
За горечь этой встречи
Я позабыть, наверно, не смогу.
...Горит костёр на томском берегу,
И у солдата вздрагивают плечи.*

Только очень чуткий к чужому горю человек может испытать чувство неловкости, даже как будто стыда, встретив калеку, инвалида. Ведь нет никакой твоей вины, что ты вот вернулся с фронта целым–невредимым, а твой собеседник – без ног, на протезах, и, тем не менее, сжимается твоё сердце от боли за него. Чёрствое сердце не сожмётся...

Уже немолодым по возрасту человеком приобщился М. Борисов к литературному творчеству. Написаны две книги, а чувство неудовлетворённости не оставляет поэта. «Как прожито много... Как сделано мало на этой непознанной толком земле!». Сам поэт наверняка понимает, что, работая только над одной – военной – тематикой, можно невольно впасть в повторение, в перепевы самого себя. По мере своих сил и способностей он старается расширять круг тем, но пока делает это как-то неуверенно, робко. Однако не случайно родилось такое обнадеживающее стихотворение, как «Песня о песне»:

<i>Чья-то песня у околицы села Отзвенела, отыграла, отцвела. Чья-то песня, Обнимая небосвод,</i>	<i>Над полями, словно радуга, Плывёт. Только я ещё заветную свою Берегу И в полный голос не пою...</i>
--	--

А в другом стихотворении поэт восклицает:

*Не верю,
что в сердце уже отзвучала
Неспетая песня моя!*

Не верим в это и мы, читатели. Верим в другое: Михаил Борисов ещё не раз порадует нас новыми по-солдатски искренними и чистыми песнями.

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ.

// Огни Кузбасса. – 1970. – № 3. – С. 80 – 82.

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Критика и библиография

Имя Владимира Матвеева хорошо известно многим читателям – он единственный в Кузбассе поэт, который работает исключительно в жанре юмора и сатиры. В повседневном обиходе его так и зовут: поэт–сатирик.

В Кемеровском книжном издательстве вышло четыре стихотворных сборника В. Матвеева: «Иронические строки» (1962 г.), «Букет шипов» (1964 г.), «Житьё-бытьё» (1969 г.) и «Копыто Пегаса» (1973 г.). Четыре сборника – это не так уж мало для того, чтобы обстоятельно поговорить о творческих поисках и находках их автора.

Первый сборник В. Матвеева вышел с кратким предисловием известного московского сатирика Цезаря Голодного, который тепло напутствовал своего молодого

собрата по перу, желая ему успехов на нелёгком поприще поэтического обличителя всего того, что мы привыкли именовать пережитками прошлого. Название сборника очень точно определяло его содержание и форму – это были действительно короткие, четырёхстрочные и восьмистрочные иронические миниатюры, высмеивающие всяческих бюрократов, тунеядцев, подхалимов, обывателей. Уже по этим кратким ироническим строкам было видно, что перед нами – серьёзная творческая заявка поэта, умеющего зорко подмечать косное, отживающее свой век, а главное – умеющего по своему, оригинально решать ту или иную тему. Но в этом сборнике молодой поэт иногда ограничивается простыми каламбурами, вроде «Беда в хозяйстве: головы дубовые (ещё немало их, увы и ах!) – культуры сеять не хотят бобовые и остаются на бобах». Или «Петровой предложенье внесено: как лучше раскроить сукно. Идея хороша, – на фабрике решили. И... под сукно идею положили». В таких каламбурных строчках чувствуется нарочитость, а это уже плохо. Не свободен молодой поэт был в первом сборнике и от подражательности.

Поиски наилучшей формы выражения своих мыслей и чувств В. Матвеев продолжил и во второй книге – «Букет шипов». Он пробует создать серию стихотворных фельетонов, но эту пробу, на мой взгляд, нельзя назвать удачной. Большинство фельетонов были многословны, декларативны, лишены оригинальных поворотов мысли. Сильнее здесь то, что было найдено вначале, в первой книжке, – короткие, но ёмкие по мысли стихи, например:

*Сынка журил за грубость папа:
«Как ты ведёшь себя, растяпа?!
Не бей девочек, крокодил,
В кого, лопух, ты угодил!».*

Это бьёт прямо в цель – в некультурного папашу – воспитателя. В фельетонах же этой остроты мысли нет, и воздействие их на читателя ослаблено длиннотами. Иную, более яркую окраску приобретает в «Букете шипов» то, что было сперва заурядным каламбуром; игра слов наполняется большой смысловой глубиной. Вспомним стихотворение «Поклонник заморского голоса»: «К волне заморской тянется душой. (Плетут такое – дыбом волосы!). Сначала «Голос...» слушает чужой, потом поёт с чужого голоса...». Здесь уже не просто обыгрывание слова «голос», а углубленное проникновение в политическую тему с позиций гражданина, патриота своей Родины. С истинным остроумием обыграно слово «сидит» в миниатюре «Маг»:

<i>Сидит завмаг.</i>	<i>возмущены:</i>
<i>В отчёте пишет:</i>	<i>«Вот это гусь!</i>
<i>«Полтуда мяса</i>	<i>Вот это маг! –</i>
<i>съели мыши...».</i>	<i>Выходит, мыши,</i>
<i>Все хитрецом</i>	<i>как слоны».</i>

Обыгрывание слов и понятий у многих сатириков – излюбленный приём. Удаётся он только тогда, когда проявляется чувство меры.

Положительным результатом творческих поисков в «Букете шипов» является раздел под названием «Посадил дед репку... (Как бы написали некоторые из кузбасских поэтов по мотивам народной сказки)». В этом разделе помещены литературные подражания особенностям стиля кузбасских поэтов – Евгения Буравлёва,

Владимира Измайлова, Виктора Баянова и др. Эти подражания – первые подступы к этому жанру, в котором наиболее сильно проявится позже сатирическое дарование В. Матвеева. В этом убеждаешься, раскрыв его третий сборник – «Житьё-бытьё».

По сравнению с первой книжкой лишь третья представляется нам заметным шагом вперёд в творчестве В. Матвеева. В ней больше, чем в двух предыдущих, стихов по-настоящему зрелых по мысли и отточенных по форме.

О последнем сборнике – «Копыто Пегаса», вышедшем в нынешнем году, говорить гораздо сложнее. В нём сделана попытка в форме пародий и шаржей создать галерею портретов писателей, артистов, художников, творческой интеллигенции Кузбасса. Задумано это интересно, если учесть, что каждый литературный портрет дополняется рисунком художника Николая Бурцева, и у сборника как бы два автора. Но дело в том, что не все персонажи книги хорошо знакомы широкому кругу читателей. Эта книга, что называется, об избранных и для избранных. Если бы, предположим, речь шла о популярных кинозвездах, о которых все мы знаем очень многое, то в этом случае самый маленький характерный штришок портрета вызывал бы у нас целую гамму ассоциаций, связанных с тем или иным фильмом, с той или иной ролью. А что даст массовому читателю, например, шарж на художников Вадима и Анатолия Пресняковых под названием «Знаем мы вашего брата» (название – остроумное): «Они из талантливой творческой рати, знает их область вся: простые расейские братья повсюду творят чудеса»? Нет здесь и намёка на какую-то творческую индивидуальность братьев-художников. И таких портретов в книге много. В некоторых случаях и того хуже: игра слов оборачивается обидной для персонажа характеристикой.

Подведём некоторые итоги. Лучшее в работе Владимира Матвеева – короткие басни и пародии. В этом направлении, думаем, и надо ему продолжать свои поиски, особенно в создании литературных пародий.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР.
г. Кемерово. // *Кузбасс*. – 1973. – 26 декабря. – С. 4.

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО

Издано в Кемерове

Большинство молодых авторов начинает свой путь в литературу, как правило, через газеты, альманахи, журналы, коллективные сборники. Это, пожалуй, самое типичное явление в писательской практике. У студентки из Новокузнецка Любови Никоновой творческое приобщение к литературе произошло несколько иначе: она почти не выступала перед широким кругом читателей в периодической печати, а сразу заявила о себе как о поэте самостоятельной книжкой, весьма солидной по объёму (семьдесят одно стихотворение). Уже сам этот факт, содержащий в себе элемент неожиданности, и заинтересовывает, истораживает: а не поторопился ли автор с выпуском такого объёмистого сборника, оправдан ли такой смелый шаг?

Прочитав книжку, приходишь к твёрдому убеждению: нет, не поторопился, выход её оправдан.

Общее впечатление от книжки «Скрипичный ключ»*) можно выразить в двух словах, которые вынесены в название этой рецензии: хорошее начало. Первое, что

бросается в глаза при чтении стихов, – это зрелость мысли и чувства, которая временами заставляет забыть о том, что автор – совсем молодой человек. Не присущую молодости наивность, а склонность к глубоким, серьёзным размышлениям находим мы в лучших стихах Любови Никоновой.

Второе, на что сразу же обращаешь внимание, – это уверенное, почти профессионально свободное обращение автора со словом, со сложной, а иногда просто непосильной для многих молодых техникой стихосложения. Для Любови Никоновой уже нет особой проблемы, как в рамках стихотворной формы выразить ту или иную мысль. Невольно вспоминается пушкинское: «О чём, прозаик, ты хлопчешь? Давай мне мысль, какую хочешь...» и т. д. Судя по всему, выходу книжки предшествовала длительная, наверняка ещё на школьной скамье начатая, самостоятельная литературная учёба. И результат сказался.

Поэтический мир Любови Никоновой очень богат и разнообразен. Главное в нём – торжество жизни во всех её проявлениях: и в радостных, и в драматических: «Кругом лишь жизнь, одна лишь жизнь кругом. И в молодом и в старом человеке всё тот же смех, всё тот же слёзный ком – и не уйти от этого вовеки». Мотив жизнеутверждения проходит через всю книжку, он звучит даже там, где речь идёт о большой печали. Стихотворение «Какой любви исполнена печаль!» даёт нам возможность понять самое основное в мироощущении лирической героини: «Люблю простое – травы, небеса – не потому, что мне оно служило, не потому, что радует глаза, а потому, что это вечно живо».

Благодаря этой бесконечной любви ко всему не выдуманному, а реально существующему, и родились самые лучшие стихи Любови Никоновой. Стихи о Родине, о матери, о любимой бабушке, о добрых, гостеприимных жителях Севера – якутах, об оленьей тропе, проложенной быстролётными нартами, о «сказочной нежности в начале пробудившегося дня», о сельском клубе.

Музыка в сердце лирической героини занимает не последнее место, не случайно поэтому и название книжки – «Скрипичный ключ».

С тонким пониманием музыки, с возвышенной любовью к ней написаны такие, например, стихотворения, как «Прекрасные мелодии», «Мальчик со скрипкой», «Два марша», «Оркестр играет Чайковского», «Соната». С восторгом и нескрываемой завистью говорится в одном стихотворении о незнакомой музыкантке:

<i>Тебя рядом с ней беспечно</i>	<i>Впервые, быть может, впервые</i>
<i>Куда-то, как к небу, несло.</i>	<i>ценить научилась я их,</i>
<i>Что делать?</i>	<i>прекрасные, хоть и чужие,</i>
<i>Она музыкальна.</i>	<i>те чувства, что выше моих.</i>
<i>А музыка выше всего!</i>	

Думается, что именно музыка, чуткое восприятие её помогли Любови Никоновой создать такие романтического настроения стихотворения, как «Венценосный журавль», «Стрекозы», «Козлёнок Бэк», «Амурские волны». Наряду с этими вещами, как бы

*) Любовь Никонова. Скрипичный ключ. Стихи. Кемеровское книжное издательство, 1974.

приподнимающими читателя над обыденностью, в книжке встречаются стихотворения с сугубо реалистическими, бытовыми деталями и подробностями. Например, мысль о людской доброте в стихотворении «Бездомный кот» выражена при помощи самых простых житейских образов: «Всю ночь на лестнице кричал, кричал бездомный кот... Под утро сделалось жильцам не в меру как легко: на всех площадках, тут и там стояло молоко!». Сочетание возвышенно-романтического и житейски-прозаического в книжке свидетельствует о том, что Любовь Никонова обладает способностью пользоваться разнообразными изобразительными средствами, что её поэтические приёмы не однозначны, не стереотипны.

Есть, конечно, в первой книжке молодой поэтессы и недостатки. Они разного характера. Иногда Любовь Никонова небрежна в рифмовке. *Больше – ночью* – разве это созвучно? В некоторых вещах чувствуется подражательность, причём не лучшим образцам, а просто так, ради моды. Вот, скажем, начальное четверостишие «Цыганочки»: «Плясала ты цыганочку. Какой момент! Цыганочка, цыганочка, хочу в «Ромэн»!» И так до конца – явно под Вознесенского. Самый существенный недостаток – впечатляющие первые строчки и скомканная концовка. Смотрите, как просто и в то же время выразительно начато стихотворение о весне: «Взошли цветы, поля зазеленели, но в перелесках снег ещё лежал и в тех местах, где ручейки звенели, темнел, переливался и дрожал». А заканчивается это стихотворение совершенно слабо – вяло и рассудочно: «И жизнь рождалась и в дерзание смелом могущество предвидела своё Земля! – вот то, что вечно мы имеем, всё остальное – производные её». Здесь только одно слово «производные» и то уводит нас в сторону от поэзии.

Среди по-настоящему искренних, прочувствованных стихотворений попадаются, к сожалению, и надуманные, «из головы». Одно из них – «Ностальгия». Идёт кинофильм, на экране – чужие страны с экзотической красотой. Они захватывают внимание, но, по мысли автора, сердце вдруг начинает тосковать по всему тому, что за стенами кинотеатра: «Но что же это? Что же случилось? Звучат родные голоса. Душа по ним истосковалась в кино за полтора часа!». Чистейшая выдумка: нереальное, незнакомое ни одному зрителю чувство.

На частных языковых погрешностях останавливаться не будем – Любовь Никонова уже сама, наверно обнаружила их. А вообще впечатление от книжки, повторяем, приятное. Молодой автор выступил с первым сборником сочинений. Начало хорошее.

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР.
г. Кемерово. // *Кузбасс*. – 1974. – 13 июля. – С. 4.

НЕОТЛОЖНАЯ СЛУЖБА ДУШИ **О новой книге стихов Игоря Киселёва**

Игорь Киселёв издал не так уж много книг, не очень часто выступает и в периодической печати, но его имя уже давно и прочно вошло в литературу Кузбасса, хорошо известно многим любителям поэзии, пользуется у них заслуженным уважением и симпатией. И все, кто по-настоящему любит стихи этого талантливого поэта, с удовольствием прочтут его новую, недавно вышедшую в свет книгу «Человек приходит к человеку».*

Писать не спеша, неторопливо, но добросовестно – такого строгого принципа придерживается Игорь Киселёв в своей работе, и это даже нашло выражение в конкретной поэтической формулировке:

*Нет, дело не в размерах публикаций,
Идёт не книжкам выпущенным счёт,
И мне совсем до лампочки, признаться,
Кому какой там выпадет почёт.*

Это из стихотворения «Товарищи поэты». Всё оно проникнуто искренней, неподдельной любовью к поэзии вообще и к своим старшим собратьям по перу. Игорь Киселёв далёк от тщеславного чувства, мол, я – лучше многих; наоборот, соотнося свои поэтические дела с делами других, он пишет:

<i>Есть у меня товарищи поэты.</i>	<i>Чёрт побери совсем! Да неужели –</i>
<i>Немало их – горжусь – по всей</i>	<i>И я почти смиряться с тем готов –</i>
<i>стране.</i>	<i>Всю жизнь мою мне суждено на деле</i>
<i>И с юных лет – я не придумал это –</i>	<i>Быть подмастерьем в клане</i>
<i>За ними гнаться приходилось мне...</i>	<i>мастеров?!.</i>

Как не хватает порой иным поэтам вот такой – почти до самоуничтожения – жесточайшей требовательности к себе! А ведь только она – залог того, что когда-то, со временем, ты и сам можешь стать мастером. Правда, иногда у Игоря Киселёва, как у всякого поэта, долго и упорно работающего в литературе, появляется уверенность: и я кое-что могу не хуже других, но сознание этого никогда не переходит у него в самоуверенность. Драгоценнейшая черта настоящего художника! В оригинальном стихотворении «Скорая помощь» размышления о творчестве достигают определённой высоты:

<i>И когда мне становится плохо</i>	<i>Летом,</i>
<i>От беды, постучавшейся в дом,</i>	<i>Осенью,</i>
<i>Открываю я Пушкина, Блока,</i>	<i>В полдень и в полночь,</i>
<i>Открываю Есенина том...</i>	<i>В шуме города,</i>
<i>Только строки любимые вспомнишь –</i>	<i>В дальней глуши</i>
<i>И поймёшь, их дыханьем согрет,</i>	<i>Мчи, поэзия, людям на помощь,</i>
<i>Что поэт – это «скорая помощь»,</i>	<i>Неотложная служба души!</i>
<i>Если он настоящий поэт.</i>	

Уже по этим немногим процитированным строчкам читатель, наверно, понял, что напрасно Игорь Киселёв, так сказать, прибедняется, чересчур скромно оценивая свою работу. Пусть он всё ещё не удовлетворён собой, но то, что выходит сейчас из-под его пера, сделано на хорошем поэтическом уровне, сделано с завидным мастерством. Что это именно так, подтверждается и многими его стихами, и желанием как можно больше цитировать их, ибо хорошие стихи всегда хороши лишь сами по себе, а не в пересказе.

Эпиграфом к одной из самых заветных тем Игоря Киселёва можно было бы поставить следующие его строки:

[* – Игорь Киселёв. «Человек приходит к человеку». Стихи. Кемеровское книжное издательство. 1975. 109 стр., 35 коп.]

*Крепнет сила людская,
Растёт год от года.
Что ни день –
Умножается знаний запас.*

*И не мы теперь
Милостей ждём от природы,
А давно уже
Ждёт их природа от нас.*

Недаром книга открывается философски-публицистическим произведением на тему о защите природы, о сохранности её первозданной красоты от бездумного, подчас варварского её уничтожения. Произведение называется «Несколько монологов на одну тему», оно состоит из нескольких глав: «Говорит художник», «Говорит берёза», «Говорит топор», «Говорит автор». И также недаром суть упомянутой темы коротко выражает строчка В. Хлебникова, повторяющая стихотворение «Быть в ответе!»: «Леса обезлисили, леса обезлосили». Большой любовью к «братьям нашим меньшим» – к животным, заточённым навсегда в неволю, в клетки, проникнут цикл под общим названием «Стихи, написанные в Алма-Атинском зоопарке». О силе и глубине чувства, с каким написан цикл, свидетельствует очень характерный для всех этих стихов следующий пример – начало стихотворения «Молитва лани»:

*Отпусти меня в лес!
В кольцо
Быстрых рек, где трава и птицы,
Посмотри: на твоё лицо
Тень от клетки моей ложится!..*

Сохранить, уберечь природу, быть человечным по отношению к ней – в этом, как и во многом другом, видит свою миссию влюблённый во всё живое на земле, во всё прекрасное на ней Игорь Киселёв – поэт, которому в немалой степени присуще чувство ответственности за мир, в котором наряду с радостью и счастьем – увы – существуют ещё зло, боль, страдание.

Много исписано разными стихотворцами бумаги на такую злободневную тему, как стремление всех честных людей планеты к разрядке напряжённости, к длительному миру, крепкой дружбе. Декларации в этой теме, как и в любой другой, не задевают за душу, не запоминаются. Однако и публицистика может быть действенной, восприниматься не умозрительно, а всем сердцем, если она, что называется, пропущена и через сердце поэта, очеловечена. В этом убеждает нас стихотворение Игоря Киселёва, давшее название книге: «Человек приходит к человеку».

*Не на суд, не в солнечную Мекку,
Не искать спасенья к алтарю, –
Человек приходит к человеку:
– Дай-ка, я с тобой поговорю!..
Мир так хрупок!*

*В мире мира нету!
И заставы вдоль границ сильны.
Изо всей истории планеты
Наскребёшь лет двадцать без войны.*

Неужели, спрашивает дальше поэт, это нормально? Неужели атомным пожарам суждено зажечь материки? Нет, так не должно быть!

*И порукой в том
От века к веку, –
Создавая мирную зарю,*

*Человек
Приходит к человеку:
– Дай-ка, я с тобой поговорю!*

Значительное место в книге занимает цикл под названием «Встреча с Пушкиным» – стихи, написанные по впечатлениям от пребывания автора в пушкинских местах.

Многое тут сделано с великой любовью к родоначальнику нашей русской литературы – и с любовью по чувству, и крепко, даже, я сказал бы, изящно по форме, но всё же этот цикл отчасти оставляет впечатление книжности, вторичности, потому что в некоторых строчках слышна – и автор не скрывает этого – переключка со строчками гениального поэта, а реминисценции всегда вызывают у нас чувство неудовлетворённости – нам дороже всего собственный голос автора.

Случайностью можно считать, что в книге оказалось стихотворение «Воспоминание», которое после некоторых деталей и подробностей из жизни одного села заканчивается такими строчками: «Там Катенька Смирнова любила одного, а вышла за другого. Но это ничего...». Сколько не присущих творчеству Киселёва холода и равнодушия к чужой человеческой драме в последней строчке: «Но это ничего...»!

Закончить разговор о новой книге Игоря Киселёва мне хочется тем, с чего начал, – его стихотворением «Есть у меня товарищи поэты».

<i>...А я гонюсь! Я день и ночь в погоне – Так далеко они все впереди! От сигарет крепчайших, от бессонниц Выскакивает сердце из груди.</i>	<i>И вот – догнал! Светло и удивлённо, Уже почти не властвуя собой, За поручни последнего вагона Схватился потрясённой рукой!</i>
---	---

И хотя дальше опять начинаются разочарования, сомнения, почти отчаяние: «Они опять далёко-далеко!», мы, читатели, с радостью видим: не напрасна эта погоня за великими образцами – в лучших своих стихах Игорь Киселёв предстаёт перед нами не учеником, не подмастерьем, а хорошим мастером своего дела.

Михаил НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 14 октября. – С. 4.

ИСТИННЫЙ ЛИРИК

Штрихи к портрету

В феврале прошлого года мне позвонили из Белова и сообщили печальную весть: умер Николай Пискаев...

Впервые со стихами Николая Пискаева мне довелось познакомиться шестнадцать лет назад. 4 декабря 1963 года в газете «Комсомолец Кузбасса» под рубрикой «Открытая консультация» я подробно разобрал несколько стихотворений начинающего поэта. Уже тогда в его литературной работе привлекала внимание такая отличительная черта истинной поэзии, как простота и задушевность. По качеству эти первые опыты не были, конечно, равноценными: одни строчки можно было прямо с ходу помещать в газету, а другие, стоящие по соседству, нуждались в доработке. Положительным примером являлось небольшое стихотворение о вечной молодости души:

<i>Мне в голову покамест не приходит, Что там, за поворотом, за леском,</i>	<i>Моя же старость медленно выходит С посеребрённым добела виском. И смотрит, смотрит на тропу-дорогу,</i>
---	--

*Пронзая взглядом темень
и туман,
Всё ждёт – дойду я и поставлю
ногу
В неотразимый старческий капкан.
А я живу, кипя в своей заботе,
Переживая радости, беду.
И верю, что на этом повороте*

*Я непременно старость обойду.
Капкан замечу – пробегу стороной,
Пусть от злости бросит старость
в пот,
Что я за лесом скрылся с песней
звонкой,
Уйдя за новый, дальний поворот.*

По той подборке было отчётливо видно: молодому поэту есть что сказать о жизни, о людях; переживания его как лирика разнообразны и глубоки. Запомнилось, например, грустное стихотворение о мимолётности всего сущего, о неповторимости сегодняшних красок, запахов, настроений.

*Настанет ночь. И снова мне приснится:
Сгорело что-то, вьётся сизый дым.*

О том, что чувства, выраженные в этом стихотворении, подлинны, а не выдуманы, свидетельствует такая деталь: подобный же мотив мы находим в более позднем стихотворении «Закат»:

*А там, где небо синим краем
На грудь земли легло, звеня,
Горят, багрово полыхая,
В огне закатном ячменя.
Горит дорога... Всё дымит...
И обожжённый тем огнём,*

*Как с человеком, распротиться
Хочу всегда с прошедшим днём.
Как друга давнего, как брата,
Хорошей песней вспомнить...
День отошёл, огнём заката
Поцеловав земную грудь.*

Кого-то из читателей, возможно, привлечёт здесь оригинальный образ вечерней зари, а, на мой взгляд, главное в этом стихотворении – любовное, какое-то, я бы сказал, трогательное отношение автора к окружающему миру. Кстати, о большинстве стихов Николая Пискаева не скажешь, что они отличаются яркой образностью, нет, характерной особенностью их является иное, по-моему, более ценное, чем образ во что бы то ни стало, – это искренность чувства и достоверность рождённой в долгих раздумьях мысли. Николай Пискаев, как всякий истинный лирик, больше всего заботился о том, чтобы верно и точно передать то или иное душевное состояние, и уж если он начинал стихотворение – можно было не сомневаться, что взялся за перо не из каких-то отвлечённых соображений, а по внутренней необходимости, как говорится, по велению сердца. В доказательство сошлюсь на такое стихотворение, вошедшее в первую книжку поэта «Мой край задумчивый и нежный» (1970 г.):

*Последний клён срубил какой-то
дьявол
И на дрова, должно быть, уволок.
А я-то думал: здесь шумит дубрава,
Преображая этот уголок.
Грибы на зорьке, думал,
вырастают,
На всю дубраву соловьи поют.*

*А мне о ней лишь пни напоминают,
В которых бойко муравьи снуют.
Потрескивают сучья под ногами,
Репейник густо заселил овраг,
На солнцепёке – лебеда кругами...
Эх, люди, люди.
Разве можно так?..*

Какую естественную разговорную интонацию нашёл поэт для освещения не новой, казалось бы, темы! Особенно хороша в этом смысле последняя строка, которая воспринимается, как грустный вздох, невольно вырвавшийся из груди любящего природу человека. Никакой позы, нарочитости, придуманности, и даже изобразительные средства самые обыкновенные, не претендующие на броскость, эффектность, а стихотворение берёт за душу.

Николай Пискаев родился и провёл детство в селе Поморцево Кемеровской области, и хотя по ряду обстоятельств жить ему пришлось в городе, он всё время тосковал по деревне, по своим односельчанам, и эта – отнюдь не показная – тоска часто выливалась у него в отличные стихи, навеянные воспоминаниями о деревенском житье-бытье. Недаром и название второй своей книге, которая увидит свет в этом году, он дал самое дорогое для себя – «Деревенское утро».

Вот оно, его заветное:

Забота вечная о хлебе

Мне словно пахарю дана.

Вот появилась туча в небе:

А в срок ли, думаю, она?

Не повредит ли сенокосу?

Природу мысленно корю.

За папиросой папиросу,

За тучей той следя, курю.

И в пору жатвы замечаю,

Что вновь боюсь дождливых дней,

А в сушь весной переживаю

Из-за того, что нет дождей.

Рабочим званьем козыряю

И хлебным полем дорожу.

К какому классу – сам не знаю,

Сегодня я принадлежу.

Это стихотворение в числе других опубликовано в коллективном сборнике «Дыхание земли родимой», который недавно выпустило Кемеровское книжное издательство. В этой своего рода кузбасской антологии – стихи тридцати пяти поэтов, среди которых Николай Пискаев – один из самых одарённых. И тут невольно вспоминается чуть ли не главная черта его человеческого характера: скромность. Она притягательна в любом из тех, с кем нам приходится встречаться в жизни, но в Николае Пискаеве скромность была чрезмерной, и по этой причине оказывала ему плохую услугу: мешала поверить в свою природную одарённость, постоянно терзала сомнениями в своих силах и возможностях. В его письмах ко мне то и дело попадаются такие фразы, как «пишу мало, что-то не работается, нет настроения», «занимаюсь доработкой старых стихов», «в издание своей книги не очень верю» и т. д. А будь у него побольше уверенности в себе – больше было бы и сделано...

Скромность в нём была кровной сестрой редкостной честности. Вспоминается такой случай. В январе или феврале 1968 года газета «Кузбасс» напечатала большую подборку стихов молодых кузбасских авторов, и в числе их стихотворение «Руки» земляка Николая Пискаева, беловчанина А. Бармина. А дня через три в редакцию газеты пришло письмо от её читателей, супругов Соколовых, которые недоумевали, почему под стихотворением «Руки» стоит подпись «А. Бармин» – ведь его автор ленинградская поэтесса Надежда Полякова.

И вот что написал мне Николай Пискаев, когда узнал об этой истории: «Только что приехал из редакции городской газеты и сразу сел писать вам письмо. Вы, конечно, знаете давно уже, что натворил А. Бармин, член нашего литературного кружка. У меня пока не укладывается в голове этот факт. Невероятно. Позор. В редакции его, что

называется, «потрясли», и он признался, что этот случай со стихотворением «Руки» не единственный. Указал ещё на несколько стихотворений, опубликованных им в городской газете. Но только «Руки» с рук не сошли.

Позор, конечно, не только А. Бармину, но и всем нам, членам всей литгруппы, вовремя, хотя бы раньше, чем он попал в «Кузбасс», не сумевшим уличить его в краже, в плагиате.

Тяжело, как несчастье, переживаю этот случай, потрясён до глубины души. Ведь я по своей душевной простоте и, вероятно, узости своего кругозора рекомендовал его вам. Чёрт возьми, вроде бы и стихов читаю немало, в своей библиотеке имею около семисот сборников – и вот как-то просмотрел... И это перед самым совещанием молодых писателей Кузбасса, откуда теперь, наверное, всех нас (имею в виду беловчан) с треском выгонят».

Только честнейший человек может так сильно переживать бесчестный поступок кого-то другого, как собственное несчастье. А следующее письмо приоткрыло и другую сторону характера моего молодого друга – сердечную доброту, которой даже незнакомо чувство мстительности или злорадства, а, наоборот, близко что-то вроде сострадания, скрытой жалости и сочувствия:

«Очень рад, что вы не успели ничего сказать (в газете) о Саше Бармине. Чёрт его знает, что происходит. Ведь он всё-таки не дурак... Его я давно не видел, ездил к нему – дома не застал. Мих. Ал., готов во всеуслышание сказать о его позорнейшем поступке и в то же время с болью в душе смотрю, с каким удовольствием его «едят». И вот уже целый месяц такая сумятица, неустроенность в душе. Может быть, просто ошибся человек... молодой всё-таки, а?

Ничего не могу понять, хотя в моём возрасте, вероятно, надо бы кое-что понимать в любой сложной ситуации. Что поделаться...».

Я не случайно привёл такие большие выдержки из писем Николая Пискаева – о себе человек рассказывает лучше, чем другие о нём. А из этих писем читатель ясно представит личность поэта, и не только поэта, а и человека.

Есть народная пословица: о покойном плохо не говорят. Но мы говорим о Николае Пискаеве хорошо не потому, что его уже нет с нами, а потому, что это был действительно прекрасный человек и поэт.

М. НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1980.

– 3 января. – С. 4.

КАК В ЧИСТОЙ ГОРНИЦЕ...

«Красно яблоко» – первая книга стихов Алексея Томилова, человека рабочей биографии: он осваивал целину, работал на шахте, на кирпичном заводе, монтажником и кислотоупорщиком на строительстве предприятий большой химии; последние четырнадцать лет работал монтажником и прорабом на строительстве гиганта металлургии – Запсибе. Весьма возможно, что когда-нибудь все эти трудовые вехи найдут своё отражение в творчестве Алексея Томилова, а первая книга его целиком посвящена русской деревне, где он родился и вырос. Вот что пишет в предисловии редактор книги поэт Виктор Баянов: «Думаю, эти стихи рождены раздумьями о

сегодняшнем человеке, который в современной спешной жизни теряет иногда многое из того, чем одарён при рождении, что приобретено им в начальную пору общения с жизнью, природой, людьми».

Да, именно такие раздумья о детстве, о юности и составляют основу этой книги. Читать её интересно, потому что лучшие стихи в ней – это яркие живые картины деревенской жизни, которую поэт знает не понаслышке.

В его стихах выпукло и зримо передаётся атмосфера далёких военных лет, нет ничего выдуманного, которое сразу же проявилось бы какой-то неточностью. Да и незачем Алексею Томилову что-то выдумывать – достаточно найти в душе что-то полузабытое, но бесконечно дорогое, близкое ей, и вот уже перед нами как бы лирическая дневниковая запись, свидетельствующая о том, что автору есть что рассказать нам и о себе, и о своих односельчанах, и о времени, в котором всё это происходило.

А происходило там много такого, что сейчас, по прошествии лет, просится на бумагу. Не забыть, как в первый раз, мальчишкой, впервые взял в руки косу, как от этой молнии-косы повалилась скошенная трава на залидном лугу и как мать, радуясь приобщению сына к самостоятельному крестьянскому труду, не могла нарадоваться: «Кто говорил, подмоги нет? Вот я и дождалась!» Не забыть, как уже после войны, словно в праздники, светлела изба, когда из печи пахло полев яровым, и мать с улыбкой именинницы цвела, неся к накрытому широкой белой скатертью столу большой каравай настоящего свежего хлеба. Никогда не забудется, как в светлый от солнца и берёз день отец обновляет старую избу, как, глядя на неё, всё раздумывает: что-то ещё вроде недоделал: «И – опять в руках его топор... Бьёт из тёса благодать лесная. И меняет снова свой убор то ль изба, то ль сказка – я не знаю». Всегда будет помниться и волновать сердце поистине праздничная работа плотников: «Пляшут «Ахи», стонут плахи. Эх, гуляют топоры!.. «Ах!» – и вспыхивает ярко на венце весёлый срез. «Ах!» и «Ах!» – ликуют жарко топоры весь день окрест... Оближи сухие губы, чуб смахни с большого лба, улыбнись-ка белозубо. Пусть у солнечного сруба будет светлую судьба!» А одно из дорогих воспоминаний о детстве даже вылилось в поэму под названием «Бабушкин лён», в которой очень подробно и поэтично изображается весь, так сказать, трудовой процесс, связанный с обработкой льна, с превращением этого полевого растения в холсты, в полотна: «Он рос зелёный, ровный, гребешками... Потом, как море, поле голубело. И рябь цвела на нём, как бирюза...» Много дней проходило в заботах-хлопотах об этом любимом бабушкином льне – и вот она «На солнышке полотнища сушила, чтоб были, словно лебеди, белы. Потом на всю семью обновишила и скатерти с кистями на столы. А мне такие ладил рубашки, чтоб были, словно пёрышки, легки. По вороту, как солнышки – ромашки, по рукавам – ленок и васильки...».

Правильно говорит в предисловии Виктор Баянов, что «лучшие стихи Томилова – густы, красочны». Эти слова в наибольшей степени можно отнести к поэме «Бабушкин лён», в которой словам тесно, а мыслям, метафорам – просторно. Это, на мой взгляд, самая лучшая вещь книги.

Большая, горячая любовь автора к деревне, к своим землякам видна в каждом его стихотворении. Эта душевная привязанность к истокам своего бытия снова и снова

зовёт Алексея Томилова к своей малой родине, и всякий раз, когда он приезжает туда, его сердце переполняется новыми впечатлениями, которые вдохновляют его на искренние строки, не оставляющие и нас, читателей, равнодушными.

*Меня зовут опять на пироги.
Их напекли сегодня в каждом доме.
Радушные, как дети, старики
Меня с добром накопленным
знакомят.
Вот в бусинках сверкающих смолы
Добротная сосновая ограда,
До желтизны скоблёные полы,
Колодец, нынче выкопанный, рядом,*

*Навес резной над крашеным крыльцом.
И всё на месте – хорошо и просто.
Радушные душою и лицом,
Зовут за стол, усаживают гостей.
А пироги: на скатерти их стог.
Горячие, они сейчас из печи.
Котёнок трётся ласково у ног,
И, кажется, весь мир ко мне доверчив.*

Читаешь это, и вместе с автором проникаешься самыми добрыми чувствами к этим радушным душою и лицом людям, вместе с автором радуешься тому, что есть они на свете, трудолюбивые, простецкие, доверчивые люди, которые умеют по-детски гордиться своим добром, своим «богатством» – новой оградой, новым колодцем, новой крышей, навесом над крыльцом, всем, к чему они приложили свои руки, своё старание и умение. Всеми этими качествами наделён и лирический герой, а точнее, сам автор, чья человеческая сущность отчётливо, ярко вырисовывается из многих его стихов.

*...Сельчане знают босого меня,
В штанах холщовых, ситцевой
рубашке.
И помнят все они, моя родня,
Как я пахал подростком
на Пегашке.*

*И поле это вдоль и поперёк
Мне с той поры до колоска знакомо.
О нём я в сердце песню уберёг,
Что пахнет хлебом и ржаной
соломой.*

Песня, которую Алексей Томилов уберёг от всяких житейских сует, стала не очень большой по объёму, но поэтически ёмко насыщенной книгой «Красно яблоко».

М. НЕБОГАТОВ. г. Кемерово.
// Комсомолец Кузбасса. – 1980.
– 4 мая. – С. 4.

СВОЕЙ ДОРОГОЙ

Издано в Кемерове

Недавно вышла в свет первая книжка молодого кемеровского поэта Виталия Крёкова «Лицо твоё». Читателям «Комсомольца Кузбасса» это имя уже знакомо. Виталий Крёков – поэт настоящий, неподдельный. Некоторые стихи в книжке трудно поддаются обычному построчному разбору. Прочтёшь то или иное стихотворение – и чувствуешь, я хочу подчеркнуть, сердцем чувствуешь, а не рассудком понимаешь, что перед тобой крепкие поэтические строки. Однако объяснить себе (и тем более другим), что это действительно поэзия – сложная задача.

Как правило, почти у каждого поэта можно найти стихи или строчки, в которых он выражает своё творческое кредо, основы своего мировоззрения и мироощущения. Есть это и у Виталия Крёкова – четыре небольших стихотворения под общим названием «Музе». Вот одно из них, заключительное:

*Всё, чем я жил, всё, что во мне
имелось, –
Открылось сердцу у твоей груди.
С тобой мне расставаться
не хотелось,*

*И взгляд твой говорил: не уходи.
Мне, жаждущему, было это много –
Ведь обветшало прошлое кругом.
Осталась ты – как ясная дорога,
Которая ведёт в родимый дом.*

В этих строчках ничего нет загадочного. Поверяя гармонию алгеброй, мы совершенно определённо видим позицию автора: я, говорит он, взялся за перо затем, чтобы доверчиво открыть людям всё, чем живу, что в себе имею, союз с музыкой у нас крепкий, я пришёл к ней по нраву, она не оттолкнула меня, наоборот, сказала: не уходи; и я пошёл по жизни рука об руку с ней, и наша дружба – как ясная дорога ко всему, что дорого на земле, словно родимый дом. И ещё обратим внимание на такую значительную строчку, как: «Ведь обветшало прошлое кругом». В ней – намёк на то, что поэт не собирается следовать по чьим-то стопам, кого-то повторять, у него – он чувствует это! – достаточно сил для того, чтобы проявить свою самобытность. Похвальная уверенность в себе, которая, кстати сказать, подкрепляется на деле многими строчками.

*И хлеб, и соль, и винограда гроздь,
И сотни дней торжественных
и разных...
О, жизнь, в твоих глазах я скромный
гость,
Пришёл к тебе на самый главный
праздник.
Так властвуй, коль такая власть
дана.
Твой свет величье помыслов
умножит.*

*Как отрочество гения, весна
Меня апрельским воздухом
встревожит.
Я вскину руки, твой услышав зов,
Очеловечу небо голубое.
И буду плакать. И не хватит слов
Воспеть своё величие земное.
Так я живу и тихим гневом зол
На то, что столько нам ещё бороться,
Чтоб каждый в сердце каждого вошёл,
Облитый светом утреннего солнца!*

Хорошим стихотворением открывается книжка, оно – как точный камертон для всех последующих стихов. По-детски наивно-восторженное преклонение перед высоким светом жизни, перед всем прекрасным в ней, особенно перед человеком, который всегда жаждет быть только другом, братом, подобным себе. И не его, скромного гостя на земле, вина, что людям ещё бороться и бороться за своё человеческое единство – немало ещё на свете тёмных сил...

Лучшие стихи книжки – те, в которых для выражения чувств автор находит самые прозрачные, по-человечески простые слова:

*...Наша бедность...
В бурьяне избушка
Да ведро над печною трубой,
Много неба и хлеба горбушка
В летний день с родниковой водой.*

*Одуванчиков жёлтых обнова,
На прополке картофеля мать.
Неустанно, как доброе слово,
Хорошо это всё вспоминать.*

Да, мы ничуть не преувеличиваем, говоря о самобытности Виталия Крёкова. Не найти в литературе ни одного поэта, который не написал бы с восхищением и радостью о таком чудесном времени года, как весна. Свои слова и краски сумел найти Виталий Крёков в стихотворении, которое так и называется – «Весна»:

*Когда весенний день, как голос
нежный,
Истает до прозрачной глубины,
Войдут берёзы в свежие одежды
И сосны зашумят из новизны.*

*И вот тогда увижу я – о, люди –
Не цепь веков, но лишь единый век.
Вдохнув голубизны, я полной грудью
Скажу: «Как ты прекрасен, человек!»*

Сквозь душу поэта проходит многое – и всё это преимущественно светлое, праздничное, красивое. Вот обращение к любимой: «В слиянье губ – я принимаю душу. Целуя руки – принимаю плоть. О, нежная! – в стыду морозных кружев возьму тебя, как бабочку, в щепоть». Даже в разрыве с любимой душа поэта не омрачена, не подавлена безысходностью; говоря пушкинскими словами, печаль героя светла: «Переживу я слов невзгоду. Из уст любимой. До конца. Но в памяти, как в чистых водах, – черты прекрасного лица. Всё, что молчанием творилось, всё, что ласкало взгляд и слух... На мне ещё не отструилось прикосновение этих рук». Обращаясь к таким вечным темам, как жизнь и смерть, Виталий Крёков и здесь умеет оставаться оригинальным: «И люди, коих рок на землю бросил... Пусть навсегда исчезнут их следы, но каждый жил и нёс в большую осень кто сладкие, кто горькие плоды».

Здесь бы, на одобрительной оценке и поставить точку, но «Какая-то большая небывь, которую мне не понять: земля вот-вот сольётся с небом и время повернётся вспять. Ноябрь в холодную обнову поля и кровли облачил. А я от царственного слова, как раб, свободу получил». Согласитесь, автора трудно понять. Вначале предлагается что-то пейзажное, а в конце – загадочно-туманное философствование по поводу свободы от царственного слова. Чьё оно? Что означает? На первый взгляд (может быть, не только на первый), поэтично сказано: «И в тишине твой голос зазвучал обветренною кожицей берёзы», но образ этот слишком уж замысловатый, сверхоригинальный.

В лучших своих стихах Виталий Крёков по-хорошему самостоятелен, самобытен. Однако некоторые его вещи написаны под явным влиянием Есенина, под воздействием первой половины творческой жизни замечательного русского лирика, которая характерна церковно-христианскими мотивами. Вот примеры такого подражания в книжке «Лицо твоё»: «Наша бедность граничила с б о г о м... Когда безгрешным телом на г о л г о ф е запылают русские поля... Искали наших солнцеликих ж р и ц большого человеческого храма... П о с т осени. Пора проститься мне... То юная берёзка... поднимет к небу невесомый п е р с т... Во имя новых начинаний на л а д а н снега дышит лес... (Разрядка моя. – М. Н.).

Хотелось бы, чтобы Виталий Крёков, поэт действительно подлинный, настоящий, правильно воспринял критические замечания: они продиктованы единственным желанием – помочь ему избежать существенных недостатков в его дальнейшей творческой работе.

М. НЕБОГАТОВ. г. Кемерово.
// Комсомолец Кузбасса.
– 1980. – 15 июля. – С. 4.

ОТ ПУШКИНА НИКУДА НЕ УЙТИ...

*Отзыв о последней работе Александра Ибрагимова – поэме
«Прогулка», опубликованной в номере за 4 января 1981 года*

Человеческой душе всегда была и будет присуща жажда творчества – в каком бы виде оно ни выражалось, – а в творчестве незаурядная, возвышенная душа испытывает жадное стремление к чему-то новому, неизведанному, непознанному. Вспомним Владимира Маяковского, его поэтическую формулу поэтического творчества: «Поэзия – вся! – езда в незнаемое». В этой «езде» часто рождается то, что мы называем новаторством.

Поскольку стихотворчество – явление почти массовое (по меткому замечанию Горького, «все влюблённые – в душе поэты»), многие молодые авторы, боясь остаться незамеченными в общей литературной массе, стараются с первыми же стихотворными опытами выйти к читателям как «новаторы»: и рифмуют не так, как все, и ритмы придумывают особенные, и метафоры позаковыристее и пр., и пр. Если обратиться к литературной молодёжи нашей Кузнецкой земли, то первым, кого мы увидим в числе «новаторов», мы назовём, конечно, молодого кемеровского поэта Александра Ибрагимова. Чего стоит, например, одно название его первого сборника: «Буквы одуванчика». Не каждому придёт в голову приписать соцветиям простого одуванчика какие-то «буквы».

Не всякий также додумается до такой сногшибательной метафоры, как «утренняя изжога мостовых». О подобных стихах с тревогой и озабоченностью говорил на недавнем писательском съезде лауреат Ленинской премии поэт Егор Исаев: «Полная беда там, где есть только видимость чего-то. Есть некая такая таинственная неясность вокруг некоей такой туманной неопределённости». За «учителем» А. Ибрагимова далеко ходить незачем – это, безусловно, Андрей Вознесенский, который однажды с вызывающей откровенностью сказал о себе, как о поэте: «Несёт меня по лезвию куда-то не туда». Несло и А. Ибрагимова.

И как же я был приятно удивлён и обрадован, когда прочёл его стихотворение «Прогулка», опубликованное в «Комсомольце Кузбасса» 4 января с. г. Оно по-настоящему поэтично и в то же время традиционно просто по форме. В полном соответствии с новогодним праздником, который мы всегда воспринимаем как что-то волшебное, сказочное, романтично содержание стихотворения: лирический герой вместе с дочкой как бы совершает воздушную, подоблачную прогулку над заснеженной родной и милой землёй. Перед читателями предстали запоминающиеся подробности и детали всего, что увидел, услышал поэт в своём воображаемом полёте. «Сверкнуло солнце из ветвей подарком чьим-то сказочным... А на берёзах шапки гнёзд... Прогрохотал железный мост...» Таких реалистических строк в «Прогулке» очень много. Да и само начало стихотворения – новый камертон у музыки А. Ибрагимова: «Вдруг загудел заречный лес – и первые снежинки посыпались наперерез колодезной тропинке».

Вместе с тем в главном – в поэтическом восприятии мира, в умении находить оригинальные метафоры – А. Ибрагимов остался прежним, только метафоричность в данном случае отнюдь не вычурная, не заумная, а просто хорошая. Судите сами: «Там паровозик пробасит в клубящуюся бороду... Внизу дома, фонтан хрустальной вазой... И школьники гурьбой бегут из нового столетия... Чтоб лепестками влажных губ поймать великолепие!.. Хрусталь мерцает на столе искусственными льдинками... Там двое встретились... И вдруг поцеловались взорами...». Здесь метафоры не ради

метафор, они гармонично сливаются с общей картиной прогулки. По ним видно, что перед нами – поэт, причём поэт, несомненно, одарённый...

А все большие поэты в поисках себя рано или поздно приходят к Пушкину, к родоначальнику русской литературы. Сергей Есенин, прошедший через рогатки имажинизма, в конце своей недолгой жизни признавался в автобиографии, что в последнее время его всё больше тянет к Пушкину... Владимир Маяковский, новатор без кавычек, послав ко всем чертям футуризм, с горечью и болью доверял свои заветные мысли и чувства ему же, Пушкину: «Вот пустили сплетню. Тешут душу ею. Александр Сергеевич, да не слушайте ж Вы их! Может, я один действительно жалею, что сегодня нету Вас в живых».

Я далёк, понятно, от каких-то сопоставлений с названными поэтами Александра Ибрагимова, хочу лишь подчеркнуть, что, по-видимому, и у него произошло глубокое личное переосмысление своих творческих позиций.

М. НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1981.

– 17 января. – С. 3.

РАДОСТНОЕ ЕДИНСТВО

Издано в Кемерове

В краткой аннотации к третьему сборнику молодого кузбасского поэта Валерия Зубарева «Мыслящий огонь» (1981 г.) говорится, что его стихам присуще острое чувство современности. Это верно. Но верно, добавил бы я от себя, и то, что лирическому герою этой книжки присуще и обострённое чувство природы, настолько сильное, что во многих стихах оно переходит в ощущение радостного единства, полной слитности лирического героя не только с окружающей природой, а и со всей Вселенной, с мирозданием.

Это особенно явственно бросается в глаза потому, что многие люди, по словам Ф. И. Тютчева, живут, как впотьмах, не видя ничего живого ни в лучах солнца, ни в морских волнах, ни в звёздных ночах – ни в чём. Не таков лирический герой Валерия Зубарева, к пейзажным стихам которого можно поставить эпиграфом строки того же Тютчева: **«Не то, что мните вы, природа: не слепок, не бездушный лик, – в ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык».**

Вот самая, казалось бы, обыкновенная поэтическая зарисовка: утомлённый после напряжённой работы герой в погожий летний день (или вечер) отдыхает где-то в поле или на лугу, и у него в эти минуты такая крепкая душевная связь с природой, что парящая в синей вышине птица воспринимается, как его отражение, вроде бы сам он там, в этой выси, откуда так легко наблюдать за всем, что можно увидеть в эти минуты на земле. Долго смотрит человек в небо, на эту трепещущую крыльями птицу, она так завладевает его вниманием, столько в ней, в этом комочке бытия, живой жизни, что лирическому герою начинает казаться, будто не она, а он, с бескрылым телом, но с крылатыми мечтами, – становится сейчас отражением этой ушедшей в зенит птицы.

Прямо скажем, немногим людям знакомы подобные ощущения, но они специально доведены в этом стихотворении до гиперболического выражения, чтобы читатель ни на миг не усомнился в правдивости их, в том, что действительно бывает у

человеческой души такое состояние, когда она как бы сливается со всем тем, что живёт и дышит вокруг – с птицами, добрым зверьём, с травой и листвой, с лесом и полем, с лучами солнца и с говорком быстрого речного переката...

Естественным продолжением темы – слияние человека с природой – являются стихи, написанные в защиту природы (то, что ценишь, то и бережёшь, защищаешь). Лучшим в книге стихотворением на эту тему является, на мой взгляд, вот это самое короткое: **«Была гора старым-стара, глубинами веков зияла. И эта старая гора ещё бы столько простояла. Но человек принёс тротил, дремучих птиц на воздух поднял. И жизнь горы – своей дополнил и до своей укоротил».** С какой болью по отношению к старой горе и с какой горькой иронией в адрес бездушного человека это сказано! Здесь невольно убеждаешься в той истине, что когда поэт говорит о чём-то сокровенном, заветном, пережитом, то и слова для выражения своих мыслей он находит самые точные, яркие. По приведённым строчкам мы видим, что Валерий Зубарев обладает драгоценной способностью – говорить в стихах коротко, но ёмко.

В одном из стихотворений поэт без излишнего пафоса и вместе с тем убеждённо заявляет: **«Нет и не было у Земли мне, человеку, ровни».** Это говорится отнюдь не лично о себе, а о человеке, которого, как и слово «Земля», можно величать с большой буквы, о Человеке, обитателе планеты, о Человеке-созидателе, о преобразователе жизни.

Автору этого сборника начисто чуждо самокопание, мелкотемье, в центре его внимания – именно наши героические современники, люди с мужественными, сильными характерами, с широкой, щедрой душой. Поэт откровенно любит ими, их трудом, где бы он ни оставлял свои **«стальные следы»** – будь то в городе Углегоре, на БАМе или в краю вечной мерзлоты... Первое же, так сказать, корреспондентское знакомство с судьбой этих людей показывает, что именно они – коммунисты и комсомольцы – создают вместе со своей биографией биографию страны. Для них, патриотов Родины, во всём её многообразии и необъятности, не существует пресловутой грани между городом и селом, и тут и там они чувствуют себя одинаково по-хозяйски, и тут и там трудятся с одинаковым вдохновением и энтузиазмом, готовые по первому зову партии или комсомола пойти туда, где они нужнее, где полны одного высокого значения такие слова, как «добыча» и «урожай». Этих слов в наше время **«не разьять, как крыльев птицы».**

Одно общее наблюдение. Всё меньше в нашей литературе чисто «производственных» произведений, где длинно и скучно описывается какой-то технологический процесс. И всё больше в поэзии и прозе при обращении авторов к теме труда глубоких размышлений не о самом труде, а о людях, их радостях и печалях, об их душевных увлечениях, пристрастиях и мечтах. И радостно отметить, что и Валерий Зубарев в своём творчестве идёт по пути человеческого, а не машинного изображения жизни, людей труда. Вот почему из многих впечатлений, навеянных встречами на БАМе, самое яркое, пожалуй, осталось у автора от комсомольской свадьбы в тайге, вблизи от вагончика – временного жилья молодых. Будут ещё в их жизни и просторные светлые комнаты с настоящим домашним уютом и со всеми бытовыми удобствами, а пока вот – этот вагончик и рядом брошенные прямо на снег тулупы. Зато есть любовь, есть рука в руке и **«как сон серебряного леса –**

белослепящая невеста и чернobleщущий жених». Завтра – рабочие нелёгкие будни, но об этом на время забыто, сегодня, вот сейчас – большой праздник у всех, кто засмотрелся на жениха и невесту, чей путь вдвоём, без малейшего сомнения, будет долгим и счастливым...

В сборнике немало стихов-раздумий о вечных вопросах бытия – о восходе человеческой жизни и закате её, немало удачных строк на эту тему. Вот, например, как афористично сказано поэтом о так называемом бессмертии: **«Движение судеб и миров... Сегодня жив, а завтра мёртв. Но ход движенья справедлив: сегодня – мёртв, а завтра – жив».**

Молодого поэта хочется поздравить с выходом новой его книги, а молодых читателей – с интересным собеседником, которого они найдут в лице Валерия Зубарева.

М. НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1982. – 16 марта. – С. 4.

ЛЮБОВЬ И БОЛЬ...

Издано в Кемерове

Уже по одному названию книжки Павла Майского «Высокие туманы» можно догадаться, что речь в ней идёт главным образом о родной сибирской природе. Прочитав книжку, убеждаешься: да, так оно и есть, пейзажных стихов в ней преобладающее количество. Особо следует подчеркнуть тот факт, что знакомство с природой у автора не поверхностное, а основательное, с детских лет он – частый гость таёжных лесов, полей, рек. Ему есть что сказать обо всём этом, есть к чему приобщить читателя родственной с ним души.

Не случайно, что лучшие поэтические находки, открытия принадлежат у Павла Майского именно стихам о природе: что любишь, то хорошо, от всего сердца и воспеваешь... Вот он, зоркий глаз поэта, вот в этих строчках: **«И бабочки-капустницы кружат, как белый снег... Как прищепки бельевые, ласточки на проводах... Осыпая лучистые зёрна, над тайгой колосится луна... Стучали всюду дятлы: тук, тук, тук... Как будто заколачивали лето в огромный позолоченный сундук...».**

Однако, природа для Павла Майского не только его большая, горячая любовь, но и щемящая боль, тревога за неразумное вмешательство в первозданность природной красоты всяческих бездушных браконьеров, праздных преуспевающих дачников, нерадивых, безответственных руководителей промышленных предприятий. Эта боль пронизывает многие стихотворения, многие строки: **«Невыносимо мне, когда в эпоху зрелости учёной деревья сохнут обречённо в самоубийцах-городах, когда в прибрежном тальнике травинка прорасти не смеет и нефти радужные змеи кишат в безжизненной реке».** Так открыто публицистически говорит поэт в программном для него стихотворении «Мои основы экологии». Горестным вздохом вырываются из груди поэта строки: **«Тайга, тайга... Страдалица моя! Куда как мудро мы тебя калечим: морями затопляем, дустом лечим... А ты молчишь, обиду затая».** И не от одного своего имени сокрушается автор по поводу бездумного уничтожения природы. Вот что говорит, например, егерь, которому поручено следить за браконьерами,

наказывать их штрафами: **«Одна у нас беда, что мы конца тайги не замечаем, а ведь его давно уже видать...»**.

Как бы там ни было, поэт не перестаёт дивиться красоте, окружающей его в тайге, в горах, на поляне, у обмелевшей речки, не перестаёт радоваться самой малой её подробности, тому, скажем, как **«взбирается божья коровка по моей загорелой руке»**. Едва ли не лучшим в книжке является стихотворение с несколько длинноватым названием «Июльский вечер в окрестностях Темиртау», которое хочется процитировать целиком: **«Уж ночь затекала в лощинки, и солнце катилось с небес, когда по замшелой тропинке вошёл я в сверкающий лес! Могучие, стройные ели горели янтарным огнём, и рябчики нежно свистели, прощаясь с малиновым днём. И, голосу вечности внемля, как горная речка весной, тревожно шумели деревья, вершины сомкнув надо мной... Величием жизни и судеб наполнен был лес в этот миг, и сжался, и замер в испуге мой крохотный собственный мир»**. По всему видно, что автор старательно, крепко поработал над этим хорошим во всех отношениях стихотворением.

К сожалению, в книжке оказалось немало вещей, на которых нет следов тщательной работы. О бедности эпитетов и наречий говорят, например, такие повторы одних и тех же определений: **«Лик деревень задумчивый и строгий... Шёл фронтовик подтянутый и строгий... Строго вымерял посуду... Там кедрачи торжественно и строго... Луна внимательно и строго...»**.

Непонятно порой, по каким литературным канонам подбирает поэт некоторые рифмы. **Победы – побелка, отце – СССР, отличный – на куличках, увязнув – ягод**. Чем так неразборчиво рифмовать, лучше вообще обходиться без созвучий, писать так называемым белым (не рифмованным) стихом.

Есть в книжке небольшой цикл стихов на военную тему. Написан он исключительно понаслышке и по книжным впечатлениям, автор по возрасту не мог быть на фронте. И вот здесь-то у него налицо куда более серьёзные просчёты, чем плохая рифмовка. Одно стихотворение – сюжетно-драматическое: чтоб прикрыть вынужденный отход своей части (взвода или роты), нашёлся среди всех солдат-смельчак, который добровольно принял решение – задержать хоть на непродолжительное время наступающих фашистов. Как и чем он вооружён – об этом не сказано. Наверно, как у всякого пехотинца, у него лишь автомат, несколько гранат и в лучшем случае – ещё пулемёт, с этим боевым снаряжением долго не продержишься и много не убьёшь. Но у автора случается чудо: **«Когда они взошли на гребень сопки и охнула земля от вражьих ног, он их убил: троих, десятков, сотни – неважно сколько... Важно – сколько мог!»**. Нет, дорогой Павел Николаевич, очень даже важно, сколько мог убить и сколько на самом деле убил. У вас же прямо как в шуточной поговорке: одним махом семерых побивахом.

Композитор Глюк говорил: простота, правда, естественность – вот великая сила всякого искусства. В простоте и естественности изложения стихотворению о героическом солдате не откажешь, а вот правды оно начисто лишено. Это происходит всякий раз, когда берутся писать о чём-то, чего доподлинно не знают. Без вымысла в художественном произведении обойтись, как известно, невозможно, однако он, этот вымысел, обязательно, непременно должен быть жизненно правдивым. Не как в этом

стихотворении с его убитыми «сотнями», прочитав которое, снисходительно улыбнётся авторской наивности любой бывший фронтовик, а может, не только улыбнётся – не на шутку огорчится, ибо это и профанация художественности, и карикатурное искажение истинного героизма советских солдат, участников Великой Отечественной войны...

Недостатки недостатками, а в целом книжка «Высокие туманы» своего читателя, конечно же, найдёт. Лучшие её стихи – о родной сибирской природе – многим придутся по душе. В это верится.

М. НЕБОГАТОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 2 июня. – С. 3.

РАЗНЫМИ ГРАНЯМИ...

Критика и библиография

На письменном столе передо мною четыре книжки четырёх молодых кузбасских поэтов: «Таёжный туесок» Ивана Полунина, «Дом» Николая Колмогорова, «Пусть будет каждому любовь» Александра Ибрагимова и «Свет внезапный» Валерия Ковшова. Они совсем недавно появились на книжных прилавках.

Первое знакомство читателей «Кузбасса» с поэтом Иваном Полуниным состоялось восемь лет назад. За это время у него вышли в свет три книжки: «Февральская свирель» в Кемерове и две в Москве – «Прилив» в издательстве «Современник» и вот совсем недавно «Таёжный туесок» в издательстве «Советский писатель».

Иван Полунин долгое время трудился прорабом на одной из кемеровских строек. Может быть, кто-то из читателей сразу же подумает: а, раз прораб, значит, это «рабочий поэт», а к таковым часто проявляют некоторую снисходительность... Спешу отменить это возможное предположение. Бытующее ещё кое-где подразделение авторов на рабочих, городских, сельских, в зависимости от их профессии, в данном случае не подходит. Об Иване Полунине надо говорить просто как о поэте, причём поэте талантливым, который не ограничивает себя какими-то резко очерченными тематическими рамками, а работает так, как и должен работать настоящий художник: с широким охватом различных, близких сердцу тем.

Свою книжку «Таёжный туесок» он посылал в Новосибирск старейшему и опытнейшему поэту Александру Ивановичу Смердову, который ответил следующим письмом: «Иван Стефанович, дорогой, получил «Таёжный туесок», и хоть нездоров, но, честное слово, как припал к нему, так и не мог оторваться – столько испил из него, как мне кажется, по-настоящему свежей и самородной, живой и душевной лирической струи, первоисточника, конечно, если мне, как человеку в какой-то мере причастному к поэзии, ещё не изменяет поэтический вкус и восприятие. И не стыжусь признаться, что в предыдущем знакомстве и общении с вами я как-то не «дотумкивал» вас и лишь в «Туеске» открыл для себя глубинную сердцевину, незаурядность и самобытность вашей лирики, вашего поэтического мира и «я». Словом, от души, благодарно поздравляю с «Туеском».

Ссылку на известный авторитет я сделал потому, что, не имея возможности в пределах небольшой газетной рецензии цитировать стихи из «Таёжного туеска» (стихи

о военном детстве, о нелёгкой судьбе в юности, о дружбе, о любви к женщине), хочу, чтобы читатель поверил мне на слово, что эта книжка заслуживает самой доброй похвалы.

«Дом» – так назвал Николай Колмогоров свой второй сборник стихов (первый – «На земле светло» – вышел в Кемерове в 1977 г.). Очень удачное по краткости и ёмкости смысловых значений название. Дом – это и наша общая обитель, это и царство природы с её вечной, неувядающей красотой, это и вся наша земная планета, данная людям для счастья и радости, для процветания и прогресса, существованию которой в наш двадцатый век угрожает ядерное безумие. Дом – это также поэтический мир автора, населённый самыми заветными ему мыслями, многогранными – то устойчивыми, то мимолётными – чувствами и добытыми в нелёгкой работе ума и сердца образами и метафорами...

Главная душевная суть автора – любовь к окружающему. Любит он многое: всё, что возвышенно, что окрыляет человека, что дышит ничем не замутнённой новизной, любит жизнь во всех её проявлениях, ценит в ней всё здоровое и крепкое – как коренастые дома в заречье с окнами на «огромный косогор, заполнивший всё сердце столпотвореньем тополей».

Приведу целиком одно небольшое стихотворение, которое очень характерно для философских раздумий Николая Колмогорова: «Путь земной, тропинка вдоль реки – как тесны по смыслу, как близки! Но чем дальше, чем проворней шаг, рассечёт их смерть или овраг. Времени прозрачный поток удержать ещё никто не смог! Дом природы, лет моих предел, я б тебя покинуть не хотел. Распорхнётся надвое одно: тело – в землю, а душа – в окно»...

Молодой поэт взялся за перо не для того, чтобы кого-то повторять, а из искреннего желания поделиться с нами своими, именно своими мыслями и чувствами. Он хочет верить в то, что «этот мир глазами человека, быть может, для того дано увидеть, чтоб чувство изумленья испытать». Мы тоже так думаем.

«Пусть будет каждому любовь» – вторая поэтическая книжка Александра Ибрагимова. Как поэт он хорош своей творческой оригинальностью – почти все его стихи насыщены ассоциативной метафоричностью, их не спутаешь ни с чьими другими. В этом легко убедиться, приведя самые краткие цитаты из разных стихотворений: «Я снизу брошу за плечи, ступая на тёплый мост... А в Млечном потоке плещет плотва чешуёю звёзд!», «Тонкий, как детский плач, блеск утренних паутинок», «Или вдруг взбеленятся листья – Тютчев сдвинет гром наверху», «Звезда, как младенец, умыта, сияет в пелёнках небес», «Луч осенний стрекозу просквозит иголкой», «Утром проснулся... А горы! – господи, – снежный надзор. Как головные уборы всемилосердных сестёр».

Я специально привёл так много примеров, чтобы показать читателям, насколько стихи Александра Ибрагимова оригинальны, интересны. Их необходимо читать самому – в пересказе, в разборе они многое теряют.

Правда, завершающие книжку поэмы «На расстоянии любви», «Зона», «Матерь – Родина простоволосая» и «Дом для всех» понравились мне меньше, чем стихи. Наверно, потому, что написаны они верлибром (свободным стихом), а эта форма

никогда не вызывала и не вызывает у меня большой симпатии. Но – должен оговориться – это уж сугубо личное восприятие.

Сборник «Свет внезапный» – дебют молодого автора Валерия Ковшова. До этого он выступал только в периодической печати.

Самое удачное в сборнике, на мой взгляд, – два стихотворения, которые можно назвать маленькими поэмами: «Истоки» и «Первый день лета». В спокойной, раздумчивой манере повествуется здесь о красоте родной сибирской природы, о любви и душевной привязанности к ней. Молодой поэт находит немало проникновенных слов, чтобы передать свои добрые чувства ко всему, что близко сердцу с детских и отроческих лет. Автор не просто любит природу, он ощущает в себе неразрывное родство с ней: «Я готов обмануться, поверив в живую ромашку, я поверю, что можно вести разговоры с цветком, я ведь знаю, что можно, не веря ни в небыль, ни в сказку, пошептаться с природой бессмертным её языком».

Как показывают эти и некоторые другие стихотворения, Валерий Ковшов умеет разговаривать на «нормальном» русском языке, и тогда он желанный и приятный наш собеседник. Но, к сожалению, очень часто, стараясь показаться многозначительным, глубокомысленным, автор нарочито усложняет свою речь витиеватыми выражениями, и в этом случае с нами говорит человек, которого трудно понять – настолько он косноязычен. Вот, скажем, небольшое стихотворение «Вопросы»: «Преодолеем ли испуг пред безграничностью Вселенной? Сверкнула мысль во мгле нетленной – мы вышли в изначальный круг. Другая жизнь – другой закон соприкоснулся с нашим телом. На что надеется тайком наш ум за видимым пределом? Какое время там течёт? Какое встретят измеренье рассудка точность, и расчёт, и сердца вечное движенье?» Здесь налицо попытка «пофилософствовать», но слабая работа со словом подводит автора. Что, например, означает «изначальный круг»? И если мы вышли в него лишь мысленно («сверкнула мысль»), то с законом другой жизни «соприкоснулись» лишь умом, душой, а не телом.

Я не случайно упомянул недостаточную, небрежную работу Валерия Ковшова со словом – она в ряде случаев оборачивается элементарной неграмотностью. Издержки в работе над словом у Валерия Ковшова существенны. Вот потому и хочется от всей души поддержать его пожелание самому себе: «Пробиться бы недремлющим умом к пределам свежей ясности и силы». Пускай же это сбудется как можно скорее.

Итак, мы попытались привлечь внимание читателей газеты к четырём молодым кузбасским поэтам, в чьём творчестве современная жизнь, человек, природа, весь окружающий мир предстают самыми разными гранями, каждая из которых представляет несомненный интерес.

Мих. НЕБОГАТОВ. г. Кемерово.
// Кузбасс. – 1983. – 8 сентября. – С. 4.

ПОЭЗИЯ НИ О ЧЁМ?

Точка зрения

В предыдущем выпуске «Витражей» была опубликована рецензия В. Попка на кассету стихов кузбасских литераторов «Первый горизонт». Предоставив слово автору, редакция не считала его суждение единственно верным. И доказательством тому полемическая реплика известного кузбасского поэта Михаила Небогатова, которую мы предлагаем вам сегодня.

Недавно Кемеровское книжное издательство выпустило кассету стихов молодых кузбасских поэтов «Первый горизонт». В неё вошли книжки пяти авторов: Иосифа Куралова, Галины Золотаиной, Александра Каткова, Семёна Печеника и Владимира Петраша.

И вот какое редкое совпадение: в один и тот же день, 12 сентября, обе областные газеты выступили с отзывами на эту кассету. «Кузбасс» напечатал рецензию С. Смолянина «Первый горизонт», а «Комсомолец Кузбасса» – рецензию В. Попка «Запомните эти имена».

Прочитав заголовок последней, заголовок очень доброжелательный, мы заранее порадовались. Но радость эта оказалась преждевременной. Судите сами.

Вот как «похвально» пишет В. Попок об А. Каткове: «Он умеет создать настроение интонацией стихотворения, даже, на первый взгляд, НИЧЕГО НЕ СКАЗАВ (подчёркнуто здесь и далее мною. М. Н.).

*Ты скажешь: «Милый, как давно!»
Но к жизни ключик подбирая,
скажу тебе: «Не я виной,
что где-то музыка играет».*

О чём тут? Да НИ О ЧЁМ. Но НАСТРОЕНИЕ есть. И это Настроение и есть ПОЭЗИЯ».

Процитированные строчки, действительно, непонятно о чём, вот и посоветовать бы А. Каткову не писать так. Но, по мнению В. Попка, это «НИ О ЧЁМ» и есть, оказывается, подлинная ПОЭЗИЯ. А ведь мы ещё со школьной поры запомнили из пушкинского «Пророка» точнейшее определение родоначальника отечественной литературы назначения поэта: «ГЛАГОЛОМ жечь сердца людей». Видно, позабыл критик и то, что значит слово «глагол» в поэтическом смысле. Тогда давайте вместе обратимся к словарю В. И. Даля, который это слово толкует так: «слова, речь, выражение: словесная речь человека. РАЗУМНЫЙ ГОВОР. ЯЗЫК». Как же быть с молодым стихотворцем, который, якобы, создаёт некое настроение, «НИЧЕГО НЕ СКАЗАВ»? Разве неясно, что любое настроение создаётся не иначе, как посредством слова, какой-то высказанной мысли, а не бессмыслицы, которая «снабжена» лишь одним – интонацией.

Может ли быть ПОЭЗИЕЙ то, что именуется лишь настроением, то, что в словесном выражении – НИ О ЧЁМ? Если может быть – не стал бы известный советский поэт Сергей Васильев умно пародировать слабые в идейно-художественном отношении песенные тексты другого известного поэта, собрата по перу Евгения

Долматовского: «...С композитором вместе в Бухаресте или Бресте мы навертим вдвоём и о том и о сём, а скажу вам по чести: САМ НЕ ЗНАЮ О ЧЁМ».

Нет, и ещё раз нет! Это не ПОЭЗИЯ, если сделанное, созданное, сотворённое тобою – НИ О ЧЁМ!

М. НЕБОГАТОВ, член Союза писателей СССР.

г. Кемерово. // *Комсомолец Кузбасса*. –

1985. – 3 октября. – С. 3.

Вкладка № 1:

ПОЗДРАВЛЯЕМ, ВИКТОР!

ПОЭТИЧЕСКИЙ талант проявляется по-разному. У одних — в страстности публицистических монологов, у других — в экспрессивных ассоциативных образах, у третьих — в философских раздумьях. Главная черта самобытного таланта Виктора Баянова — это, на мой взгляд, задушевность. Я не знаю у него ни одного стихотворения, которое было бы выдумано, что называется, высосано из пальца ради какой-то невыношенной, невыстраданной мысли, искусственного образа или соблазнительного литературного приема. А это — признак душевной честности.

Есть у В. Баянова строчки, которые, мне кажется, точно выражают его творческий «секрет»:

Не знаю, в восемь или в семь ли,
А может быть, чуть-чуть позднее
Я полюбил вот эту землю
И все цветущее на ней...
Вот об этой любимой земле и обо всем
цветущем, прекрасном на ней и пишет
поэт просто, пронинювенные, сердечные
стихи.

Творчество В. Баянова понятно и близко молодежи — и потому, что у него немало стихов о ней, и потому, что сам поэт еще молод.

Разве не тронут стихи о детстве сердца молодых читателей, которые совсем недавно расстались с ребячьими мечтами и забавами! Я не раз был свидетелем того, как горячо принимают слушатели замечательное баяновское стихотворение «Мальчишки плачут радио» — о калычическом горе, о войне, отнявшей у ребенка отца.

О том, как любят поэзию В. Баянова молодые читатели, свидетельствует такой факт. Один начинающий автор недавно писал мне: «Что-то давно нет в газетах стихов Виктора Баянова. А мне так не хватает их...»

В. Баянов издал в Кемерово две книжки лирики — «Россы» (1963 г.) и «За рекой Тагильской» (1965 г.). Его добросовестная поэтическая работа получила достойное признание — из Москвы пришло сообщение, что **ВИКТОР БАЯНОВ ПРИНЯТ В ЧЛЕНЫ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР**. Думаю, что это большая радость не только для его близких по перу, но и для многих кузбасских читателей.

От души поздравляем тебя, дорогой друг, и желаем новых творческих вальсов!

Мих. НЕБОГАТОВ,
член Союза писателей РСФСР.

В морозящее утро
Из глухого угла
Лодка тихо и утло
К теплоходу плыла.
Лодка все удалялась
От избушки в дыму,
И волна ударялась
О крутую корму.

Удивля нас, рослых,
По телецким волнам
Шла старушка на веслах
Прямо к нам, прямо к нам.
Нет, не в шторм отличиться,
Мол, смотри, как сильна, —
Сына в город учиться
Провожает она.
«Там асфальт — не водица,

Там дома — не стога,
Там легко заблудиться —
Город все ж, не тайга». —
Ветер ей напеваст
Из-за горных хребтов,
Что один убывает
Из шестнадцати ртов.
Что в задымленной хате
Старой матеря вдруг
Завтра ой как не хватит
Метких глаз, крепких рук.

И что, спину горбата,
С головою в снегу,
Одному завтра батьке
Отправляется в тайгу.
Ну, да это не горе.
Как-нибудь проживут.
А отучится — горы
Сына вновь позовут.
От весны до зимки
И опять до весны
Будет эта зимка
Приходить в его сны.

Ветер кружится бойко,
Холодом обдаст.
К теплоходному борту
Сын алтайки идет.
Говорит она: — С богом,
Мясо есть. Рыба есть...
На лице ее строгом
Ничего не прочтешь.
Только руни ослабли,
Только брови свела,
Только светлые капли
Покатились с весла.

// Комсомолец Кузбасса. - 1965. - 17 октября. - С. 3.

В ФЕВРАЛЕ прошлого года мне позвонил из Валада и сообщил печальную весть: умер Николай Пискаев...

☆☆☆
Впервые со стихами Николая Пискаева мне довелось познакомиться шестнадцать лет назад, 4 декабря 1963 года в газете «Комсомолец Кузбасса» под рубрикой «Открытая консультация» я подробно разобрал несколько стихотворений начинающего поэта. Увидев тогда в его литературной работе привлечение внимания к такой отличительной черте истинной поэзии, как простота и задушевность. По качеству эти первые опыты не были, конечно, равнозначными: одни строчки можно было прямо с ходу помещать в газету, а другие, стоящие по соседству, нуждались в доработке. Подозрительным примером являлось небольшое стихотворение о ветхой молодости души:

Мне в голову повяжет не приходит,
Что там, за поворотом,
за лесном,

...А там, где небо синим краем
На грудь земля легло, земля,
Горит, багрово полаяя,
В огне закатном ячменя.
Горит дорога... Все дымитесь...
И обожженный тем огнем,
Как с человеком, распротреться

Какую естественную разговорную интонацию нашел поэт для освещения не только, казалось бы, темы! Особенно хороша в этом смысле последняя строка, которая воспринимается как грустный вздох, позволяющий вырвавшимся из груди любящего природу человека. Никакой поэзы, варочности, прудумности, и даже изобразительные средства самые обыкновенные, не претендующие на броскость, эффектность, а стихотворение берет за душу.

Николай Пискаев родился и провел детство в селе Поморцево Немеровской области, и, хотя по ряду обстоятельств жить ему пришлось в городе, он все время тосковал по деревне, по своим одноклассникам, и эта — отнюдь не показная — тоска часто выливалась у него в отдельные стихи, навеянные воспоминаниями о деревенском житье-бытье. Недавно и название второй своей книги, которая увидит свет в этом году, он дал самое доро-

М. НЕБОГАТОВ.

ИСТИННЫЙ ЛИРИК

Штрихи
к портрету

Хочу всегда с прошедшим

Как друга давнего, как брата,
Хорошей пастей вспомнить...
День отошел, отшел заклет
Попеловая земную грудь,
Ты как будто светлей и чище
Возвратился в свою неладья?
Да, именно светлей и чище
Человек, проповедник трудности,
сказавший для людей доброе дело. Пусть
ты весь — от титаники оплот до ма-
жужей клетки — ослепил тоскою, а не
покидает тебя чувство справедливости.
Куда из это ощущение связано туше-
ланду, которому и личной волею к мю-
дотам, лежит на плечи, оттого что его
душа не видит прощания от своей
угриной сущности и правды.

Присваивая рабочему человеку, вос-
питанца красной его, дружного облас-
ки. Е. Бурлаев понимает не только
нафок труда, а и те невзгоды, кото-
рые неизбежно встречаются на пути
этих героев.

Тебе седей рабней напороче
С вельюх праймный повет,
А желья лишь добробыра рабочая
Твоя два чюлок берет.

Думается, так просто быть, она под-
хитает, похвалит широчай, если лю-
дской человек мечтал о высочном повете?
Но для того, чтобы обрести кра-
ды, надо чюмоу научиться. Многие
дни приходят в сомнении, в угриной
убеде, в особенно избравшей профес-
сии, и если ты действительно хочешь
быть полезным обществу, если в тво-
ем сердце постоянно живет жажда при-
носов и навыков, ты обязанная ус-
тешиться заветную мечту — на ро-
собника выйдешь в мастера своего де-
ла. Навсегда, а в теорет. брешь не-
пугаясь сложностей, а всего-навсего на-
строек канализации, все равно ты свя-
щенный: дано тебе умение быть, вына-
тлено, подорож чюство, образование,
сти:

И смекает на невенчат что-то:
— Видеть по плету ерды,
Да, мне бы такую работу,
Чтоб по буну прямо брала!

гое для себя — «Деревенское
утро».

Вот оно, его заветное:
Забора востная к хлебе
Мне словно пахнуло дном,
Пот появился туман в небе:
А в срод ли, думал, она,
Не поведет ли сенокосу?
Примету мысленно корю,
За восточной восточной

Воскресная Страна

Идет всесоюзная читательская конференция «Молодой герой советской литературы»

«МОЯ РАБОТА — МОЯ ЛЮБОВЬ»

НЕСКОЛЬКО лет назад мне довелось редактировать первую книгу стихов Евгения Бурлаева «Надрокостная». Тогда, читая рукопись, я особенно внимательно заглянул в историю автора: особенность в литературе — поэт, уже хорошо знавший язык, на котором он писал, именной своей заветную тему. Перед нами был не просто стихотворец, пишущий обо всем панамому, а страстный и убежденный певец рабочего класса.

С тех пор Е. Бурлаев выступил в Кемерово ряд обзоров — «Родина у зеркала», «Красная Горка», «Узнаю тебя, друг», «Все лучше да нех составле-
нию книгу «Моя работа — моя любовь», вышедшую в издательстве Голу в изде-
тельстве «Советская Россия». О ней и хочется поговорить.

В самом названии книги выражена определенная тенденция. Поэт во всеуслышание заявляет: «Что люблю, о том и пою. А люблю и записую ра-
боту, проносящую людям радость. Только рабочий человек творит большо-
ном и малом, достоин внимания и уважения». Что же, такую тенденциоз-
ность, можно считать притворством, тем более что эта тенденция возмужала опытом и душевным простирством.

Е. Бурлаев пришел к читателю из той среды, где добывают хлеб своим трудом, сроду напрой и лопатой, где «могуты горстка, как малахал». Поэтому лучшее его стихи о людях труда — о податчиках горюков, заводов и железных дорог, о металлургах, из-
готовителях, кровающихся — не оставляют читателя равнодушным, воспринимаются как живое и искреннее откры-
тое истинного участника тех героиче-
ских свершений, которые являются стержнем промышленной для нашего ва-
ста и величия коммунизма.

Надо самому испытать туя издепо-
го труда и вместе с тем радость совпаде-
ния, чтобы рассказать о самоотвержен-
ности молодых строителей дорог, вы-
бывавших на сна вод дождя, в

важной глине, сделать вот такое ро-
дное поэтическое обобщение:
А когда был отек ачавалы,
Сброс, покосейный лет под уладалу,
Ты как будто светлей и чище
Возвратился в свою неладья?
Да, именно светлей и чище
Человек, проповедник трудности,
сказавший для людей доброе дело. Пусть
ты весь — от титаники оплот до ма-
жужей клетки — ослепил тоскою, а не
покидает тебя чувство справедливости.
Куда из это ощущение связано туше-
ланду, которому и личной волею к мю-
дотам, лежит на плечи, оттого что его
душа не видит прощания от своей
угриной сущности и правды.

Присваивая рабочему человеку, вос-
питанца красной его, дружного облас-
ки. Е. Бурлаев понимает не только
нафок труда, а и те невзгоды, кото-
рые неизбежно встречаются на пути
этих героев.

Тебе седей рабней напороче
С вельюх праймный повет,
А желья лишь добробыра рабочая
Твоя два чюлок берет.

Думается, так просто быть, она под-
хитает, похвалит широчай, если лю-
дской человек мечтал о высочном повете?
Но для того, чтобы обрести кра-
ды, надо чюмоу научиться. Многие
дни приходят в сомнении, в угриной
убеде, в особенно избравшей профес-
сии, и если ты действительно хочешь
быть полезным обществу, если в тво-
ем сердце постоянно живет жажда при-
носов и навыков, ты обязанная ус-
тешиться заветную мечту — на ро-
собника выйдешь в мастера своего де-
ла. Навсегда, а в теорет. брешь не-
пугаясь сложностей, а всего-навсего на-
строек канализации, все равно ты свя-
щенный: дано тебе умение быть, вына-
тлено, подорож чюство, образование,
сти:

И смекает на невенчат что-то:
— Видеть по плету ерды,
Да, мне бы такую работу,
Чтоб по буну прямо брала!

И не случайно далеко выйдут на ту-
дойой тематики, так как она привычно
ничто проходит через все чючество
Е. Бурлаева. Как о самых близких
своих друзьях, пишет он о парик-ста-
словах из «Грубах бакалещика»; о
бригадере, которого «чума бригада на
должность выбирает»; о восточном, ос-
тавившем свой след на Амур и Сугре-
ри, на Днепр, Дону и Неве; о бела-
манной девочке из Иванов, по доброй
воле приехавшей на строительство
Лобухин, ради которой работа на ра-
бочем пологом при исполнении оу-
жестившего вола; о мотористе краснине
Лобухин, ради которой работа на ра-
бочем пологом при исполнении оу-
жестившего вола; о евангелисткой ари-
ке в крылатом прообразном плане; в
слухах прирочках; о провознице Че-
сто, которая, по словам ее дяди, «маш-
чит в будде подвешенной промажуке ве-
бом и землей».

Что мне, спички записаны кружками
и точечками, чья глава «ни в боль-
шом и ни в малом не умеют лгать»,
успокоит поэт, место, разговору
правду о наших современниках, сво-
лоду, возмужавших свою нелю-
сау-
мению. Отлично и ее высочим идеалам.

И когда кто-то в саму аметит:
Лод, ядугат рече мая,
и колосом, а шугу,
и прототипичный еды бора, —
ты, естед, илочеблет
мелой тем, кто брел над Росселем,
спрочьим амальсаю совете;
о есе ли а сбеала, что жол?

Вот это смитте бесовствою совести
показет герота Е. Бурлаева желья не
большом накале, всего себя, а ижеде
и саму жизнь (вспомним вырвавшие
Илювину) оловать земному, неотку-
сному планути, ния илпороку брду.

Всегда возможно, что кое-кому по-
тук, что еде плохо знаком с теорети-
стом Е. Бурлаева, покажется, будто
стихи, о которых я говорю, имеют
чисто промандельштейнов характер. Нет,
это далеко не так. Технологом прома-
ловата — не продаст панаме. В цент-
ре внимания поэта — человек со все-

ми своими раздумьями, мечтами и на-
дрокостная, расцветая и степенная.
Жизнь этого человека не малахала, а
во края поля горючим ветром ве-
на, его страстность и волевыми. Луч-
шие стихи обобщены (а их большинство)
объемы, похорошему, высочим
интонационными мыслями и возмужав-
шими чюством.

Все ли безупречно в стихах Е. Бу-
рлаева? Конечно, нет. Вещи и поэты,
обладающие известным мастерством,
не застрахованы от чужих ошибок и
протечек. Есть у Е. Бурлаева и та-
кие вещи, которые нелегко его возмужа-
ностей, например, стихотворение «Бом-
радер», где поданная житейской
практикой мысль не получила образ-
ного воплощения, выражена дельно-
шано. Есть не только образы, вроде пер-
того: «Его провозводительство — Ме-
тадла». Встречаются, наконец, неудач-
ные слова: «Укрютит любовь буре
чюство желья моя правдывала; е
детства». Точнее, видимо, сказать «при-
учивала». А впрочем, у поэта не инту-
ищет не бывает стонными, промажуке...
Главное в том, что у Е. Бурлаева
можно удач. Самая заметная из них, на
мой взгляд, — поэма «Красная Гор-
ка». И даже бы пора назвать предте-
нам поговору о чючестве Е. Бурла-
ева обогатившего, потому что поэт он
такая-то и своеобразный, работае-
т в литературе очень серьезно. И же
воту только переименовывать тебе, до-
рогой читатель, поближе познакомиться
с этой интересной поэтической ра-
ботой.

В заключение представляю свою
самому Евгению Бурлаеву.
Говорит, что я не лапид, чет,
По-чюлдонско брду сир на слово,
Что на вой, на лапид и на чет
Лаской строка моя брду...
Только так от этого мой брду,
Де мойбана чюло и чюлово, —
Да, сурь он,
Да, на слово чет,
А брду, а естед — на лапид.

М. НЕБОГАТОВ.

НЕОТЛОЖНАЯ

СЛУЖБА ДУШИ

О НОВОЙ
книге стихов
Игоря Киселева

ИГОРЬ КИСЕЛЕВ

ЧЕЛОВЕК
ПРИХОДИТ
К ЧЕЛОВЕКУ

ИГОРЬ Киселев издал не так уж много книг, не очень часто выступает и в периодической печати, но его имя уже давно и прочно вошло в литературу Кузбасса, хорошо известно многим любителям поэзии, пользуется у них заслуженным уважением и симпатией. И все, кто по-настоящему любит стихи этого талантливого поэта, с удовольствием прочтут его новую, недавно вышедшую в свет книгу «Человек приходит к человеку».

Писать не спеша, неторопливо, но добросовестно — такого строгого принципа придерживается Игорь Киселев в своей работе, и это даже нашло выражение в конкретной поэтической формулировке:

Нет, дело не в размерах публикаций,
Идет не книжкам, выпущенным счет,
И мне совсем до лампочки,
Кому какой так выйдет помет.

Это не стихотворения «Есть у меня товарищи поэты». Все оно проникнуто искренней, неподдельной любовью к поэзии вообще и к своим старшим собратям по перу. Игорь Киселев далек от тщеславного чувства, мол, я — лучше многих других; наоборот, соотносит свои поэтические дела с делами других, он пишет:

Есть у меня товарищи поэты,
Нельзя им — горжусь — по всей стране,
И с юных лет — я же придумал это —
За ними знаясь, приходилось мне...
Терп потерпи совсем! Да неужели —
И я почти сжирюсь с тем гоголем —
Всю жизнь мою мне суждено на деле
Быть подмастерьем в мане мастеров?

Как не хватает порой иным поэтам вот такой — почти до-самоуничтожения — жестокойшей требовательности к себе! А ведь только она — залог того, что когда-то, со временем ты и сам можешь стать мастером. Правда, иногда и у Игоря Киселева, как у всякого поэта, долго

Игорь Киселев. «Человек приходит к человеку». Стихи. Кемеровское книжное издательство. 1975. 109 стр. 35 коп.

и упорно работающего в литературе, является уверенность и в кое-что могут не хуже других, но сознание этого никогда не переходит у него в самоуверенность. Драгоценнейшая черта настоящего художника! В оригинальном стихотворении «Скорая помощь» размышления о творчестве достигают определенной высоты.

И когда мне становится плохо
От бед, постигающейся едем,
Открываю я Пушкина, Блока,
Открываю Есенина том...
Только строки любимые вспоминаю —
И понимаю, что дышалом согрет,
Что поэт — это «скорая помощь»,
Если он настоящий поэт.
Летом,
Осенью,
В дождь и в ялочки,
В шуме горюха,
В большой глуши
Меч, поэзия, любовь на палочке,
Неотложная служба души!

Уже по этим немногим процитированным строчкам читатель, наверно, понял, что напрасно Игорь Киселев так скакать, прибегая к, чересчур скромно оценивая свою работу. Пусть он все еще не удовлетворен собой, но то, что выходит сейчас из-под его пера, безусловно на хорошем поэтическом уровне, сде-

лано с завидным мастерством. Что это именно так, подтверждается и мирными его стихами, и желанием как можно больше цитировать их, ибо хорошие стихи всегда хороши лишь сами по себе, а не в переклад.

Эпиграфом к одной из самых заметных тем Игоря Киселева можно было бы поставить следующие его строки:

Привет силе любовная,
Вместе той от года,
Что бы была —
Ужаснется знаешь запас.
И не мы, теперь
Милостей ждем от природы,
А давно уже
Ждет из природы от нас.

Недаром книга открывается философски-публицистическим произведением на тему о защите природы, о сохранении ее первозданной красоты от бездумного, подчас варварского уничтожения. Произведение называется «Несколько мнений на одну тему», оно состоит из нескольких глав: «Говорит художник», «Говорит берега», «Говорит топор», «Говорит автор». И также недаром ступи упомянутой темы коротко выражает строками В. Хлебникова, предвещающая стихотворение («Взгляд в ответ»): «Леса обезлесели, леса обезлесели. Большой любовью к «братьям нашим меньшим»

// Комсомолец Кузбасса. - 1975. - 14 октября. - С. 4.

// Комсомолец Кузбасса. - 1969. - 1 февраля. - С. 3.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

В 1961 ГОДУ молодой кузбасский журналист Геннадий Юров выпустил в Кемеровском книжном издательстве свой первый стихотворный сборник «Синий факел». Эта поэтическая записка была благосклонно принята читателями и критикой. «Молодость, непосредственность, особая доверчивая теплота, солнечность — вот отличительные качества его поэзии, да еще еще не ровных, а смелых мастерства стихов», — таким востуительным словом соприродила сборник «Синий факел» его редактор Евгений Бурлаев, и нельзя было не согласиться с этой оценкой. Тогда же в газете «Комсомолец Кузбасса» и откликнулся на выход сборника рецензия, в которой, в частности, говорилось: «Слабость отдельных стихов в первой книге — дело, видимо, неизбежное. Но я не жалую, что потратил время на чтение сборника Г. Юрова. Стихотворения «Валлада о поэте», «Исчезнувшие острова», «Синий факел» хочется выучить наизусть. А это свидетельствует прежде всего о том, что Геннадий Юров — поэт, способный создавать произведения, отмеченные самостоятельностью. Да, первая его книжка не была свободна от тех грехов молодости, как подражательность, книжность, переплеты знакомых

мотивов, но вместе с тем был очевидным тот факт, что в Кузбассе родился еще один подающий надежды поэт. Шло время. Геннадий Юров продолжал упорно и много работать над новыми стихами, и эта работа не была для него легкой, поиски «своих сокровенных тем и образов» не всегда завершались радостными выходами, больше было разочарований и неудовлетворенности, которые так естественны и даже закономерны в том случае, когда молодой автор относится к себе и к своему труду со всей ответственностью и серьезностью. Встречаясь в те дни с Геннадием Юровым, мы не могли не заметить, что наш молодой собрат по перу находится в какой-то творческой растерянности, было такое впечатление, что книжечка «Синий факел» исчерпал он все свои жизненные впечатления и по этой причине теперь стоит на распутье, которое мало что обещает. Короче говоря, творческий кризис был налицо.

Подобные тяжелые времена переживают не одни молодые литераторы. Вспомните Параскевова, его «За далью — даль».

Твой горький день наступил
в преле,
Все — зловон, зловон,
и цветом
Нехороши тебе слова,
Недостоварны мысли,
чувства.
Ты строю эвасия не —
не те.
И все вокруг мертво и пусто,
И тошно в этой чистоте.
Да, дело было бы за мной,
А хвать-падать — я ни ромена.Изведа горюху твоему,
В беде уверился, аполке,
Я в аду бросился дорогу,
Я знала, она покаяне дел...

Встретясь в дороге и Геннадий Юров. Не в кратковременную командировку по Кузбассу уехал он, а далеко на Север, чтобы познать там, порабатать, набраться свежих впечатлений, преодолеть какое-то тупице и в них закалить и окрылить свою душу. Где, как не на Севере, в краю жестоких морозов, непролазных бур, и вывет, рядом с мужественными, суровыми, отчаянными людьми, привычными ко всем житейским невзгодам, можно встретиться с чем-то интересным, необычным, подчас поразительным восприятием...

Помогла ли дорога молодому поэту? Можно со всей определенностью ответить,

помогла, да еще как! Он привез с собой только большую запас тем и замыслов, но и готовые рукописи стихотворений и поэм, которых с легкой хватит на объемистую книжку. С некоторыми новыми произведениями Геннадий Юров мы уже имели возможность познакомиться в областных газетах, радио и телевидению. Об одном из них, о лирической поэме «Возвращение», опубликованной 1 декабря 1968 г. в «Кузбассе», мне хотелось бы сказать несколько слов уже сейчас, до выхода ее в будущей книжке.

Очень порадовала эта поэма! Перед нами словно другой Юров, совсем не тот, которого мы знали два года назад. Возмужал, окреп его поэтический голос, шире стал взгляд на жизнь, глубже ее осмысление. Не утратив своих прежних, драгоценных для любого поэта качеств — непосредственности, сердечности, светлого восприятия мира, — музыка Юрова обогатилась остротой мысли и чувства и — что очень важно — обрела силу настоящей гражданственности, которая всегда привлечет читателя, если она органически сливается с мягкой лиричностью.

За плечо горизонта
Ужасна ма колеса,
На полярной машине
Набрал высоту,
Помнил я о Томе,
Где по тизкому плесу
Наило детство мое
На сосновом плоту

— такими вот непримудными строчками запечатлел Геннадий Юров свой доверительный поэтический разговор с читателем-земляком о родном Томе, о Кузнецком крае, о Родине, и хочется прислушаться к нему до конца, потому что, говоря о себе, автор не замыкается в уз-

кие рамки лично пережитого, а глядит из мир о позиций поэта — гражданина, патриота своей Сибири, в которой ему близко и дорого именно то, что любим, чем дорожим мы о нами.

Памло детство мое
В левоцугые бала
По валуному руслу,
По луной горы,
И жем в дету строн
Берега убеждал:
Лесы берг — в учде,
А правый — в мечте.

Последние строчки — о берегах — проходят рефреном, своеобразной мелодией через всю поэму, и не случайно: река со своими берегами мечты и удач — это не только текущая вода отнесенными скалами и песчаным отмелями по сторонам, а также образ жизненного пути, на которому устремляется вперед автор, а заодно с ним и мы, читатели. Не осуждают нас разнородными пронаклонными мира и войне, о береговых рощах и городских проспектах, о людях в рабочей робе и о первой любви... О многом размышляет вслух поэт, и главная его мысль — о людях, о родном народе, о любимой России. Твердо знаю, убежденно говорит он, пока живу, не будет у меня ничего дороже, чем эта российская земля, чем эти родные мои берега!

Поэма написана хорошим русским языком, форма ее проста и одновременно тщательно отшлифована — это знак зрелого мастера.

Терпите этот путь — путь на берег удач, и тем радостнее, что Геннадий Юров достиг его, написал — как бы на одном дыхании — лирическую поэму «Возвращение». На наших глазах произошло второе рождение поэта.

М. НЕБОГАТОВ.

«...НЕБОГАТОВ – ЭТО ТОЖЕ КУЗБАСС»
(КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ
О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА)

НА «СРЕДЕ» ЛИТГРУППЫ*

Очередная литературная «среда» при редакции газеты «Кузбасс» была посвящена детальному обсуждению произведений М. Небогатова.

Большинство стихотворений, прочитанных автором на «среде», выгодно выделяются свежестью языка, богатством образов.

Например, в стихотворении «Сверстникам»: Сибирь «мила, как запах дыма, что манит путников к жилью»; «казалось нам, что всё на свете не глубже илистой реки»; «...как солнца луч вечерний, исчезло детство за горой».

Однако, это же стихотворение, как другие, сделано неровно. Рядом с ярким сравнением – шаблонные, истёртые фразы. Например: «Льются, льются звуки вальса, заклиная и моля»...

Лирические стихи М. Небогатова глубоко проникновенны, написаны с большим чувством. Но в этих стихотворениях, как отмечали члены литературной группы и гости, подчас искусственны и даже фальшивы строки, в которых автор говорит о своём разочаровании окружающим миром, о неудачной любви.

На литературной «среде» 28 ноября обсуждались стихотворения А. Полозовой.

Наряду с удачными, до конца выдержанными по разработке темы стихотворениями («Мы порознь шли» и др.), встречаются такие, в которых Полозова дальше пересказа событий не идёт. Погрешности многих строчек объясняются тем, что автор, как правило, не переделывает первые наброски своих стихов.

С чтением новых стихотворений на «среде» выступили Н. Бочаров, Л. Даен, М. Небогатов, А. Косарь, В. Алексеев, П. Белов.

Следующая литературная «среда» 1(?) (дата неразборчива – газетный брак. – *Примечание Н. Инякиной*) декабря будет посвящена обсуждению рассказа Дм. Усольцева – «Скрипка Расимаса».

// Кузбасс. – 1945. – 5 декабря. – С. 8.

«СОЛНЕЧНЫЕ ДНИ»*)

Книжная полка

Так называется первый сборник стихов молодого кемеровского поэта Михаила Небогатова.

Это название хорошо определяет и содержание и общий колорит книги. Радость жизни, счастье свободного творчества, гордость от сознания, что и твой труд нужен народу, Родине, готовность советского человека к борьбе за мир – вот главные темы книги.

* строчки о Михаиле Небогатове выделены курсивом (*Примечание Н. Инякиной*)

*) Михаил Небогатов. «Солнечные дни». Издательство «Кузбасс». 1952 г., 96 стр. Редактор П. Бекшанский.

Для решения своих тем автор обращается к близкой ему действительности Кузбасса, и это тоже подкупает: о Сталинском Кузбассе, индустриальном сердце Сибири написано незаслуженно мало.

Герои всех его стихотворений – советские люди. Где бы они ни жили, их мысли и чувства устремлены к Москве, к Сталину. Свет кремлёвских звёзд разливается и по кузбасской земле, говорит автор. Этой большой и важной теме посвящены стихотворения «Знаменосец мира», «Говорит Москва», «Свет из Кремля» и другие, отличающиеся подлинной взволнованностью и теплотой.

М. Небогатов любит Сибирь, её природу, суровую и прекрасную, однако не живописная тайга и не удивительная расцветка закатного неба привлекают его.

*...Не ярким восходом, Кузбасс,
Не тайгою ты славен сейчас –
Жарким заревом домен в ночах,
Лесом труб в голубых небесах!*

Читатель вместе с героями стихов побывает на колхозном поле, спустится в шахту, увидит там то новое, неотъемлемое, что уже стало привычным, услышит рассказ старого шахтёра о каторжных условиях труда в прошлом, и ещё раз особенно глубоко почувствует, какие огромные, ни с чем не сравнимые перемены произошли на земле и под землёй в когда-то каторжной Сибири.

Автор умеет найти живописную деталь, увидеть сам и показать читателю красоту и поэзию умного, одухотворённого труда, согретого близостью коммунизма.

Естественно, в первой книге молодого автора есть и недостатки. Во многих из них наравне с автором повинен и редактор (П. Бекшанский).

Наряду с хорошими стихами в сборник включены слабые, недоработанные произведения. К их числу следует отнести стихотворение «Любовь» с тысячу раз перепетыми мыслями и шаблонными «красивостями» («когда, лучом последним озарённое, порозовеет облака крыло... любовью опьянённые, они вдвоём уходят за село» и т. д.).

Часто неточно употреблённое слово портит в целом хорошие стихи. О подарках товарищу Сталину сказано, что их «сделали, как умели, золотые руки мастера», хотя по смыслу тут должно быть «как могли лучше». В этом же стихотворении автор пишет: «Дети Праги, скульпторы Парижа шлют вождю реликвии свои», употребляя слово «реликвии» вместо «самое дорогое» («Знаменосец мира»). Неудачны такие образы, как «словно рысь, зубья (пилы. – М. Ю.) в дерево впились», или «ствол рухнул, как подстреленный орёл» («На лесосеке»). Невразумительная строфа:

*Все силы отдам без остатка
В бессонные ночи труда –
И всё же кирпичная кладка
Мне будет примером всегда!*
(«Творчество»).

В этом же стихотворении пародийно звучат строки:

*А нам ещё в мире огромном
К колхозникам надо поспеть,
К пылающим в зареве домнам,
Чтоб всё повидать и воспеть.*

Стихи М. Небогатова разнообразны по ритмам, поэт умеет «заставить ритм работать», «организовывать» стихотворение. Поэту необходимо овладевать мастерством в лепке характеров героев, которые подчас обрисованы поверхностно. Вот герой стихотворения «Токарь»: он «пять норм за смену одолел» – но ничего больше о нём мы не узнаём. Почти так же мало сообщает автор о героях стихов «Машинист», «В гостях у ветерана». Тут налицо описание факта, пусть типического, но без проникновения в характер героя; это – «машинист вообще», «токарь вообще» и в итоге – «люди вообще», а не конкретный человек, живое лицо которого читатель может себе представить. Не следует автору злоупотреблять описательностью, которая в отдельных стихах (например, «Токарь») заменяет образное отражение действительности.

В ряде стихов М. Небогатова явственно звучат интонации, знакомые по стихам других поэтов.

М. ЮМОВ.*

// Сибирские огни. – 1952. – № 5. – С. 176 – 177.

ПЕРВЫЙ СБОРНИК

Критика и библиография

С живым интересом следит вся общественность Кузбасса за творческим ростом Михаила Небогатова, который, обладая незаурядным талантом, умеет в глубоко реалистической форме рассказать о разнообразных явлениях сегодняшней жизни. В сборнике «Солнечные дни»*) поэт говорит о преобразовании родного края, где всего тридцать с небольшим лет тому назад «крик зверей да песни птичьи будили утренний покой, – а теперь наш город встал во всём величьи в краю таёжном над рекой».

Когда читаешь о том, что теперь Сталинский Кузбасс на всю страну славится

«Жарким заревом домен в ночах, лесом труб в голубых небесах», то невольно стремишься поскорее увидеть тех, кто своим трудом преображает таёжные дебри.

Вот они, шахтёры и сталевары с крутыми плечами, шершавыми рабочими руками, заставляют мчаться уголь резвее реки...литься «сталь словно солнце, в ковши!..» Не отстаёт от них и молодой строитель новых магистралей, дворцов, городов. Первыми же строками стихотворения «Токарь» поэт как бы переносит внимание читателя со строительных площадок в цехи фабрик и заводов, где молодость ежечасно вступает в спор со временем, с устаревшими нормами выработки. Наиболее ярко выражена тема социалистического труда в стихотворениях цикла «За рекою, за горою».

Стремясь всесторонне отразить жизнь тружеников второй угольной кочегарки СССР – Кузбасса, Михаил Небогатов значительное место отводит теме горняцкого труда. Душевно и просто передаёт поэт новизну ощущений комсомольца Николая Петрова, впервые спустившегося в шахту («Кузбасский уголёк»). Николай поражён размахом жизни подземного города, у которого свои улицы, дома, железная дорога... Невольное сравнение с метро напрашивается здесь при виде быстро мчащегося электровоза.

* М. Юмов – псевдоним Юрия Мосткова, новосибирского радиожурналиста (*Примечание Н. Инякиной*); *) М. Небогатов. «Солнечные дни». Издательство «Кузбасс». 1952 г., 96 стр. Редактор П. Бекшанский.

Искренне радуется Петров огромному достижению технической мысли – работе горного комбайна.

Не перегружая поэтического языка специфической терминологией, поэт в доступной форме рассказывает о работе советских горняков, вооружённых первоклассной отечественной техникой, высвобождающей дополнительные людские резервы и намного облегчающей труд человека. Читатель сразу же отмечает правильность сопоставления двух художественных зарисовок из жизни старой, царской шахты и новой, советской. Если только сравнить между собой строки стихотворения «Слово старого шахтёра», «А раньше... в недрах-то земли на четвереньках уголь мы таскали» со строфой поэмы «Кузбасский уголёк» – «Режет мощная машина толщу каменной стены...», то станет понятным, почему «горняцкий труд... в большом у нас почёте».

Наряду с показом передовой техники поэт не забывает, что она, техника, требует от горняка знаний и любовного к себе отношения. В сборнике много реалистических картин, оттеняющих жизненные конфликты наших дней.

Вот, обескураженный неудачами, Николай пытается силой заставить машину «рубать» уголь. Умная машина «мстит» технически малограмотному парню. На помощь новичку приходят товарищи по работе. Каждый стремится передать ему частицу своего, годами накопленного опыта, и веришь, что, пройдя школу упорной учёбы и труда, Николай постигнет тайну мастерства. Порукой тому – сотни тысяч молодых горняков, успешно овладевших передовыми методами труда.

В далёкое прошлое вместе с шахтёрским обушком, салазками да конононами ушли крестьянская соха, серп, лукошко. На месте разобщённых наделов бывших индивидуальных нищенских крестьянских полос раскинулись бескрайние колхозные поля. Давно уже стала явью ленинская мечта о ста тысячах тракторов. На огромных просторах, где растут хлеба, «Рожь встречается с комбайнами, в пояс кланяется им».

Герои стихов Небогатова не просто любуются достижениями своих товарищей, но и стремятся активнее участвовать в строительстве коммунизма.

Поэт проникновенно пишет о том, что советский народ беззаветно верит своей коммунистической партии и любит её. Поэтому:

*Как привет далёкий из столицы –
Свежий номер «Правды» предо мной.
Прямо в сердце входит со страницы
Слово нашей партии родной.*

Всё это говорит о незыблемости социалистического строя, о животворном патриотизме советских людей, которые ещё «в семнадцатом году, смотря с надеждой в солнечные дали... Слово «Мир» у мира на виду на всех знамёнах наших написали». Поэт сумел найти точный глубоко осмысленный образ дум и чувств советских людей:

*Мы ни на чьё не заримся житьё,
Мы не грозим чужим полям и хатам.
... (и) пусть запомнят там, за рубежом,*

*Что, пережив невзгоды и ненастье,
Мы, как зеницу ока, бережём
Своё большое нынешнее счастье.*

(«Слово старого шахтёра»).

И именно поэтому у нас «цветами Робсона встречают», и «песни мира слышатся везде». Гневным голосом клеймит поэт врагов человечества, которые, стремясь «жечь

и убивать», пытаются «жизнь уничтожить бомбой водородной». Подлым наймитам Уолл-стрита Небогатов противопоставляет советских шахтёров, которые в забоях трудятся, чтоб дать «тепло и свет для радости народной».

Выше мы приводили волнующие строки, которыми столь образно поэт открывает «Солнечные дни». Однако уже первые стихи цикла «Свет из Кремля» наряду с хорошими, осмысленными образами несут в себе много неточного и сырого. Вот стихотворение «Молодой агитатор». Поэт говорит о тетрадах, о стопках газет, о заботе, что «брови русые свела» склонившегося над книгой человека. На двенадцатой строке мы узнаём, что перед нами агитатор. Тема очень серьёзная, но раскрывается она как-то неестественно, надуманно, многие строки этого стихотворения больше выполняют роль пейзажного этюда, чем углубляют и развивают тему. Поэт не сумел раскрыть образа агитатора.

Бледно нарисован и старый шахтёр – герой стихотворения «На агитпункте». В этом стихотворении о второстепенных вещах говорится значительно больше, чем о главном.

Обеднена смысловая сторона стихотворения «Земляки», где разговор «о самом дорогом» автор передаёт многоточием! В стихотворении «Бригадир» мы встречаем другую крайность – о герое не сказано ни одного слова.

Жизненная бледность раскрытия идейно-художественной основы стихотворений «Зарево», «Наш Пушкин», «Мои друзья» вызывают уже серьёзную тревогу.

Несмотря на то, что поэт долго работал над ранее созданным образом (см. стихотворение «Зарево»), ему не удалось глубже вскрыть и всесторонне показать коренные изменения, происшедшие в нашем крае. Произошло это из-за небрежного отношения поэта к смысловой стороне этого стихотворения, приведшего при доделывании к значительному обеднению поэтического образа и потере полноты идейно-тематической основы стихотворения. В первом варианте повествовалось о том, как на месте непроходимых таёжных дебрей советские люди создают индустриальные центры, преобразуют лицо нашей земли. От «дикого и сурового» непокорного края, через тревожный гул революционных бурь, под корень срубивших подгнивший мир, «как старый кедр», вёл нас поэт к городу красивых зданий, мощных заводских корпусов, гигантских труб. Когда же стихи попадают в доработку, то заводские корпуса и трубы находят своего «хозяина» в лице «коксохима», определяется и город и т. д. и т. п. Но стих не улучшается от этого, а наоборот, он приобретает новизну критического элемента – совершенно нежелательного в данном случае.

Так, не укладываясь в старые рамки, не умея попасть в ногу с оставшимися без изменения строфами, потеряв всё своё «революционное» прошлое, переделанный образ города стал менее ясным.

Постараемся детально проанализировать пути творческой работы поэта, проникнуть в его лабораторию и посмотреть, как организуется стих, как используются изобразительные средства, в чём проявляются особенности поэтического дарования Небогатова.

Мы уже отмечали ряд удачных поэтических зарисовок, остановились и на отдельных безликих стихотворениях. Что же делает возможным появление неполноценных стихов, неудачных образов, непривлекательных и малозвучных рифм? Прежде всего – отсутствие прочных теоретических знаний и навыков поэтического мастерства.

Как известно, образ требует предельной законченной мысли, выраженной в конкретно индивидуальной форме. Значит, структурно распадаясь на строфы, стихотворение по-прежнему остаётся целостным, ибо каждый стих, строфа являются проводниками единого целого. Лишь только при этом условии более наглядно вырисовывается тип, лучше оттеняются отдельные детали, имеющие важное значение при создании фона или раскрытии характера.

Небогатов может правильно ухватить основной признак того или другого явления, легко вписать характерный штрих в общую поэтическую картину, но вот связать всё это в единое целое, видимо, ещё не хватает мастерства. Так, в стихотворении «Подписывая обращение» многие строки самостоятельны, но это делает их не столько образными, сколько двусмысленными, ибо большая часть их изолирована от контекста. Достаточно обратиться к строке «О новых яслях думал председатель», чтобы сразу же задуматься: о каких яслях идёт речь: о детских или же о тех, которые имеются на скотном дворе? Покамест эта двойственность происходит из-за игнорирования Небогатовым смысловой стороны поэтического образа. Идя дальше по такому пути, поэт начинает неверно работать со строфами, что приводит его к парадоксальным вещам: в стихотворении «В кузнице» – «...меха, накалив железо ярко»... берут щипцы у старика, в стихотворении «Говорит Москва» по воле автора «там рыбаки, вернувшиеся с лова. Здесь лесорубы, вставшие чуть свет» (значит, они живут в совершенно различных местах), сошлись в одной избе.

В третьей части «Творчества» вместо явно выступающих шестистиший автор пользуется неизменными четырёхстишьями, разрывая мысль и разобщая образ на два отдельных куска. Предоставим читателю возможность самому убедиться в правоте наших суждений:

*Всю ночь сижу, всю ночь ищу слова.
А за окном бледнеет синева.
Я знаю, что мой путь не на века.
Но если б хоть одна моя строка,
Один хоть штрих, пускай других бледней,
Дополнили картину наших дней... и т. д.*

Столь же необоснованным, на наш взгляд, нужно считать произвольное объединение двух четверостиший в одно шестистишие от слов «Взвивайся же, песня, скорее» – до строки «Поможет корейцам в бою!» (стр. 78) и т. д.

Наконец, хочется отметить ещё одну характерную для поэзии Небогатова черту – не все стихи написаны ровно, причём это особенно заметно в таких стихотворениях, как «Говорит Москва», где среди сильных четверостиший, воспевающих величие нашего народа, идут явно слабые строки: «И так мы рады, будто бы они – знакомцы наши, близкие соседи», а 66–67 строки, помимо неполноценности, не имеют ещё совершенно никакого отношения к излагаемой мысли, чем значительно снижают

качество всего стихотворения. Частым введением картин природы М. Небогатов нередко прерывает и повествовательную линию поэтического рассказа. А ведь он умеет работать с пейзажными зарисовками!

И. В. Сталин указывал на то, что «язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе». Будучи носителем художественного образа, закреплённого и воплощённого в словах, поэтический язык также является одной из форм выражения общественного сознания. И от того, насколько точно и всесторонне будет изучено писателем то или другое явление, зависит идейно-творческое и эмоционально-образное воплощение данного события, конфликта... Живость, лаконичность и простота изложения – одно из важных требований, предъявляемых к языку художественных произведений. Значит, писатели должны кропотливо и вдумчиво работать над языком персонажей и своей авторской речью.

Как же обстоит дело с языковыми и стилистическими особенностями сборника «Солнечные дни»?

Прежде всего мы должны отметить положительную работу Небогатова в области поэтической семантики. Поэт умело использует в качестве изобразительных средств новые эпитеты. Наряду с широко распространёнными эпитетами: золотые руки, сочные травы, серебристые брызги имеются новые, очень удачные: **свежий номер** «Правды» предо мной; верный **мудрым ленинским заветам**; он водит **мирные составы** с пшеницей, коксом и углём; плещет **буйною пшеницею**; **народный строй**.

Есть и неудачные потуги создать тавтологические эпитеты – **темень чёрная**, **дальние дали** и совсем нереальное, нежизненное определение – **робкий звук**, **полуночная квартира**, **наплывшая тишина**. Что же касается сравнений, то они в большей части маловыразительны: **сердце** вспыхивает как **чуткий порох**; **снега** напоминают **белый бархат**... Более удачными являются те сравнения, в которых автор передаёт радость жизни и труда советских людей. Поэтому эмоционально и выразительно сравнение отзвука дальнего «ура» с шумом зерна, что «лётся в бункера» на фоне трудового подвига колхозников.

Хуже обстоит дело с интонационно-стилистической стороной поэтического языка. Поэту не всегда удаётся языковыми средствами передать быстроту или медлительность движения. Не всегда оправдывает себя и метод удвоения основы слова: «из-за дальних, дальних рубежей», «погляди в эти дальние дали», который явно приводит к тавтологии. Сильно проявился талант Небогатова в имитационной сфере звукоподражания: «Задышали **глухо, жарко** и **заохали меха**» (стр. 47). «Свистнул ветер, **глухо ухнул гром**» (стр. 92).

Вновь зацокал молоток

Глухо грохнулся на брёвна

Чёрный угольный кусок (стр. 34).

В каждом из этих стихов сочетание глухих согласных с шипящими создают определённую картину. Наглядно можно проследить это и на примере стихотворения «Солнце», где звонкие согласные, употреблённые более семидесяти раз, создают

прекрасную музыку весенних солнечных красок. Удачен и сам образ, передающий душевную радость человека:

*Солнце! Всюду солнце! В миллионах глаз!
Радостно от мысли: этот свет – для нас.
Да, для нас, свободных жителей земли,
Все дары природы счастьем расцвели.*

Фонетическая организация в стихотворной речи несколько обогащается за счёт использования омонимов (одинаково звучащих, но разных по значению слов)

*Всё чаще, чаще...
...где-то в чаще (стр. 31)*

и обратной формы – синонимов, которые представлены несколько шире: прости – извини и т. д.

Есть и лексические ритмические повторы:

*Когда б не наши мудрые вожди,
Когда б не наше мужество и сила (стр. 37).*

Не упоминавшиеся до сих пор риторические фигуры встречаются лишь в качестве патетических восклицаний, более бьющих на красоту, чем на эмоциональность: Мне восторга в душе не унять!.. Любо видеть, очень любо мне! И т. д. Повышенной слащавостью отмечена вся вторая строфа стихотворения «Токарь».

Ещё больше возражений вызывает неправильное трактование отдельных слов и поэтическая вольность в грамматике русского языка. Так, в авторской речи (см. «В гостях у ветерана») встречается слово **участие**, неправильно характеризующее душевное состояние гостей. Необходимо отметить и неточное употребление обстоятельства места – **в уголке**. Явная погоня за рифмой заставляет поэта заменить понятие угол – уголком (то ли красным, то ли живым). Неверно употребляется и слово **подстать**.

*Но как ты на песни ни щедро,
Не знаешь пока что **подстать**
Тому, кто подземные недра
Заставил послушными стать
(«Творчество»).*

А ведь поэт уже работал с этим словом: «Подстать ему – нарядна и жена» (стр. 25), употребляя это слово в значении сказуемого.

Досадны отдельные ошибки орфографического порядка. Персонажи стучат **на** наковальне вместо **о** или **по**; отправляются домой **в** мотоцикле вместо **на**. Сильно засорена прямая и косвенная речь персонажей архаизмами и фамильярно разговорными словечками: чреда, уважь, одёжа, коль, порознь, впрямь, урезонивать, статья, гуд, знакомцы и т. д. Видимо, поэт ещё не сумел преодолеть влияния местного сибирского говора.

Трудно признать правильность чрезмерного насыщения речи местоимениями. Если исходить из того, что контекст определяет смысл слов, а они обозначают конкретные предметы и явления, то наличие более шестидесяти пяти местоимений в стихотворных текстах «Письмо на границу», «В гостях у ветерана» сами претендуют на контекст, и своей массой значительно подавляют мысль и образность стиха.

Воспевая жизнь и труд людей сталинского Кузбасса, М. Небогатов создал в целом хороший сборник стихов. Отдельные недостатки в творчестве поэта, разумеется, не могут понизить интерес читателей к его произведениям.

Ф. МАЛЬЦЕВ.

// Огни Кузбасса. – 1953. – № 6. – С. 223 – 228.

СТИХИ О КУЗБАССКИХ ШАХТЁРАХ

Разговор о стихах М. Небогатова хотелось бы начать с первой его книги*, потому что уже в ней как-то определилось творческое лицо поэта, основное направление его работы; вторая книга** должна показать дальнейшее развитие и этого направления и творческой индивидуальности поэта. О первой книге стихов хотелось бы высказать несколько замечаний в связи с появившимися уже в печати её критическими оценками. Речь идёт о статье Ф. Мальцева, напечатанной в последней, 6-й книге альманаха «Сталинский Кузбасс». Не сомневаемся, что автор этой рецензии и редколлегия альманаха, публикуя её, руководствовались самыми благими намерениями и, судя по началу статьи, полны даже предельно благожелательного расположения к поэту.

«С живым интересом следит **вся общественность (!)** Кузбасса, – начинает свою статью Ф. Мальцев, – за творческим ростом Михаила Небогатова, который, обладая **незаурядным (!)** талантом, умеет **в глубоко реалистической форме** рассказать о разнообразных явлениях сегодняшней жизни...».

Мих. Небогатов, скромный товарищ, был скорее смущён и раздосадован, чем польщён такой оценкой его работы. Но подобного рода явно завышенные оценки, отдающие душком провинциального самомнения, по-видимому, вообще не редки в местной литературной среде, и тем хуже, что они культивируются на страницах альманаха. Самое же, пожалуй, печальное в том, что эта общая заглавная оценка творчества молодого поэта весьма слабо и неубедительно подтверждается рецензентом, а местами и начисто стирается его критическими замечаниями по адресу стихов М. Небогатова.

Одно из основных достоинств стихов поэта, посвящённых Кузбассу, рецензент видит в том, что сам поэт и его герои «искренне радуются... огромному достижению нашей технической мысли – работе горного комбайна», что, по мнению рецензента, высокохудожественно выражено в сопоставлении «зарисовок жизни старой царской шахты и новой советской».

Ф. Мальцев пишет: «Если только сравнить между собой строки стихотворения «Слово старого шахтёра»: «А раньше... в недрах-то земли на четвереньках уголь мы таскали» со строфой поэмы «Кузбасский уголёк»: «Режет мощная машина толщу каменной стены...», то станет понятным, почему «горняцкий труд... в большом у нас почёте...».

* Михаил Небогатов. Солнечные дни. Изд-во «Кузбасс». Кемерово, 1952, 96 стр., редактор П. Бекшанский.

** Михаил Небогатов. На берегах Томи. Поэмы и стихи. Изд-во «Кузбасс». Кемерово, 1953, 134 стр., редактор И. Балибалов.

Действительно, после таких сопоставлений «станет понятным», что поэзия явно не «в почёте» у товарища Мальцева, если он видит её в таких, прямо скажем, далёких от поэтического изображения и поэтического слова сухих справках.

К сожалению, большинство приводимых далее рецензентом выдержек из стихов М. Небогатова подобного же уровня, что и вышеприведённые. При этом Ф. Мальцев сопровождает цитаты из стихов своими замысловатыми обобщениями, вроде следующего: «Герои стихов М. Небогатова не просто любят достижения своих товарищей, но и стремятся активнее участвовать в строительстве коммунизма...», – кто же сами-то эти герои, если они только «любуются достижениями своих товарищей»?

Странно и досадно, но получается так, что Ф. Мальцев в качестве положительных примеров, якобы подтверждающих общую высокую оценку творчества Небогатова, данную в самом начале статьи, приводит как раз наиболее слабые, как на подбор сухо-риторические стихи, и не видит подлинно поэтических и свежих строк, каких, действительно, немало в первой книге поэта, и не во всём самостоятельных, но по-настоящему поэтических песенных стихов: «За рекою, за горою», «Бригадир», «Баянист» и другие. А дальше рецензент будто забывает о данной им вначале общей оценке «глубоко реалистической формы» поэзии М. Небогатова и в последующем разборе разносит его стихи, как говорится, в пух и прах: поэт, по утверждению Ф. Мальцева, «не умеет глубоко раскрыть образ шахтёра», «обедняет смысловую сторону» стихов, в ряде стихотворений якобы налицо «жизненная бледность (!) раскрытия идейно-художественной основы» и т. п.

Задавшись целью «детально проанализировать пути творческой работы поэта, проникнуть в его лабораторию», Ф. Мальцев делает это до крайности упрощенчески. И, прежде всего, это касается языка самого рецензента, о чём уже частично говорилось выше. Статья Ф. Мальцева пестрит погрешностями, неточностями выражения, стилистическими и смысловыми огрехами.

Так, упрекая Небогатова в «небрежном отношении к смысловой стороне» стиха, сам критик «выдаёт» то и дело прямо-таки перлы этого пренебрежения: «Обеднена смысловая сторона стихотворения «Земляки», где **разговор** «о самом дорогом» автор **передает многоточием (!)**. В стихотворении «Бригадир» мы встречаем **другую крайность (?)** – о герое не сказано ни одного слова» (!!)

А попробуйте уловить смысл в таких фразах критика: «Произошло это из-за небрежного отношения поэта к смысловой стороне этого стихотворения, приведшего при **доделывании (!)** к значительному обеднению поэтического образа и потере полноты идейно-тематической основы стихотворения...

...Стих не улучшается от этого, а, наоборот, он приобретает **новизну критического элемента (!)**, совершенно нежелательного в данном случае» (!)

«Анализируя» язык стихов М. Небогатова, тов. Мальцев совершенно серьёзно отмечает «положительную работу Небогатова в области поэтической семантики» и в качестве свежих, удачных эпитетов, якобы найденных поэтом, приводит следующие трафареты: «**свежий номер**» «Правды», «**верный мудрым ленинским заветам**», «**буйная пшеница**», «**народный строй**»... Но критик тут же и уличает поэта в семантических погрешностях, в «потугах создать тавтологические эпитеты». И относит почему-то к «нереальным, нежизненным определениям» такие, кажется, совершенно

ясные и верные выражения, как «дальние дали», «робкий звук», «наплывшая тишина».

Далее критик опять амнистирует поэта: «Сильно проявился талант Небогатова в имитационной сфере звукоподражания», но при этом приводит примеры удач и неудач поэта, столь же «научно обоснованные», как и многие из вышеприведённых...

Рецензия Ф. Мальцева на первую книгу стихов М. Небогатова являет собой пример «критики», которая не только не может принести никакой пользы ни поэту, ни читателям, но в ряде мест дезориентирует поэта необосновательным перехваливанием, неверной в большинстве случаев оценкой качества стихов. Что же касается «языковедческого анализа» Ф. Мальцева, то эта часть его статьи является вольной или невольной профанацией важной и насущной задачи литературоведения.

Основное место в новой книге стихов Мих. Небогатова занимает поэма «В родной семье», отрывки из которой были включены поэтом ещё в первую его книгу «Солнечные дни».

Судя по пометке в конце текста, поэт работал над этим произведением более четырёх лет.

Посвящена поэма теме воспитания молодого поколения шахтёров, мастеров угольного дела, на примере жизни и роста юного колхозника Николая Петрова, пришедшего из деревни на один из рудников Кузбасса в поисках своего счастья и места в жизни. Путь Николая Петрова в большую шахтёрскую «родную семью» и пытается показать в своей поэме Мих. Небогатов.

Написана поэма ясно и просто, местами задушевно и взволнованно, с очевидным знанием поэтом материала о шахтёрской жизни. Наиболее удачны, на наш взгляд, в целом 7, 8 и 14-я главки поэмы, показывающие шахту, шахтёрский труд в забое. Николай Петров впервые в жизни спускается в шахту, впервые видит труд шахтёров. Поэт правдиво и выразительно показывает переживания и поведение новичка, даёт по ходу действия поэтически точные описания шахты, подземного труда:

*С сердцем, бьющимся тревожно,
Под людской неясный гул
На пол клетки осторожно,
Как на хрупкий лёд, шагнул.
Смех и говор. Кто-то басом:
– Из деревни? Молодцом!*

*А другой: – Перед Кузбассом
Не ударишь в грязь лицом?..
...Вагонеток стук ритмичный.
Лампы-звёзды. Топот ног.
И почти земной, обычный
Вездесущий ветерок...*

Старший брат Николая – опытный мастер угледобычи Егор Петров, чтоб испытать новичка в забое, да сбить с него излишнюю самонадеянность и наивность представлений о шахтёрском труде, вручает Николаю отбойный молоток, которым тот и начинает действовать со всем напором молодой силы:

*...Раз! И в пласт вонзилась пика,
Застучало, затрясло.
«Хорошо! Ещё немного».
И ещё налёг на пласт.
А в душе уже тревога:*

*«Неужели, чёрт, не сдаст?
Да чего ж тогда я стою!»
И, нажав, что было сил,
Пикю, бившею пыльцою,
До пружины вглубь вонзил.*

– Стоп! – раздался рядом голос, –
Выключай!
И тихо вновь.

«Ни куска не откололось.
Ни куска...» Стучала кровь...

Николай со стыдом убеждается в своей неопытности и беспомощности. Старший брат, чутко уловив состояние Николай, с ласковой строгостью говорит ему:

– М-да. Одной горячей вспышки
Мало. Дай-ка покажу. –
Поглядел в глаза братишке:
– Бей вот так, по кливажу.

Убедительно передана поэтом беседа братьев по поводу этого урока, когда они, поднявшись на-гора, усталые и взволнованные возвращаются домой.

В поэме Мих. Небогатова немало и других хороших мест, подкупающих естественностью и верностью выражения, ясной и глубокой простотой поэтического образа, чистотой языка. В первой части поэмы поэт создаёт трогательный, согретый сыновней любовью образ старушки-матери Егора и Николая Петровых. Есть свежие и лирические строки в изображении любви Николая к Зое. Интересен и довольно живо показан эпизодический образ шахтёра-ветерана (почему-то безымённого), вышедшего на пенсию, но продолжающего принимать самое горячее участие в жизни шахты, передающего свой большой трудовой опыт молодому поколению шахтёров. Есть живые чёрточки и в образе старшего Петрова – знатного кузбасского горняка. Немало в поэме свежих и живописных пейзажных зарисовок и деталей.

При всём этом в целом поэма Мих. Небогатова оставляет впечатление недоработанности, незавершённости основного замысла.

В поэме нет чётко разработанного, подчинённого раскрытию основной мысли сюжета, она состоит из кусков, набросков, весьма слабо между собой сцепленных, отчего в произведении и не чувствуется необходимого напряжения и последовательности в развитии действия и характеров. Так, по существу главной мысли, для раскрытия основной темы произведения необязательны и, во всяком случае, излишне растянуты первые четыре главки поэмы. В этих главах рассказывается о приезде Егора Петрова в родной колхоз, его встречах с односельчанами, из которых ни одна фигура не запоминается, потому что, кроме матери, ни одна из них не имеет никакого отношения к основным героям и вводится лишь ради иллюстрации. Председатель колхоза Носков и безымённый парторг колхоза по соответствующему шаблону присутствуют на семейной пирушке по случаю приезда Егора, говорят обязательные в этих случаях прописные фразы. А забавная фигура колхозного сторожа старика Савелия – не что иное, как сто первый штамп небезызвестного деда Данилы.

В финале действие переносится с рудника снова в эту же обстановку – снова Носков и парторг умиляются сообщением об успехах Николая на шахте, а дед Савелий предлагает по этому случаю выпить неизбежную «стопку». Уже сам этот приём «завязки» и «развязки» произведения свидетельствует о статичности его содержания и весьма лёгком решении поэтом интересного и жизненного замысла.

Есть в поэме и другие, столь же бледно очерченные лица, например, фигура нового друга Николая Петрова на руднике, тоже будущего шахтёра – Ивана Мовчана, лишь упоминаемая автором в нескольких местах. Вообще автору не удалось сколько-

нибудь живо и конкретно, в лицах и характерах, показать молодёжную среду, в которой почти год живёт, учится Николай Петров на руднике, в которой он вырастает в настоящего шахтёра, становится передовым мастером труда. Поэт ограничивается бледными и отрывочными описаниями молодёжного общежития («Дом – общежитье. А семья – в ней человек, пожалуй, двести, и все ровесники, друзья»), занятий в школе, где Николай готовится стать квалифицированным мастером угля («Душою беспокойный Петров во всё вникал, он молоток отбойный раз десять разбирал...»).

Поэт пошёл по линии только внешнего изображения обстоятельств и условий, которые способствуют и сопутствуют духовному росту и развитию молодого человека в наше время.

Духовный рост Петрова, превращение юного, честолюбивого и неопытного сельского паренька в сознательного и передового мастера шахтёрского труда в поэме совершаются очень поверхностно и легко, без каких-либо внутренних противоречий и преодоления каких-либо трудностей роста. В качестве противоречий роста своего героя автор упоминает о неудовлетворённости Николая собой и колхозной работой, о молодой самонадеянности и честолюбивых стремлениях героя к славе и успехам. Мимоходом упоминаются колебания и сомнения Николая в отношении вступления в комсомол, затем легко и быстро разрешаемые в финале поэмы. Этот «конфликт» выглядит в поэме крайне надуманным и легковесным.

Но мы не видим в поэме внутреннего преодоления Николаем даже и этих несложных и неглубоких противоречий, каким сопровождаются его рост и развитие, мы вынуждены просто поверить автору на слово, что герой становится вполне хорошим комсомольцем, передовым мастером труда, равноправным членом шахтёрской «родной семьи».

Нельзя считать глубоким раскрытием внутреннего мира героя его собственные тирады о высоком значении труда советского шахтёра («И там, в Кремле далёком – лишь лампочку включи – всю ночь глядят (?) из окон твои, шахтёр, лучи (?) или авторские характеристики героя, вроде следующих:

*...Хоть завтра пусть экзамен:
Не заглянув в тетрадь,
С закрытыми глазами
Все части мог собрать...*

и т. д.

Поэма «В родной семье» – первое крупное эпическое произведение Михаила Небогатова, лучшими своими местами свидетельствующее и о поэтических возможностях молодого автора, и о знании им жизненного материала. Но, хотя поэма, по свидетельству автора, писалась продолжительное время, очевидно, что поэт в работе над нею не проявил должной требовательности к себе, пошёл по лёгким, иногда уже и достаточно проторённым путям. И надо признать, что Мих. Небогатов пока далеко не справился с интересным замыслом, не достиг в своём произведении необходимой поэтической и жизненной глубины и правды.

Вторая книга стихов Мих. Небогатова «На берегах Томи» привлекает разнообразием поэтических жанров и мотивов, что свидетельствует о расширении

творческих поисков и попыток молодого, растущего поэта. Кроме разобранной выше поэмы, мы находим в книжке стихи публицистического, лирического, сатирического направления, объединённые в разделы «Мы за мир», «Любимый край», «О ротозеях и прочих» и «Лирика». Большинство стихов написано в 1952 и 1953 годах, что также показывает значительно возросшую творческую активность поэта.

Но этими же обстоятельствами, вероятно, можно объяснить и неравноценность многих стихов, включённых, как говорится, «валом» в новую книжку, и следы спешки, недостаточной самостоятельности и явной недоработанности ряда стихотворений. Два, открывающих книгу стихотворения – «Под знаменем партии» и «Любуясь яркою раскраской, рисует осень свой пейзаж» так же, как и большинство стихотворений раздела «Мы за мир», не дают представления о поэтической индивидуальности М. Небогатова. Написаны они довольно гладко, но на очень среднем уровне, в большинстве состоят из декларативно-общих, иногда стандартно-бледных, набивающих оскомину выражений и образов, вроде обязательного завершения стихотворения на общую тему «упоминанием» Кремлёвских звёзд или сочетания слов «мир и труд». Эти, огромной и глубокой идейной силы и поэтического содержания слова и образы, при частом и механическом их использовании теряют своё поэтическое воздействие. В стихотворении «На границе» Мих. Небогатов пытается создать образ советского воина, неусыпно оберегающего незыблемость границ Родины. Но всё стихотворение состоит из таких общих и литературно-готовых выражений, так стандартно по словарю и изобразительным средствам, что из этого общего многословия не возникает перед нами сколько-нибудь живого образа пограничника.

*...Молча, с думой привычной
Об Отчизне своей
Смотрит вдаль пограничник,
В даль бескрайних морей...*

Большим и глубоким общественно-политическим мотивам и темам, хорошим и нужным мыслям о явлениях нашей великой жизни поэт не ищет своего индивидуального поэтического выражения, довольствуясь готовыми выражениями, вроде: «кто в наш дом с мечом ворвётся, не поздоровится тому», или: «будь, солдат, наготове, зорко мир стереги»; «Мы все – от мала до велика – на страже мира и труда» и т. п. Большинство стихотворений раздела «Мы за мир» состоит из этих общедекларативных утверждений и повторений, служащих поэту или ключевым или заключительным выражением мысли. Несколько самостоятельней и содержательней стихотворения этого раздела – «Слово хлебороба» и «Советская улица» именно потому, что поэт здесь пытается общей теме найти своё, конкретное, поэтическое решение и выражение.

Стихи раздела «Любимый край», очевидно, дали название всей книге «На берегах Томи», связаны своим содержанием с жизнью тружеников Кузбасса, среди которых живёт и сам поэт. О любви к этому родному краю не раз он упоминает в своих стихах:

*Не знаю, как другие,
А я не утаю:
Люблю я всё живое
В моём родном краю... («В дороге»)*

*Вряд ли выразить сумею,
Как я в мир влюблён...*

.....
*А сказать точнее и проще,
В свой любимый край... («Новый день!...»)*

Кстати, неизвестно, почему поэту понадобилось предупреждение о том, что он не собирается утаивать свою любовь к родному краю, – вероятней всего, просто ради рифмы...

В стихотворениях «На побывке», «В клубе», «В бору», «Мать», «Праздник» перед нами довольно живо и явственно проходят образы простых людей-тружеников: краснофлотца, приехавшего в родное село на побывку; колхозной доярки, задушевно поющей на самодеятельной сцене; старой шахтёрской матери, ожидающей на праздник своих разлетевшихся далеко сыновей...

Именно в таких, жизненно правдивых стихах проявляется более отчётливо присущая Мих. Небогатову простота, задушевность поэтической интонации, конкретность поэтического выражения. И если даже в них иногда чувствуется очевидная зависимость молодого поэта от А. Твардовского, то она искупается той внутренней теплотой, какой согреты подобные стихи о близких поэту и любимых им людях и родном крае.

Во всяком случае, мне кажется, что именно на этом пути и в этом направлении заложены возможности дальнейшего роста и новых удач способного поэта.

Любопытно в этом отношении стихотворение «Встреча». В нём рассказывается о том, как «перед шахтёрами со сцены поэт стихи свои читал» и как аудитория вознаградила его всеми, полагающимися в таких случаях поощрениями – «будто гром ударил в стены, когда в ладоши грянул зал» и даже «комсорг ему поднёс букет»... При этом «думал юноша в смущенье: затем ли он пришёл сюда», однако под этим смущением таится и трезво-скептическая нотка: «Обычной данью уваженья хлопki бывают иногда...».

Но вот, после парадной встречи с читателями, происходит откровенный разговор поэта с одним из своих слушателей – старым шахтёром:

<i>...Признаться, за душу задела Твои стихи, – сказал шахтёр. И плечи юноша расправил: «Нашёл признанье! Вот оно!» Но, помолчав, шахтёр добавил:</i>	<i>– Не все. Точней сказать – одно: Где про любовь к родному краю, Про то, что чувствую я сам. Вот этот стих – я понимаю! Лежит душа к таким стихам.</i>
--	--

Старый шахтёр подчёркивает, что эти стихи привлекают и волнуют его потому, что пишутся они «с чувством, с толком, не хладнокровно, а любя», и порицает стихи, «где в общем всё, наружно, – пришёл, увидел, победил, – таких вещиц писать не нужно, не нужно тратить просто сил...». Далее шахтёр-читатель критически разбирает стихи, в которых читаешь: «уголь, уголёк, а места главному герою – одна строфа на сорок строк» и даёт поэту строгий наказ:

<i>Гляди, дружок, подальше штрека, Комбайн – машина как-никак. Ты покажи нам</i>	<i>Человека, Пускай живёт в стихах горняк!</i>
--	--

Нельзя не согласиться с этой простой и ясной установкой старого и заинтересованного читателя. И то, что поэт его устами так верно и ясно, осознанно декларирует эти требования к поэзии, даёт такое верное направление стихотворцам, должно, очевидно, свидетельствовать о том, что и сам Мих. Небогатов хорошо понимает недостатки своих стихов о «Родном крае» и своих земляках-тружениках. Но, к сожалению, он далеко не всегда следует этим требованиям, соблазняясь более лёгкими и проторёнными приёмами, делающими иные его стихи гладкими поэтическими поделками.

В этом отношении характерны стихи заключающего книгу раздела «Лирика». Нет слов, читатель наш справедливо упрекнёт поэтов в отсутствии, а порой в мелкопробности наших лирических стихов. И то, что Мих. Небогатов – поэт в большей мере по складу своему лирический, в последнее время пишет много лирических стихов, это, конечно, заслуживает всяческой поддержки. Есть в его стихах отдельные строки, отмеченные подлинным чувством, молодым и свежим дыханием любви, дружбы, верности, восхищения родной природой. Но в большинстве случаев лирические стихи Мих. Небогатова оставляют читателя равнодушным, потому что эти стихи являются и по форме и по содержанию перепевом давным-давно уже прозвучавших и в более сильном поэтическом выражении мотивов любовной лирики, повторением традиционных форм и приёмов, вплоть до альбомных образчиков. В самом деле, что свежего и индивидуального в определении чувства влюблённости, каким открывается лирический цикл:

*Как сказать об этом покороче?
Заглянул в глаза – и как в хмелю...*

И завершается это стихотворение тысячекратным повторением прописной, но не очень богатой мыслью формулой:

*Что случилось – сам не понимаю,
Стал весь мир по-новому пригож...
Счастлив я, что ты, моя родная,
На одной земле со мной живёшь...*

Печать традиционности, готовых «лирических» штампов лежит в этих стихах на всём – на словаре, на изобразительных средствах, на самой интонации:

*Есть стихи, как перезвоны
Серебристого ручья,
Есть, как лёгкое дыханье –
Ветра вешнего струя,
Есть, как звёздочки сиянье,
Как сиреневый закат...*

и т. д.

Действительно, есть и, к сожалению, много таких безличных, пустых и ученических стихов в лирике М. Небогатова, и, вероятно, поэт сам это понимает: в том же стихотворении он взывает к ветру, который якобы «сам себе расскажет **лучше вышколенных строк**» о чувствах, какими полон влюблённый лирический герой стихотворения.

Любимая в этих стихах в тысячекратный раз сравнивается то с «солнышком», то со «звездой», то с «полевой незабудкой», явно позаимствованной из альбомной «классики», и т. д. Хотя поэт пометкой под заключительным восьмистишьем лирического цикла свидетельствует, что оно является плодом четырёхлетних раздумий («1949–1953»), однако мы легко улавливаем в нём прямое влияние стиха Блока. Приведу его полностью:

*Гляжу в лицо твоё простое,
Что свято вечной красотой:
В нём жизни счастье молодое,
В нём образ Родины самой.
Видна в чертах лица простого
России добрая душа:
То лучезарна, то сурова,
Но неизменно хороша!..*

Внешняя многозначительность этих строк, кажущаяся их философичность, при некотором осмысливании оказывается ученическим подражанием, а то и просто перепевом с чужого голоса. «Свято вечная, лучезарная красота» – это ведь явно не своё, а понятие «то лучезарной, то суровой» красоты совсем не исключает, что она «неизменно хороша»...

Положительное значение этих лирических опытов, может быть, состоит единственно в том, что поэт «набивает руку» на форме стиха, но при этом не избегает соблазна скорописи на готовом и отработанном поэтическом материале.

Из десятка этих стихотворений привлекают своей непосредственностью и свежестью мысли и выражения такие стихи, как «Высоко на фоне синевы» и «Наступает зелёное лето». Удача последнего именно и состоит в том, что здесь есть своя мысль, подсказанная жизнью, есть своё поэтически конкретное выражение чувства связи поэта с жизнью:

*Наступает зелёное лето.
Распускается роща опять,
Где порою всю ночь до рассвета
Мы любили с тобою гулять...
... Чуть не с каждой берёзкой часами
Мы беседовать молча могли.
Эту рощу садили мы сами!
Вместе с нами деревья росли...*

Думается, что Мих. Небогатов в своей дальнейшей работе преодолеет лёгкий, бездумный подход к лирике, поймёт, что лирика – один из самых сложных жанров поэзии, требующий наибольшей глубины самовыражения поэта, силы мысли и чувства.

В заключение несколько слов о сатирических стихах М. Небогатова. Обращение поэта к этому жанру, пока что не развитому в нашей поэзии, следует приветствовать. Представленные в книге первые опыты поэта в этом направлении, на мой взгляд, удачны, обнаруживают определённые способности М. Небогатова и в этом жанре. Наиболее острым и жизненно оправданным представляется стихотворение

«Двуличный», изобличающее нередко встречающееся сочетание в некоторых наших работниках чиновничье-хамского отношения к подчинённым с подхалимством и раболепием перед вышестоящими. Любопытны «Баллада о ротозеях» и басня «Оригинальная утка», высмеивающие некоторые отрицательные явления внутрилитературной среды, но хотелось, чтоб поэт направил остриё своего сатирического пера на более широкий круг отрицательных сторон, пережитков и недостатков в нашей жизни.

Вторая книга Мих. Небогатова, при всех её недостатках и «накладных расходах» роста и поисков своего поэтического пути, несомненное свидетельство движения вперёд молодого и способного поэта.

А. СМЕРДОВ.

// Сибирские огни. – 1954. – № 1. – С. 170 – 175.

СТИХИ М. НЕБОГАТОВА

М. Небогатов известен читателям как автор многих стихов о Кузбассе. В 1952 году он опубликовал свою первую книгу «Солнечные дни». Отдельные стихи этой книги привлекали свежестью и талантливостью. За неровностью не установившегося ещё авторского голоса слышались тёплые поэтические интонации. Чувствовалась старательная работа начинающего поэта над стихом, словом, ритмом. В сборнике были видны несомненные возможности будущего развития – и это, пожалуй, главное.

Сейчас вышла вторая книга – «На берегах Томи». Естественно, ждали от неё большего, чем от первой, но, к сожалению, новый сборник стихов явно разочаровывает. Нельзя сказать, что в нём не было хороших стихотворений. Но в целом книга не принесла чего-либо нового по сравнению с первой, не явилась шагом вперёд в творческом развитии М. Небогатова.

В книге есть отдельные удачи. Это в особенности касается раздела «Любимый край». Здесь ощущается непосредственность поэтического чувства, стихи более тщательно отделаны. Автор с любовью пишет о советских людях – шахтёрах, школьниках, рабочих, моряках, учителях... Удачны и отдельные описания природы. Волнуют и запоминаются такие стихи, как «В дороге», «На побывке», «В клубе», «Мать». В них есть главное – искренность, задушевность и живые человеческие характеры.

Но остальные циклы книги значительно бледнее. Так, весьма схематично выглядят стихи, составляющие цикл «Мы за мир». В них нет свежих, живых образов, по-новому увиденных деталей и той тёплой простоты, которая трогает читателя в некоторых лирических стихах М. Небогатова. Почти все из них непростительно растянуты, вялы, лишены публицистической страстности. Очевидно, редактор книги И. Балибалов недостаточно требовательно отнёсся к труду автора, которому необходима была конкретная и квалифицированная помощь. Это в особенности относится к стихам: «На границе», «Во имя жизни», «Под знаменем партии». Большие и важные политические идеи потонули в них среди вороха тусклых слов и штампованных выражений.

*Ещё ни разу не бывало,
Известно каждому из нас,*

Чтоб на кого-нибудь напала

Россия наша в мирный час.

(«Во имя жизни»).

Мысли, конечно, правильные, но выражены они не поэтически. Этот факт ещё раз убедительно говорит о том, что стихи на политическую тему требуют от поэта особенно тщательной работы. Рифмованный перечень внешних примет нашей жизни, сухая статистика событий, отсутствие поэтического темперамента – всё это лишь дискредитирует актуальную, нужную, но плохо прочувствованную автором тему.

Во многих стихах вызывает возражение и сама позиция автора, которую правильнее всего было бы назвать умиленно-созерцательной. Любовь у М. Небогатова нередко оборачивается сентиментальностью. Жизнь зачастую оказывается у него лишённой каких-либо трудностей, конфликтов, столкновений. Недаром все герои стихов, как правило, показываются писателем в моменты побед, достижений, успехов, но того, как герои приходят к этим успехам, читатель не видит. Можно подумать, что жизнь складывается из одних праздников. Вероятно, «теоретически», М. Небогатов и сам понимает необходимость несколько иного угла зрения на жизнь. Это видно, например, из стихотворения «Встреча». Стихотворение это представляет собой размышление автора о задачах поэзии. В нём рассказывается о том, как

Перед шахтёрами со сцены

Поэт стихи свои читал.

После выступления происходит разговор поэта с шахтёром. Шахтёр требует от него:

Ты покажи нам человека,

Пускай живёт в стихах горняк!

Но показать человека во всём многообразии его связей с жизнью, в его трудовой героике, в его горе и радости М. Небогатову не удалось. Все эти недостатки особенно сильно ощутимы в цикле «Лирика». В стихах этого цикла штампованные фразы перемежаются с откровенной пошлостью, например, такой:

Не пустую небесную

Полюбил я красу,

А земную, телесную –

Всю как есть тебя. Всю!

С каждой складкой на платьице

Полюбил навсегда.

Складки завтра же сгладятся,

Образ твой – никогда...

Стихи эти своей дешёвой слащавостью напоминают те «произведения», которые когда-то, до революции, печатались в так называемых «дамских альбомах». Они к тому же крайне подражательны. В них слышатся интонации самых различных поэтов:

Есть стихи, как перезвоны

Серебристого ручья... –

прямое перепевание Фета,

Гляжу в лицо твоё простое,

Что свято вечной красотой, –

Блока,

И берёз безлиственные ветви

В шуме ветра шепчут: – хороша, –

Есенина.

В этих стихах внешне «всё обстоит благополучно»: рифма на месте, размер выдержан... Но они ничего не дают ни уму, ни сердцу.

В сборнике помещена поэма «В родной семье». В ней идёт речь о том, как молодой колхозный парень сделался квалифицированным шахтёром. Самый замысел, безусловно, интересен. Есть отдельные удачные строфы. Но в целом поэма является явно незрелой. В ней нет единой большой идеи, которая могла бы взволновать читателя, нет художественно сильных образов.

Композиционно она очень неслаженна. Вместо поэмы получился монтаж из отдельных стихов, связанных между собою сквозным героем и неким подобием сюжета. В поэме нет жизненных столкновений, в которых могли бы яснее определиться человеческие характеры.

Отсутствие конфликтов автор пытается подменить надуманными ситуациями вроде колебаний Николая относительно вступления в комсомол. Окружающие Николая люди – такие же условные фигуры, как он сам. Председатель колхоза Носков и парторг написаны в самых шаблонных приёмах. Савелий и Мовчан совершенно не запоминаются. Эти герои не участвуют в развитии судьбы центрального персонажа и приспособлены исключительно для иллюстрации авторских соображений. Да и соображения-то эти очень уж общи и не выходят за пределы самых известных истин:

*Работа есть везде работа,
Будь то колхозник,
будь шахтёр.*

М. Небогатову следует серьёзно задуматься над своей дальнейшей творческой работой. Необходимо решительно отказаться от бездумного скольжения по жизни, внимательнее приглядеться к окружающей действительности, требовательнее подходить к своему труду.

А. ПАВЛОВСКИЙ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1954. – 4 июля. – С. 3.

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ*

Критика. Литературоведение

...В качестве второго образца возьмём книжку стихов М. Небогатова «Моим землякам» (Кемерово, 1958). М. Небогатов – поэт несомненного дарования, вырабатывающий свои темы и формы, ещё не всегда цельные, но порой чистого лирического тона. В стихах Небогатова рисуется Кузбасс с его природой, людьми, трудом, революционными преобразованиями, перед которыми всё дальше отступает таёжная глушь.

Язык поэзии, в силу своей эмоциональной сконцентрированности, значительно непосредственнее, чем язык прозы, связан в каждом своём моменте с внутренней темой, её сущностью. Здесь вступают в действие смысловые оттенки языка, зависящие от ритма стихов, от звучания слов, от их особой чуткой связи. Однако и поэтический язык определяется взглядом поэта на мир, который охвачен его поэзией. Есть ли этот

* отрывок из статьи, касающийся творчества М. Небогатова (*Примечание Н. Инякиной*)

органический источник стиля у М. Небогатова?

Не все его стихи равноценны. Некоторые из них написаны «на случай» и определены лишь внешней темой: не всегда она доводится до поэтического оправдания в соответствии со своим действительным весом. Таково, например, стихотворение «Посланник мира» – о первом советском спутнике Земли. Последняя строфа этой вещи «спета» поэтом в игривом ямбе, со смешливым частушечным «иканьем», и по чувству – так, будто речь идёт о лёгком плясовом движении... к Марсу:

*«Не внуки наши и не дети, –
Мы сами с вами наяву
Проложим путь к другим планетам,
На Марс слетаем, как в Москву».*

Такие обороты, как мы сами с вами (почти – «мы сами с усами») и «на Марс слетаем» уместнее было бы в какой-нибудь стихотворной шутке, чем в теме такой значимости, как включение космоса в человеческий мир.

Но можно опустить такие стихи – их в сборнике немного, и не они определяют характер поэзии Небогатова. В дальнейшем будем опираться на те стихотворения поэта, которые представляются органичными его дарованию и не лишены своего поэтического видения.

М. Небогатов – поэт простых чувств, доступных всем «землякам» Кузбасса и обращённых к ним. Поэтому изысканные «образные» наряды, как правило, здесь исключаются. Эта поэзия охватывает мир близких и простых вещей, находящихся в будничном и праздничном обиходе «родного края». Родство с миром «родного края» – а через него просвечивает порой и большой мир советской страны в целом – источник поэзии Небогатова. Этот край богат. Прекрасны его зори и его Томь. В его пейзаж

вписаны терриконы и копры, грузовики на ухабах дорог, дымящиеся заводские трубы по соседству с тайгой, могилы партизан, поливших своей кровью кузбасскую землю, прежде чем она смогла расцвести. Этот край создавался и украшался руками «земляков», людей близких поэту по духу и делам.

Труд советского человека вошёл основным грунтом в картину «родного края».

Чтобы не спутать масштабы и жанры, следует сказать, что содержание великого исторического процесса превращения отчуждённого труда в «свой» труд и отчуждённого от человека мира богатства – в «свой» богатый мир, затронуто в стихах сборника «Моим землякам» преимущественно в объёме малой лирической миниатюры.

В стихах Небогатова много пейзажей, в которых каждая малость – «своя», потому что

*Эту рощу садили мы сами,
Вместе с нами деревья росли.*

В пейзаже возникает Томь, играющая «серебром живым», и «земляки», которые своим трудом помогли ей заиграть в песне:

*Там у станка, забыв про тяжесть век,
Стоит мой сверстник, русский человек,
Простой на вид, ничем не знаменит.
Он вдохновлён работой...*

Из этого вдохновения черпается кое-что и для лирического освещения пейзажей «родного края».

Не случайно Небогатов иногда пытается говорить о превращении труда в песню. Интимное единство поэта с «родным краем», если иметь в виду поэтическое выражение

этой темы, действительно кое в чём сродни народной песне, в которой певец всегда высказывается о вещах общезначимых, окрашивает их народно общезначимым чувством. В языке стихов Небогатова можно было бы поискать и найти непосредственные элементы народнопоэтической речи или близкие к ней: «Тишина такая в поле чистом»..., «По весне расти, крепчать дубкам»..., «Дорога дальняя в поля»...

Иногда встречается здесь перефразировка народнопоэтических оборотов:

Сколько тропок мы здесь исходили...

Только месяц лукавый видал.

Иногда возникает песенный повтор предлога: «**По** росистым, **по** лунным полянкам»..., или народная формула призыва к возлюбленной: «**Выходи** на дорогу **скорей**»... и т. д. И всё же народнопоэтические элементы занимают лишь частичное место в языке стихов Небогатова. Материалы современности и раздумья о ней не всегда умещаются в фольклорную форму. Где уж тут до фольклорности, если в стихи вводится «Весёлый, шумный город мой... с поющей в рупорах Москвой», если годы жизни сравниваются с «километровыми столбами», а в пейзаже поля «Вертолёту неуклюжему подражает стрекоза».

Почему же поэт постоянно ссылается в своих стихах на песню? Слово «песня» мелькает в них со страницы на страницу: «призывно **песня** льётся»..., он «эту **песню** вдалеке услышит»..., «со мной, как **песня**, дума о Сибири»..., «я **песней** звонкой спорил с ветром»... и т. д. Не являются ли эти постоянные ссылки на мотив **песни** лишь слишком лёгкой игрой в условную и – прямо сказать – банальную метафору в том смысле, что песня – это всё, что лирично, всё – что чувство? И действительно, избитая метафора песни слишком уж часто становится у Небогатова всеобщей заместительницей всякой иной поэтической мысли и мешает её дальнейшей выработке. Следовало бы пожелать всем молодым поэтам не убежать в **песню** от смысла.

К чести М. Небогатова: если бы он даже и не ссылался так часто на **песню**, в его стихах всё же можно открыть некоторую основу песенного стиля. Известно, например, что характерной особенностью народной поэтической формы является образное сближение человеческого мира в его бытовом и трудовом обиходе с миром природы, – сближение, поэтически поясняющееся одно другим. В песенной поэтике фольклора мы называем эту форму народнопоэтическим параллелизмом, – его следы, его веяние мы находим в самой композиционной основе многих стихов сборника «Моим землякам». А иногда и сами предметы поэтического параллелизма здесь народно традиционны, например: берёзка – девушка:

Сколько раз берёзка возле прясла

Загоралась жарко на заре,

Сколько раз, прощаясь с солнцем, гасла

На вечерней сумрачной поре.

*Вдруг как будто чудо с ней случилось:
В час, когда заря её зажгла,
Так она листвою засветилась,
Что погаснуть больше не смогла.*

Это – природная часть параллелизма. Смелая метафора негаснущей берёзки, конечно, отнимает от него фольклорную примитивность. Но всё же предметная основа остаётся здесь по-народному простой: берёзка на вечерней заре. Столь же проста и другая часть параллелизма с человеческим содержанием:

*У калитки девушка стоит.
Теребит платок и долгим взглядом
В темноту осеннюю глядит.*

Хотя в дальнейшем в стихотворении происходит свидание с «плечистым пареньком» (притом заметим – комбайнером), природные мотивы не становятся только пейзажным фоном для любовно-бытового сюжета. Берёзка и девушка остаются равнозначными композиционными членами одного образа: обе загорелись на вечерней заре и обе не могут погаснуть, когда заря уже ушла; одну охватывает «вечерняя сумрачная пора», другая глядит «в темноту осеннюю». Начатое в одной части продолжается в другой. И всё стихотворение кончается природным мотивом, как исходным и наиболее сильным – берёзкой:

*Сыплет бусы – чистую росу,
Словно хочет подарить влюблённым
Всю свою последнюю красу.*

Благодаря поэтическому параллелизму смысловый центр стихотворения переносится с поверхности вещей и событий на то, ради чего только и существует народная поэтическая форма, – на красоту человека.

Но здесь встаёт и другой вопрос: насколько склонность поэта к формам песенного лиризма помогает ему охватить современную жизнь «родного края», глубину происходящих в нём преобразований, созидательную энергию его людей? В этом отношении лирической миниатюре Небогатова ещё многого не хватает. Ведь едва ли параллель **берёзка – девушка** можно считать достаточно вместительной для современного содержания. Народно-песенную традицию нельзя канонизировать. Она не всегда достаточна там, где нужен поэтический анализ современности. Незрелость современной темы, невыработанность нужных для неё форм чувствуется даже в неплохих стихотворениях Небогатова «После митинга»: сгрудившиеся у стола советские люди ждут своей очереди подписаться под общенародным призывом к миру на земле. Поэтический параллелизм охватывает и эту картину советского общественного быта и, сопоставляя её с кругом естественно-природных явлений весны, придаёт ей оптимистическую, жизнерадостную энергию:

*А за окном журчат ручьи,
Готовясь к встрече с половодьем.*

Благодаря такому созвучию природы совершающемуся событию поэтически окрашивается само народное самосознание:

Блеснуло солнце из-за туч – *Внезапно яркий тёплый луч*
И всё вокруг залило мигом, *Лёг на бумагу светлым бликом...*

*Стояли мы – к плечу плечом,
Казалось нам: сама природа*

*Всесильным солнечным лучом
Скрепила помыслы народа.*

Но характерно, что в этом случае мотив **помыслов народа**, стоящий в центре стихотворения, остаётся всё же лишь пятном лирического пейзажа: этому мотиву явно не хватает развития, может быть, эпического развития. Эпос народной жизни мало охватывается лирической миниатюрой Небогатова.

Стилевой лад стихов Небогатова не всегда обладает нужной цельностью. Иногда он ломается, допуская в свой строй чуждые ему, инородные речевые элементы. И происходит это чаще всего именно при встрече «наивной» песенной формы с современностью, её людьми, профессиями, техническим обиходом труда.

Вообще говоря, мотивы современного советского города «освоены» в поэзии Небогатова в меньшей мере, чем колхозное село, труд на полях, природа. Сближаясь с людьми труда, эта поэзия порой заполняется оголёнными техническими терминами и словами профессионального жаргона. Описывая труд шофёров на ухабистых дорогах, поэт может сказать: **«ночь буксует напролёт»** (причём неясно, буксует ли ночь, шофёр или грузовая машина) или – **«хоть газуй, хоть не газуй»** и т. д. В картине «родной земли» у Небогатова рядом с чисто песенными **«тихими равнинами»** порой **«бегут составы длинные»** (т. е. поезда), перемещённое из своей технически-речевой среды в песню, теряет живую предметность, становится абстракцией.

Ещё резче эти нарушения там, где в стихах Небогатова появляются вдруг элементы сентиментального романса, вроде «Я б хотел... цветком подснежным расцвести у милых ног» или – «Вечер открыл голубые глаза», «Берёзка в пышной кофточке, в белой юбочке»... В этих случаях поэт теряет как раз то, что является наиболее ценным в сборнике «Моим землякам» – народную основу лиризма. Она утрачивается потому, что «голубые глаза вечера» и подобные обороты романсного имажинизма – это отход не только от просторечия песни, но и от всего жизненного обихода земляков, от народных источников поэтического чувства. Хочется спросить: почему так ломается иногда стилевой строй стихов Небогатова? По-видимому, поэт ищет путей развития «наивной» песенной формы. В этом у него немало удач.

И всё же, несмотря на все эти удачи, известная «наивность» песенной манеры Небогатова («наивность» в том смысле, как она присуща фольклорной поэтике) ощутимо задерживает развитие содержания в его поэзии, ставит ему свои границы.

Наши молодые поэты порой слишком односторонне увлекаются песенной формой, видя в ней иногда лёгкий способ овладения ремеслом поэзии в целом.

Бесспорно, песня является важным жанром советской лирики. Через песню в советскую поэзию проникают неиссякаемые, постоянно развивающиеся животворные токи народного творчества. И всё же песня – это не универсальный и не основной жанр советской поэзии, особенно в наши дни, когда культура советского народа вместе с революционным развитием техники, науки и производства растёт всё ускоряющимися темпами. Простейшие песенные ситуации не всегда могут охватывать большие вопросы действительности. Традиционный песенный приём параллелизмов может порой суживать возможности выражения мысли. Установка на то, чтобы «спеть», может иногда помешать глубокому поэтическому анализу жизни.

Обо всём этом приходится вспоминать при чтении сборника «Моим землякам». Если лучшие стихи Небогатова удачно развивают традиции народнопоэтического творчества, то в это же время многие из них задерживаются на наивном «простомыслии» песни, говоря термином Пушкина. Они задерживаются на этой стадии прежде всего там, где преимущественной формой стихов становится мимолётный «лирический момент», когда жизнь схватывается как бы на лету, – «как ветра свист, как листьев шум». А таков композиционный закон немалого числа стихов Небогатова. В этих случаях само художественное обобщение не выходит порой за пределы длинного «лирического момента», будь то момент пейзажный («Шумит за окнами позёмка», «Ничем не примечательная тропка»...), или будь то момент поэтического чувства, на чём-то бегло остановившегося, чтобы тут же «выпеться» в песне («Заглянул в глаза, – и как в хмелю»). Сложность, богатство, глубина духовной жизни народа в данной форме не могут быть охвачены.

В разделе сборника «Моим землякам», названном «На литературные темы», некоторые вещи свидетельствуют о том, что поэт, по-видимому, сам сознаёт относительную узость культивируемой им формы. Здесь поэт говорит о своих поисках «значительных слов, содержания большого», мысли («Где труд кипит, подобно бою, родится столько чувств и дум!»). Поиски ведутся, таким образом, на плодотворном пути. Конечно, ценность песенного «просторечия» сохранится для поэта и в дальнейшем, но уже в кругу более глубоко развитого содержания.

Как известно, великие русские поэты Пушкин, Лермонтов, Некрасов широко черпали из народного творчества, из поэтики, созданной народным сознанием, но они не останавливались на уровне «простомыслия» этой поэтики, а поднимали её элементы до выражения больших общественно-философских проблем своей современности. Так создавалась **большая русская эстетика**. Пусть она поможет и молодым поэтам Кузбасса.

В. БЛЮМЕНФЕЛЬД.

// Огни Кузбасса. – 1959. – № 12. – С. 95 – 97.

ПОЭЗИЯ КРАЯ МОЛОДОСТИ*

Решения июньского Пленума

ЦК КПСС – в жизнь!

Итак, Пленум ЦК КПСС позади. Впереди – океан работы по претворению в жизнь его решений. Пленум не был посвящён специально проблемам литературы и искусства. Но почти каждый из выступавших в той или иной мере касался этого вопроса. Да разве и могло быть иначе?

Литература и искусство – важнейший участок идеологического фронта. Поэтому-то на Пленуме и состоялся такой исключительно плодотворный, принципиальный разговор о состоянии и перспективах развития советского искусства. Всё это – ещё одно неопровержимое свидетельство неуклонного возрастания по мере нашего продвижения вперёд роли литературы и искусства в

* – строки о Михаиле Небогатове выделены в статье жирным курсивом (Примечание Н. Инякиной)

коммунистическом воспитании человека.

Характернейшей особенностью культурной жизни страны на современном этапе развёрнутого строительства коммунизма является то, что в орбиту так называемой «большой» литературы всё больше и больше входят имена литераторов самых отдалённых уголков нашей необъятной Родины. Не удивительно поэтому, что разговор о задачах литературы и искусства, состоявшийся на Пленуме, имеет самое непосредственное отношение и к поэзии Кузбасса, которая представляет собой пусть небольшую, весьма скромную, но органическую частицу поэзии советской.

В жизни Кузбасса последнее десятилетие занимает особенно выдающееся место. Колоссальные и воистину обновляющие лицо края и душу человека сдвиги произошли за эти годы на земле Кузнецкой. Если мыслить масштабно, исторически, то окажется, что Кузбасс ещё очень и очень молод.

Ясно, что Кузбасс ещё не успел создать своих прочных традиций – таких, как на Смоленщине, на Дону, или у нашего доброго соседа – в Новосибирске. Но они уже создаются. Создаются на наших глазах.

Край шахт и каменного угля, металлургии и железных рудников, химии и золотых приисков, край охоты и таёжной глуши, буйных трав и горных рек, на территории которого могло бы свободно уместиться иное европейское государство, нетерпеливо ждёт своих художников и певцов. Неиссякаемый кладёзь увлекательнейших тем, замечательных трудовых подвигов, вдохновенного творческого дерзания – вот чем является Кузбасс для наших поэтов. Это о нём, выражая чувства многих читателей и поэтов, писал Г. Молостнов в стихотворении «Любимый край»:

*Кузнецкий край,
Тебя не встретить краше,
Ты весь в огнях,
В строительных лесах,
Кузнецкий край –
Родное сердце наше –
Ты, как солдат,
Бессменный, – на часах.*

Экономическим и культурным достижениям последнего десятилетия сопутствовали и значительные успехи в творческой жизни кузбасских литераторов. Лет тридцать – сорок назад принято было говорить (в том числе, и применительно к нашему краю) о так называемой областнической литературе. Сейчас это понятие давно уже устарело и кануло в прошлое. И, пожалуй, больше уже по привычке, по терминологической инерции мы говорим и пишем сейчас о «кузбасской» литературе.

Да, обособленной или идейно и художественно «не доросшей» до союзного уровня кузбасской прозы и поэзии не существует. Как и всюду, здесь есть поэты, бесспорно, талантливые, известные читателям не только в Кузбассе. Есть одарённые литераторы и среди начинающей молодёжи. Есть писатели менее талантливые. Есть, наконец, и совсем бесталаные, тщетно пытающиеся вдохнуть живительную душу поэзии в свои ремесленнические поделки, те, в чьих стихах «труд машинистки налицо, труда же автора не видно». Это о таких, с позволения сказать, поэтах писал В. Матвеев в своих иронических стихах:

*Из двух бездарностей талантливее тот,
Кто первым музе даст расчёт.*

Передо мной – довольно внушительная стопка поэтических и прозаических сборников, выпущенных в свет Областным книжным издательством за последнее десятилетие – преимущественно после XX съезда КПСС. Их авторы – Е. Буравлёв, В. Измайлов, А. Волошин, Г. Молостнов, В. Махалов, **М. Небогатов**, В. Ворошилов, В. Матвеев, В. Баянов, В. Рудин. Многие из них уже не «новобранцы» в литературе. Некоторые только вступают на поэтическую тропу. Но у каждого из них своя жизненная и литературная биография, в большинстве случаев связанная с Кузбассом.

*Кто свой в окрестностях Тайги,
Кто в областном масштабе знатный,
А кто попал в журнал печатный –
На всю Сибирь пошли круги, –*

как полусерьёзно-полушутливо заметил Е. Буравлёв в поэме «Красная горка». А ведь и в самом деле! В Новосибирске и Москве издаются романы Г. Молостнова и А. Волошина. В центральной прессе – газетах и журналах – время от времени появляются очерки и рассказы Г. Немченко и Г. Емельянова, сатирические миниатюры В. Матвеева, стихи Е. Буравлёва... Некоторых литераторов с довольно солидным стажем начинает догонять и подгонять молодая поэтическая поросль.

Перечитывая книгу за книгой, просматривая подшивки газет последнего времени и комплекты «Сибирских огней», сравнивая сборники начала и конца 50-х годов, воочию убеждаешься, насколько далеко вперёд (хотя, быть может, и не в такой мере, как этого хотелось бы) шагнула в целом поэзия Кузбасса. Наши поэты стали ближе к жизни, начали смелее вторгаться в современность. Появилось стремление к углубленно-философскому осмыслению явлений действительности. Последние стихи В. Измайлова, Г. Молостнова, В. Махалова и некоторых других убеждают нас в этом. Стало меньше декларативности и иллюстративности. Расцвели лирические жанры. Громче зазвучали эпические тенденции. Поэма «Красная горка» Е. Буравлёва, при всех её частных погрешностях, представляется мне явлением принципиального значения в кузбасской поэзии. Пора нашим поэтам братья за большие полотна! Хотелось бы верить, что новая поэма Е. Буравлёва «Первая плавка» окажется дальнейшим шагом вперёд в его творчестве. Наконец, газеты стали требовательнее к поэтической продукции, а сама поэзия – более зрелой в идейном и художественном отношении – по глубине мысли и уровню мастерства. Кузбасс поэтический расправляет крылья и «взрослеет» на глазах.

Прошло не так уж много времени после мартовской встречи руководителей партии и правительства с деятелями искусства. Литераторы Кузбасса единодушно и горячо поддержали – в выступлениях по радио, в газетах, в своих стихах – слово партии, увидев в нём новое проявление заботы о путях развития советского искусства. Кузбасской поэзии в основном оказались чуждыми те идейные и формалистические выверты, за которые сурово критиковались некоторые литераторы на Пленуме: голый субъективизм, погоня за литературной модой, словесное школярство, ложное понимание мастерства... **Ещё несколько лет назад М. Небогатов остроумно высмеял одно из подобных поветрий в поэзии:**

*Порой бывает даже модно
Хвалить новаторство того,
Кто пишет, так сказать,
«свободно»,*

Причём свободно... от всего:

Что верно, то верно!

Однако есть в современной кузбасской поэзии и такие тенденции, которые не могут нас не настораживать. Эти тенденции должны находить самое решительное и бескомпромиссное осуждение, ибо они тормозят дальнейшее плодотворное развитие поэзии, сковывают ум, чувства, фантазию поэтов, уводят их в сторону от решения актуальнейших задач коммунистического строительства. Разве не может не вызывать у читателей законной тревоги положение с политической лирикой? Она звучит сейчас в творчестве кузбасских поэтов приглушённо и почти совсем исчезла со страниц газет и поэтических сборников. Шараханье в другую крайность – как реакция на засилье псевдополитической лирики в годы культа личности – наносит непоправимый ущерб развитию поэтической публицистики в Кузбассе. Тонус гражданственности занижен в творчестве отдельных поэтов. Всё это – свидетельство явного неблагополучия в данной области. В большом долгу поэты и перед молодёжью, женщинами, всеми трудящимися Кузбасса. Этот долг они оплачивают ещё далеко не полностью. Вот почему на состоявшемся недавно областном совещании творческих работников поэтам был предъявлен серьёзный счёт. Нужно его оплачивать полновесным поэтическим золотом! Поэты Кузбасса хорошо осознают и понимают свою ответственность перед временем, перед народом-тружеником. И это – верный залог их будущих творческих успехов, завоеваний и побед.

Настоящая поэзия всегда начинается с большого душевного беспокойства за человека и требует от автора полной самоотдачи. Лирика – это, так сказать, поэзия «внутреннего сгорания», своеобразный поэтический аккумулятор душевной энергии автора. Она всегда в наступлении, в поиске, в борьбе. Мы часто любим повторять слова о том, что боремся за коммунизм, но не всегда задумываемся над их смыслом. Боремся! Вот именно – боремся, а не катим в комфортабельном автобусе по заасфальтированной дороге, распевая ликующие песни. Поэтому мы хотим видеть в поэзии не идиллические картинки, а правдивое отражение бурного кипения и яркие отсветы нашей борьбы, тот накал мыслей и чувств, который по плечу человеку – борцу – герою нашего времени!

Пожалуй, лучше и глубже других понимает и чувствует это Е. Буравлёв. Его лирика окрылена благородным пафосом гражданственности, придающим ей подчёркнуто современное звучание. «Народ бои ведёт за коммунизм!» – провозглашает поэт. И эти слова – не декларация, не отписка, не реверанс в сторону сражающегося народа. Ибо это и его, Е. Буравлёва, бои, его борьба, его жизнь.

*Нет, никогда я не жалел,
Что изо всех дорог
Я выбрал ту, где больше дел,
Где под дождями мок,*

пишет он.

*От содержания большого,
От человечности живой,
От поэтического слова
И от грамматики простой.*

*Где труден путь, как перевал,
Где люди хороши,
И если б снова выбирал,
То выбрал бы Южсиб, –*

Поэт биографически и духовно сроднился с теми, о ком говорит. Это делает его стихи подкупающе правдивыми и достоверными. В них – ветер трудных и непроторённых дорог. В них – романтика подвига первооткрывателей. В них – острое ощущение величия и напряжённости наших будней, пафос борьбы за утверждение коммунистических начал в жизни. Поэту чужды в равной мере и бездумное бодрчество, и самоуспокоенность. О чём бы ни писал Е. Буравлёв – о войне, Заполярье, Южсибе, о геологах-кладоискателях, строителях-мостовиках или о тех, кто «на обочине» – всегда он суров, почти по-воински сдержан и мужествен, порой ироничен. Его лучшие стихи (а их у поэта немало) полны активной наступательности и энергии. И лишь там, где он последнее время – неизвестно почему – «притормаживает» лиризм своего поэтического восприятия мира (а сила его дарования именно в лиричности) и начинает ориентироваться на воссоздание внешнего правдоподобия жизни, стремясь к фактографии, – огонь поэзии ослабевает, порой гаснет совсем. Но в целом «школа» Твардовского была для Е. Буравлёва хорошей поэтической школой.

Эстетическое кредо, манифест Е. Буравлёва – стихотворение «Наше кровное дело». Это слово о рядовых – рядовых армий, строек, поэзии. К ним причисляет поэт и себя. По его глубокому убеждению, их высшее назначение – «претворять в жизнь наших планов громаду», быть творцами «живой панорамы» жизни – «огромной картины в полсвета». Есть в этой картине и яркие образы, и искусная расцветка, и беспредельная ширь, и ясная перспектива, и смелость композиции. «Хорошо!» – восклицает поэт. Но есть и «недоделки-мазки» в этом «полотнище с грунтом из собственной крови и пота, из гроз лихолетий»:

*Значит, мы
за ошибки
у будущей нови
и собственной совести
нынче в ответе.*

Такова позиция поэта. Это – позиция творца, а не благодушного созерцателя.

Борьба всегда содержит в себе элемент напряжённости, зерно драматизма. Наибольшей известностью, признанием современников и потомков пользуются, как правило, остро конфликтные поэтические произведения. При этом драматизм отнюдь не исключает оптимизма. Советская поэзия всегда была оптимистической, ибо наш человек уверен в будущем и своими руками строит его. Е. Буравлёв хорошо выразил это мироощущение советского народа: «пусть мир наш не совсем ещё устроен, но будет светлым – дайте срок!». Драматическое начало в поэзии разнообразно по своему характеру, всегда индивидуально неповторимо. Попробуйте-ка привести к одному знаменателю такие «хорошие и разные» в своём драматизме стихи, как «Девочка в саду» и «Дерево пело» В. Измайлова, «Я вам жить завещаю» Е. Буравлёва, «Незабываемое» и «Современники» (памяти Н. Устиновича) Г. Молостнова, «Бабье лето» и «Мальчишки плачут редко» В. Баянова, «Незаметно дни идут за днями» М. Небогатова.

Драматизмом высокого накала озарено, например, и стихотворение В. Махалова «Разное бабы бают». За небольшим по своим размерам лирическим произведением встаёт большой и сложный мир с его противоречиями и невзгодами. Два чувства

сталкиваются в суровом поединке – гневное, страстное осуждение тупых и неумных насмешек над детьми, «родившимися без спроса, случайными, некрещёнными, к большой беде причащёнными» и чувство гордости за настоящую и святую любовь женщины:

*«Я этой любви обязан
Жизнью своей и кровью,
И я не прощал ни разу
Насмешек над этой любовью.
Я не прощал,
И не буду!
Я знаю, как ранит слово,
И пусть простят меня люди
За эту мою суровость».*

Хорошее, умное, искреннее стихотворение! Здесь мысль поэта стала чувством, а чувство – мыслью. Да, не всякий факт становится явлением поэзии, а лишь тот, что пережит сердцем. Подлинность переживаний – важнейшее достоинство и в то же время неизменное условие настоящей поэзии.

Писать без повода, имитировать чувства, делая вид, что «загорелся» темой, – лучше не писать вовсе, лучше помолчать. Поэтому вдвойне обидно, когда среди стихов В. Махалова последнего времени наряду с хорошими и сильными встречаешь немало таких, которые написаны без большого внутреннего побуждения, не на полную мощь, а вполнакала. Вместо горячих и взволнованных откликов на злободневные события нашей современности – локальность тематики, холодновато-описательные стихи, чрезмерная отвлечённость или приглаженная и припомаженная гладкопись, или манерность. И, невольно вздыхая, вспоминаешь всё ту же азбучную истину: поэтическая ценность лирического произведения определяется в первую очередь силой, глубиной, свежестью, искренностью мыслей и чувств, вложенных в него.

Две опасности подстерегают поэтов на их пути. Первая – бездумная созерцательность и декларативность (т. е., по сути дела, бесконфликтность). Её было много в поэзии периода культа личности. Но она, к сожалению, есть ещё и сейчас. А поэзия должна быть беспокойной!

М. Небогатов – поэт своеобразного песенно-лирического дарования, влюблённый в «родные края» и кровно сроднившийся с ними. Его муза имеет ярко выраженную кузбасскую прописку. Поэтические зарисовки сибирской природы, образы земляков – людей труда, жителей кузбасских сёл и городов, размышления о назначении поэзии – всё это раскрывается М. Небогатовым преимущественно в русле народнопоэтической речи, немного бесхитростной, несколько простонародной и напевной.

Помните его «Русский поклон»? В основу стихотворения положен, казалось бы, самый незатейливый сюжет – встреча поэта в деревне со стариком, снявшим картуз перед ним («А я с ним в жизни не встречался. Впервые вижу старика. Наверно, принял за начальство или в подпитии слегка»), затем со старухой, почтительно поклонившейся встречному человеку («Мол, кто б ты ни был, человеку, живи и здравствуй...»). И вот с непринуждённой естественностью, как

бы само собой, из этого обыденного факта кристаллизуется единое поэтическое чувство – мысль:

*Запомнив их простые лица,
Я шёл и сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться
Обоим им обязан был?»
Тут не приличие, не мода,
А чуткость вместе с добротой –
Душа российского народа,
Его характер золотой.*

Лирический герой небогатских стихов чаще всего находится в гармонии с окружающим его миром. И в этом, конечно, нет ничего предосудительного. Хорошо, что у поэта есть яркие и интересные лирические зарисовки подобного плана.

Но всё дело в том, что у М. Небогатова (это в своё время уже отмечалось критикой) «наивно»–песенная, «простонародная» форма его поэзии оказывается в наши дни слишком односторонней и узкой. Она не может вобрать в себя жизнь во всей её сложности и противоречивости. Неудивительно, что конфликтность в лирике М. Небогатова сильно приглушена. И это ограничивает его поэтические возможности – стихам не хватает глубины, остроты, больших художественных обобщений. Слишком уж много в них «тишии, глади, да божьей благодати»! Впрочем, этот недостаток присущ не только М. Небогатову. Созерцательность поэзии и рождённая на этой почве описательность – беда многих стихотворений и журналиста Г. Юрова – человека, бесспорно, одарённого.

«У сердца – чудесное свойство: гореть, не пугаясь огня», – пишет М. Небогатов. Да, это, действительно, так: «едва ли ты найдёшь в своём блокноте, чего ты прежде в сердце не нашёл!». Но одного этого мало для настоящей поэзии. Нужно, как говорил А. Довженко, не только поднять факт жизни до уровня сердца, но и сердце своё нести высоко. Вот тогда не будет ни мелочности чувств, ни пассивности мысли – болезни, широко распространённой среди некоторых наших литераторов. Это понимает М. Небогатов. Он много и упорно работает над своими стихами, веря в то, что ещё скажет своё «значительное слово»:

*Быть может, зря ищу его я снова?
Нет, есть оно! Недаром же в груди
Всегда живёт такое ощущение,
Что не в былом, а где-то впереди
Мой лучший стих, всей жизни откровенье.*

Мы, читатели, тоже хотели бы верить в это.

Вторая опасность, подстерегающая поэтов на пути к «лучшему стиху», – ложная, надуманная конфликтность. Это и преднамеренное сгущение красок, брюзгливое очернительство нашей действительности, и «высасывание» конфликта «из пальца», т. е. его искусственность. Первое – самоочевидно, и о нём не стоит говорить. Второе требует пояснения. Один пример. У В. Измайлова есть стихотворение «Насчёт дыма». Казалось бы, всё в нём налицо, но вот прочитано стихотворение – и видишь: нет в нём

главного – правды жизни, естественности исходной позиции. Оно задано, придумано, шито белыми нитками. А заданность всегда рождает ощущение поэтической фальши: нет, не веришь поэту, восторгающемуся красотой дымов над коксохимом («Верно, красиво очень, как в облаке дыма закат сгорает?»)! Надуманность конфликта органически связана с примитивностью, убогостью основной идеи: «Простите, конечно... Но в этом дыму ни красоты, ни поэзии нет». Какое уж тут поэтическое открытие!

Приятно и радостно отметить, что за последнее время наметился подъём в поэтическом творчестве В. Измайлова. Преодолевая декларативность, иллюстративность и описательность, В. Измайлов шагнул к большой и настоящей поэзии. Он человечно и искренне, «во весь голос» заговорил о сложных вопросах бытия, о настоящих чувствах, больших раздумьях, славных делах человеческих рук. Подлинный драматизм и правда жизни торжествуют теперь в его лучших произведениях.

Только упорный и повседневный труд над каждым стихом и каждым словом может даровать поэту большое человеческое счастье – утолить жажду тысяч и тысяч своих современников чистой и по-родниковому свежей «строчкой для души».

А. МИКЕШИН,

кандидат филологических наук,

г. Кемерово // *Комсомолец*

Кузбасса. – 1963. – 10 июля. – С. 3.

ПО РОДНЫМ ПРОСЁЛКАМ

Поэт читает поэта

Совсем недавно в Кемеровском книжном издательстве вышла книга лирических стихотворений Михаила Небогатова «Родные просёлки».

Прочитав её, нельзя не поделиться отрадным впечатлением. И дело тут вот в чём. У нас ещё не перевелись поэты, отдающие много сил и таланта чисто формальной стороне стиха. Погоня за необычной рифмой, образом рыхлит, затуманивает содержание, уводит от художественной и исторической правды. За сложными хитросплетениями редко различишь истинное лицо поэта, его симпатии и антипатии, его целеустремлённость. А вот за книгой «Родные просёлки» стоит поэт удивительно честной и чистой души, большой искренности и скромности, с незамутнённым восприятием жизни. Чуткий и приветливый, он легко ведёт за собой читателя. Его стихи – восхищение красотой и поэзией мира и его создателем – человеком. У М. Небогатова в практике нет случая, чтоб стихотворение било, точно тараном, острым и, как часто бывает, продуманным сюжетом. В его стихах всё естественно, как дыхание. Нет чрезмерного нагромождения усложнённых образов. В чётких и прозрачных стихах они мешали бы, как камни на дороге. Ничто не ускользает от зоркого взгляда поэта. Он видит, как идущего «ель зелёной лапой хватает за вихор» и как «паровоза кудрявая чёлка висит над трубой». Отбираются скупые, единственные слова.

Думы, переживания поэта переданы через картины и явления родной природы. Это тоже не случайно, ибо во всём здесь – прямота, безоблачность. Мысль широка, ассоциативна («Луна», «В разлив», «Прощание с детством»). Хорошо сделано

стихотворение «Родные просёлки», отчасти давшее название сборнику, – раздумчивое, ёмкое.

Много говорит о далёком забытом времени четверостишие:

*В глухое время, в дни невзгод,
С мечтой о светлых куцах рая,
Гудел печально крестный ход,
Хмельному попику внимая.*

Поэт всегда находит удачный и нужный поворот, глубокое философское обобщение. Он беседует с читателем просто, не навязчиво, стихи хорошо воспринимаются детьми, без их вторичного смысла – просто, как правдивые и живые картины родной природы. Берёзы и тополя, разливы и закаты – *«всё такое родное, русское, без чего не прожить и дня»*. Это близко и дорого всем, ведь за этим стоит большое и светлое – Родина.

Но стихи были бы менее ценны, если бы в них не чувствовалось постоянной тревоги и заботы о главном – о человеке. «Ненастье», «Колосок», «Дом в роще» – это стихи о людях. Даже любясь закатом, поэт ни на миг не забывает о человеке.

*Вдали закат пылает
И он не скажет мне,
Чья радость догорает
В сухом его огне.*

Или: *«точно чьи-то мечты и надежды, с тополей облетает листва»*. Многие стихи («Нынче осень на редкость хорошая», «Льётся с неба последняя ласка») привлекают плавными песенными зачинами, проникновенным звучанием. А в стихотворении «В полдень синяя...» ещё более отчётлив характерный песенный рефрен.

Творчество М. Небогатова роднится с народной поэзией, крепко связано с традициями русской классической поэзии. Пристальное внимание к классикам всегда даёт отрядный результат в работе поэта над словом, образом. «Греет кровь мою лёгкий мороз», – писал когда-то один большой русский поэт. У М. Небогатова зима *«зажгла костры мороза»* – тот же образ, но по-своему, творчески разработанный и углубленный.

Хорошую книжку подарил нам М. Небогатов. Даже хочется не замечать декларативности и сухости некоторых стихов и блёклости красок – всё это поправимое, изживное. О том красноречиво говорят лучшие стихи сборника – поэтичного, наводящего на серьёзные раздумья, приглашающего от чистого сердца восхищаться человеком и земной красотой.

В. БАЯНОВ.

г. Кемерово. // Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 22 декабря. – С. 3.

«ЕСЛИ СЕРДЦЕ ЛЮБОВЬЮ СОГРЕТО...»

ПОЭТУ Михаилу НЕБОГАТОВУ – 50 ЛЕТ

*Синий полдень. Как в зеркале, в нём
Вижу тропки далёкого детства.*

*...В переулке бревенчатый дом
И лесок на горе по соседству.*

Да, всё это было. Был город Гурьевск, был бревенчатый дом с потемневшей от дождей и ветров тесовой крышей, где провёл своё детство кузбасский поэт Михаил Небогатов. А рядом – прозрачная речка Бачаты. И ещё было настоящее чудо! – лесок на горе, в котором стройные сосны, источавшие в знойный день смоляной аромат, тянулись к небу; подстать им были и темнохвойные остроголовые ели, и настоящим праздничным хороводом кружились вокруг них по-девичьи нежные берёзы. Многие поэты вынесли из детства неувядающую любовь к русской природе. И Небогатов из их числа. А ещё стихи, что читала его мать Клавдия Степановна своим детям по вечерам, тоже сыграли не последнюю роль в формировании его духовных интересов. «Думаю, что любовь к литературе и, в частности, к поэзии была привита мне именно ею, моей матерью», – говорит Михаил Александрович. Детство завершилось попытками писать стихи.

В 1937 году семья переезжает в Кемерово. Михаилу пришлось бросить учение и поступить на работу. Молодой техник-инвентаризатор ходил по заросшим травой-муравой городским улицам, оценивал домики, набрасывал их планы, замерял площади огородов и никак не думал, что поэзия когда-нибудь станет для него главным делом жизни. Писал стихи дилетантски слабые, они были на «злобу дня», газеты брали их охотно, но и жили они ничуть не больше, чем сама эта «злоба».

В апреле 1941 года Небогатов был призван в армию, а в июне началась война. Воевал, как положено солдату, был дважды ранен. В память о войне остались орден Красной Звезды и несколько медалей.

На фронте Михаил Александрович написал всего несколько стихотворений. Наверное, настолько сильным было потрясение при виде глумления сил зла над человеческой жизнью и жизнью природы, что рассказывать стихами об этом он не мог, да и в послевоенной поэзии Небогатова редко найдёшь фронтовые эпизоды. В большинстве случаев это короткий рассказ о солдатской дружбе, о трудных дорогах, которые пройдены, о взаимной выручке. Как правило, в этих стихах всегда найдёшь доброе слово о задумчивой русской природе. Ненавязчиво, органически вводя пейзаж в повествование о фронтовой жизни, автор делает свою мысль предельно ясной: смотри, человек, какую прекрасную землю мы отстаивали!

После демобилизации вернулся в Кузбасс, и тут чаще стали появляться его стихи в областной газете, на радио, а в 1952 году выходит первый поэтический сборник «Солнечные дни». Просматривая его сейчас, особенно отчётливо видишь и сильные, и слабые стороны. Некоторые из стихов устарели, другие – дидактичны, в третьих нет той тщательной отработки фраз, которая присуща поэту сегодня. Но уже в этом сборнике просматривалось то, что со временем станет сильной стороной творчества поэта, – большая любовь поэта к своему краю.

А затем вышли в свет сборники стихов «На берегах Томи» (1953 год), «Юным друзьям» (1957 год), «Моим землякам» (1958 год). Крепнет голос поэта, проще, задушевнее, мягче становится его разговор с читателем:

Друзья! Вам дорог край родимый?

И я люблю Сибирь свою!..

Всё тоньше, одухотворённее краски пейзажа:

До жилья осталось недалёко.

Ночь вздыхает, звёздами пыля...

В чуткой дрёме, осенью глубокой

Ты мила мне, русская земля.

О сборнике «Моим землякам» крупнейший советский поэт Александр Твардовский писал автору: «Книжка производит очень симпатичное впечатление».

Михаил Небогатов много и упорно работает в эти годы, поддерживает связь с новосибирскими литераторами: Казимиром Лисовским, Саввой Кожевниковым, Александром Смердовым. Его стихи печатаются в областных газетах, в «Комсомольской правде», «Гудке», «Литературной газете», в журналах «Сибирские огни», «Советский шахтёр», «Крестьянка», «Крокодил».

Следующий сборник «Лирика» (1961 год) сконцентрировал всё лучшее, что написал поэт. В нём много стихов о природе. Поэт хочет, чтобы люди познавали всё богатство её звуков, красок, запахов, делались щедрее сердцем, добрее друг с другом. У Небогатова пейзаж всегда органически связан с человеком, его ощущениями, радостями и болями, с его деятельностью.

В 1962 году Михаил Александрович был принят в Союз советских писателей. Следующие его сборники – «Родные просёлки» (1963 год), «Майский снег» (1966 год), «Свет в окне» (1969 год) укрепили мнение о нём, как об одном из интереснейших поэтов Кузбасса. Как и прежде, главная тема творчества – любовь к родному краю. Всё более отточенной становится рифма, всё красочнее, народнее и богаче язык. И сегодня Михаил Александрович много и упорно работает. Готовит новый сборник «Золотая осень», где впервые широко будут представлены не только лучшие лирические строки, но и переводы стихов шорского поэта Степана Семёновича Торбокова. В разделе сатиры и юмора читатели найдут басни, пародии, юморески. Уже несколько лет Михаил Александрович руководит факультетом молодого литератора в газете «Комсомолец Кузбасса».

Так пусть же не иссякает его поэтический родник! Уверены, что поэт ещё много-много раз порадует любителей поэзии своими сердечно простыми, как русская природа, и добрыми, как русская душа, стихами.

**А. БОРИСОВ,
В. ЗУЛИН.**

* * *

Р О В Е С Н И К А М

Друзья мои в любой далёкой дали,
Ровесники, я с вами говорю!..
Когда мы свет впервые увидали,
Четыре года было Октябрю.
Качались в зыбке, бегали босые.
И ведать мы не ведали о том,
Что было счастьем – жизнь начать
В России,
Уже идущей ленинским путём.
Казалось, мир, где радио звучало,
Где на стене поблёскивал клинок,
Всегда таким был, с самого начала,

Что быть другим каким-то он не мог.
Мы пили сок берёзовый. Взрослели.
И постигали сущность Октября...
Как дорог стал будённовец в шинели,
Тот, на цветной страничке букваря!
С каким вниманьем в пристальной
прищурке
Смотрели мы при ламповом огне
На комиссара в кожаной тужурке
И на Чапая в бурке,
На коне!
Мы открывали заново впервые

Соседа, брата, дядю и отца –
Ведь вот они, участники живые
Недавних битв у Зимнего дворца...
Гоня мяч на школьном стадионе,
Мы походить мечтали на того,
Кто был готов к труду и обороне,
Носил значок спортивный ГТО.
Мы шли в мечтах на подвиг,
Самый дерзкий,
Мы торопили бег горячих лет,
Чтоб снять скорее галстук пионерский
И комсомольский получить билет.
А старый мир увидели мы скоро,
Он, недобитый, рядом где-то был:
Взрывал завод, сжигал живьем
селькора,
В декабрьский вечер
Кирова убил...
Но рос Октябрь
Магниткой, Кузнецкстроем,
Колхозной рожью в поле шелестел,

Нам с детства помнятся плакаты.
Их смысл донине сердцу люб:
Желтеет рожь, белеют хаты,
А рядом – строй высоких труб.
Двух человек на синем фоне
Нам облик с давних лет знаком:
Один – в глухом комбинезоне,
Другой – в рубашке с пояском.
Стоят с улыбкой, словно братья,
Ударник поля и станка.
И говорит рукопожатье
О том, как дружба их крепка...
Когда в цехах, в железной стуже
Скудел паёк, то сельский брат
Сам пояс стягивал потуже,
Помочь рабочему был рад.

На поле пала тень,
Как дума на чело:
Что значит этот день,
Что есть добро и зло?
Зачем ращу траву,

На самолёте с Чкаловым-героем
Октябрьский гром в Америку летел!
...Друзья мои! По светлому раздолью
Мы шли навстречу юности своей,
Но вместо песен выпало на долю
Услышать нам раскаты батарей.
И мы, юнцы, винтовки в руки взяли.
Как не гордиться, вспомнив этот час,
Что Октябрю верны мы –
Доказали
Своею кровью многие из нас.
И не по их ли славному примеру,
Тех, возле дзотов падавших солдат,
Шёл открывать космическую эру
Гагарин наш, любимый младший брат?..
Нет, не погаснуть ленинскому стягу,
Пока под солнцем жизни колея.
Идут года...
Военную присягу
Уж принимают наши сыновья...

В метели, в лютые морозы,
Чтоб лучше городу жилось,
Везли скрипучие обозы
Что по сусекам наскреблось.
В ответ – просёлком или трактором,
И сердце радуя, и глаз,
Спешил в деревню новый трактор –
Подарок слал рабочий класс...
Цвести хлебам, шуметь машинам,
Бежать тропинкам на культстан.
Уж сколько лет в строю едином
Рабочий класс и класс крестьян!
Один рассвет, лучист и молод,
В высотном доме и в избе,
Как рук пожатье – серп и молот
На государственном гербе.

Что никнет под косой?
Зачем дышу, живу
Под солнцем и росой?
...И снова – синева
И яркий блеск в ответ:

Чтоб новая трава
Могла увидеть свет,
Чтоб дождь над ней блестел,
Как искорки в очах,
Чтоб жаворонок пел

В живительных лучах,
Чтоб кто-то здесь прошёл,
Весь мир обнять готов,
И под гуденье пчёл
Нарвал букет цветов!

// Кузбасс. – 1971. – 3 октября. – С. 4.

ОСОБОЕ РОДСТВО С ЗЕМЛЁЙ.

КУЗБАССКАЯ ПОЭЗИЯ. 1972 год.

*Недавно в Кемеровской писательской организации прошло собрание, на котором обсуждались итоги 1972 литературного года. Год был плодотворным как для прозаиков, так и для поэтов. Обзор пяти стихотворных сборников, сделанный поэтом Геннадием Юровым и одобренный участниками собрания, стал основой статьи, которую мы предлагаем сегодня вашему вниманию.**

...Многое роднит Виктора Баянова с поэтом более старшего поколения – Михаилом Небогатовым, который в минувшем году представил на суд читателя новую книгу «СПАСИБО СЕНТЯБРЮ».

Корни творчества Небогатова там же – в сельской родной природе. Отличает его пристальное внимание к мелочам быта, умение видеть за обычным фактом целую систему общественно значимых явлений. Причём ассоциации поэта очень светлые, построенные по принципам красоты и добра.

Стихам Михаила Небогатова свойственно философское раздумье, поэтический подтекст. Вершиной сборника, наибольшей удачей я считаю такие строки:

**Есть видимость цветения,
А поглядишь на свет,
Красивое растение –
Обычный пустоцвет.
Есть видимость поэзии,
Но острый вкус, как нож,
Разрежет строчки резвые –
И в них проступит ложь.**

**Есть зло, добру подобное,
Но время лоск сотрёт,
Покажет только злобное,
Когда придёт черёд.
И есть добро, похожее
На зло, но жизнь и там
Проявит всё хорошее,
Расставит по местам.**

На мой взгляд, «Спасибо сентябрю» проигрывает в сравнении с предыдущим сборником поэта «Свет в окне». На этот раз недостаточно взыскательно подобраны некоторые стихотворения, открывающие книгу. Разрушает цельное впечатление и обилие переводов, эпиграмм, пародий, которые выглядят довеском, органически не связанным с главными мотивами сборника.

Геннадий ЮРОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 27 января. – С. 3.

* – отрывок из статьи, непосредственно касающийся творчества Михаила Небогатова (Примечание Н. Инякиной)

ВЕРНОСТЬ РОДНОМУ СЛОВУ

Штрихи к творческому портрету

Какие бы новые имена ни появились за последние годы на ниве поэзии родного края, право этого поэта на наше искреннее, доброе внимание к нему, к его творчеству остаётся неоспоримым. И, очевидно, не потому, что М. А. Небогатов является литературным старожилом (вместе с ним начинали и некоторые другие авторы, теперь надёжно забытые), а потому, что он доказывал непрерывным трудом, верностью раз избранному призванию, что он лирик по сути, что не мыслит себя вне кузбасской земли, её замечательных людей, героических и трудовых традиций.

Упрёки критиков в недостаточном внимании поэтов к темам гражданского звучания, в преобладании набившего оскомину интима с его ограниченным диапазоном меньше всего относятся к М. А. Небогатову. О чём бы он ни писал, его слово полновесно, оно заставляет задуматься о таких высоких понятиях, как Родина, Добро, Честь, Совесть, Мир, Красота. За стихами Михаила Александровича встаёт поколение тех, кто вынес на своих плечах все тяготы Великой Отечественной войны, но не очерствел сердцем:

<i>Война не только гнула круто,</i>	<i>В любом – большом и малом – деле</i>
<i>Но и учила честно жить.</i>	<i>Всё исполнять учила в срок.</i>
<i>Учила каждою минутой,</i>	<i>Хоть твои силы на пределе,</i>
<i>Секундой каждой дорожить.</i>	<i>Хотя усталость валит с ног...</i>

Ранняя смерть отца, полуголодное детство... Преждевременное повзросление, когда на плечи подростка вдруг сваливаются мужские заботы. Потом – дороги войны, ранение, первые поэтические опыты. Вот что формировало Михаила Небогатова как будущего лирика, вот его суровая и одновременно завидная школа. Одна из первых послевоенных книжек бывшего фронтовика получила светлое, обнадёживающее название – «Солнечные дни». В ней зерно всех последующих творческих поисков и удач поэта.

Путь его не был ровным, безоблачным. Приходилось выслушивать зачастую поспешные упрёки в приверженности к якобы устаревшим художественно-поэтическим традициям, к незамысловатым языковым приёмам. Наш земляк не спешил «перестраиваться» в угоду скоропреходящей литературной моде, честно пел негромкую, но свою, незаёмную песню.

Он чувствовал интуитивно, да и учась на опыте близких ему по духу больших мастеров слова (прежде всего А. Т. Твардовского), что негоже порывать с народными истоками, что они неисчерпаемы и плодотворны, что и о сложных понятиях можно и надо говорить просто, ясно, не мудрствуя лукаво:

<i>Есть видимость поэзии,</i>	<i>...Советов поучительных</i>
<i>Но острый вкус, как нож,</i>	<i>Не дам. Не обессудь.</i>
<i>Разрежет строчки резвые –</i>	<i>Я сам ишу мучительно,</i>
<i>И в них проступит ложь.</i>	<i>Где видимость, где суть.</i>

Время показало, что он был прав. Задушевный песенный дар поэта, умение уловить и передать, чем дорог каждому «наш краткий праздник бытия», поразмышлять о том, «что есть добро, что зло», откликнуться на самое сокровенное, потаённое, чем жив человек, проторили Михаилу Александровичу свою тропку к читательским

сердцам, сделали его имя популярным. Попробуйте найти в книжных магазинах области сборники его стихов «Моим землякам», «Родные просёлки», «Майский снег», «Свет в окне», «Спасибо сентябрю», «Земной поклон» и другие.

Взял поэт и числом книг, и глубиной их содержания. Его лирические откровения не поражают эффектами, обращены часто к привычным житейским понятиям (просёлочная дорога, русский поклон, голубая заречная даль, стог сена), но как по-новому всё это вдруг видится, как естественны и достоверны здесь поэтические интонации. Их не перепутаешь ни с какими другими:

<i>Нестареющая, вечная</i>	<i>смородины,</i>
<i>Красота земли родной –</i>	<i>Паровозный крик вдали –</i>
<i>Голубая даль заречная</i>	<i>Это всё частица Родины,</i>
<i>С луговой тишиной...</i>	<i>Мирный день родной земли.</i>
<i>Мостик, заводь, куст</i>	

От сборника к сборнику зреет мастерство поэта, зорче, мудрей становится взгляд на окружающее. В юности он мечтал сделаться художником, писал этюды. Тяготение к пейзажу, особый дар проникать в явления природы и запечатлевать их словом составляют одну из примечательных сторон творчества Михаила Небогатова.

Его юбилейный подарок любителям поэзии – сборник «Лето», вышедший недавно в Кемеровском книжном издательстве. Это, на первый взгляд, зарисовки, этюды, пейзажные картинки, а по существу – лирико-философские раздумья поэта о смысле жизни, о вечном и преходящем, о превратностях человеческих судеб. Книжка внутренне едина, производит впечатление лирического монолога, подводящего итог определённого этапа в творческой биографии автора, это и обещание новых произведений, новых интересных знакомств:

*Туман клубится над долиной,
Даль беспредельную скрывает.
А в небе стая журавлиная
Дни лета клином выбивает.
Но вновь пройдёт пора метельная,
Вздохнёт река, бурля, пугая...
И в сердце – чувство неподдельное,
Что жизни нет конца и края.*

Щедро делится поэт своим творческим опытом с молодёжью, активно сотрудничает с редакциями областных газет, считает своим гражданским и писательским долгом откликнуться на социальный заказ и выполняет его с любовью, с полной отдачей своих незаурядных способностей.

От души желаем нашему старшему товарищу по перу, отметившему в эти дни 60-летний юбилей, крепкого сибирского здоровья. Не сомневаемся в том, что он не раз ещё порадует читателей новыми яркими произведениями, достойно приумножит творческую славу Кузбасса в советской поэзии.

В. МАТВЕЕВ,

член Союза писателей СССР.

г. Кемерово. // Кузбасс. – 1981. – 17 октября. – С. 4.

РОССИЯ НАЧИНАЕТСЯ ОТ СЕРДЦА...

Поэту Михаилу Небогатову – 65 лет

Старых поэтов не бывает. Все настоящие поэты, сколько бы они ни прожили лет, остаются молодыми. Иначе им работать в поэзии просто невозможно. Свидетельство тому – творчество Михаила Небогатов, которому в октябре исполнилось шестьдесят пять лет.

Пятый десяток лет Михаил Небогатов в литературе. Им накоплен немалый творческий опыт, которым он делится с молодыми литераторами. Небогатов – поэт своеобразный. Стих его предельно простой, открытый, требующий большого труда для сохранения поэтического напряжения. В подтверждение этого приведу строки из стихотворения «Россия»:

Откуда начинается Россия?	Не знаю я, найду ль единоверца,
Одни поэты пишут: от села,	Но верю в убеждение своё:
От дедовской околицы;	Россия начинается от сердца,
Другие:	С рождения влюблённого в неё...
От заводской заставы, мол, пошла.	

Михаил Александрович Небогатов родился в 1921 году. Детство и юность прошли в Гурьевске. Там и сейчас на улице Свободы сохранился домик под номером три. Он – участник Великой Отечественной войны. Нелёгкими фронтовыми дорогами прошёл он путь от рядового красноармейца до командира взвода ПТР. После тяжёлого ранения и лечения в госпитале приехал в Кемерово. Работал военруком в школе, культмассовиком на заводе, литературным консультантом в областной газете «Кузбасс», корреспондентом на радио, редактором отдела художественной литературы в книжном издательстве.

Печататься начал с 1945 года. В основном, это были стихи о войне. Они написаны не понаслышке, а выстраданы в смертельной борьбе за Родину. Первые произведения Небогатов увидел свет в газете «Кузбасс», альманахе «Огни Кузбасса», в коллективных сборниках. Потом его стихотворения публиковались в центральных газетах «Труд», «Комсомольская правда», в журналах «Советский шахтёр», «Крестьянка». Московский литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал «Наш современник» в конце прошлого года поместил цикл стихотворений под общим названием «Дорога в сорок пятый год» (№ 12), а в шестом номере за 1986 год этот же журнал напечатал подборку лирики «Сибирское лето».

Михаил Небогатов – автор двенадцати книг, которые изданы в Кемерове. Вот его поэтические сборники: «Солнечные дни» (1952 г.), «На берегах Томи» (1953 г.), «Юным друзьям» (1957 г.), «Моим землякам» (1958 г.), «Лирика» (1961 г.), «Родные просёлки» (1963 г.), «Майский снег» (1966 г.), «Свет в окне» (1969 г.), «Спасибо сентябрю» (1972 г.), «Земной поклон» (1976 г.), «Лето» (1981 г.), «Земля моя добрая» (1984 г.).

Поэт Небогатов готовит новые книги, посвящённые актуальным проблемам современности, ратным и трудовым подвигам людей земли Кузнецкой, борьбе за мир, дружбу и братство народов.

Стихи Михаила Небогатова заслуженно пользуются широкой популярностью у читателей, получили высокую оценку таких мастеров литературы, как А. Твардовский, С. Марков, Г. Пагирев. В книге «А. Твардовский. Письма о литературе» (1985 г.) сказано о Небогатове: «Новые ваши стихи по словесной и ритмической структуре почти безупречны...». Ленинградский поэт Глеб Пагирев пишет Михаилу Александровичу: «Читал я стихи и думал: как же богата Русь наша талантами, как много прекрасных поэтов живёт на земле и как слепа и глуха наша критика... не замечает ничего вокруг».

Критика в местных изданиях не раз уже отмечала, что Михаилу Небогатову особо удаётся пейзажная лирика. Природа в его поэтическом изображении – не плакатная, а живая, одушевлённая, воедино слитая с духовным миром влюблённого в неё человека.

Много сил и энергии Михаил Небогатов отдаёт общественной деятельности – ведёт большую переписку с начинающими литераторами, готовит лучшие стихи для публикации в областной печати. В газете «Комсомолец Кузбасса» ведёт рубрику «Литературная мастерская».

Михаил Александрович награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны первой степени, является членом Союза писателей СССР с 1962 года.

Фёдор Дёмин. г. Кемерово.

// Комсомолец Кузбасса. – 1986. – 18 октября. – С. 4.

«ОБИДНО МНЕ ЗА ПРОСТОТУ...»

Неюбилейные заметки о творчестве кузбасского поэта Михаила Небогатова

5 октября М. А. Небогатову исполнилось бы 72 года

Я часто вспоминаю строки из этого стихотворения, которое однажды попало мне на глаза и заставило сильно устыдиться. Признаюсь честно: в моей жизни был такой период, когда я не очень любила стихи известного, признанного в кругу литераторов Кузбасса, поэта Михаила Александровича Небогатова. Не любила за их... простоту, обыденность, что ли... Казалось мне, что не хватает им чего-то высокого, возвышенного, что обычно присуще поэзии. И вот читаю:

*Обидно мне за простоту.
Иной в презрении ретивом
Её обходит за версту
И называет примитивом.
За сложность ратует такой,
В неё лишь верит непреложно,
Не зная истины простой,
Что эта сложность часто ложна.
Абстракций красочных потоп
Увидят тонкие эстеты
И начинают морщить лоб,
Искать какие-то секреты.
Мол, сразу видно мастерство,*

*Тут что-то есть, хоть непонятно...
Да бросьте! Нет же ничего,
Одни бессмысленные пятна.
Стихи ли модные прочтут,
Где даже формулы меж строчек,
И снова ищут смысла тут,
В бреду без запятых и точек...
Увы, у многих нет родства,
Нет дружбы с простотой природной,
Не с той, что хуже воровства,
А с той – высокой, благородной.
О, простота! Я с нею рос.
Союз наш крепок и надёжен.*

Она – как скромный свет берёз

И вместе с тем – как блеск из ножен.

Как просто и как мудро! До сих пор испытываю жгучее чувство стыда за своё прежнее отношение к стихам Михаила Александровича. Он как будто поставил всё на свои места в моём сознании. С того момента началось моё прозрение. Я заново открыла его для себя, стала читать вдумчиво и поняла, что мы – родственные души. Много принимала и чувствовала, как он, видела так же, только не могла бы так выразить.

К своему большому удивлению, обнаруживаю в его сборнике «Вечерние огни» стихотворение, которое так и называется – «Родство душ»:

*А тружусь я с надеждой одною,
Одного утешенья ищу:
Должен кто-нибудь вместе со мною
Загрустить, если я загрущу.
Не хочу недоверьем обидеть
Тех, с кем радость работы делю:
Должен кто-то любить, ненавидеть
То, что я ненавижу, люблю.*

*Должен кто-то моими глазами
Видеть мир, окружающий нас,
Облака над полями, лесами,
И весёлого дождика пляс,
И небесной дуги самоцветы
В зеркалах успокоенных луж...
Для кого бы творили поэты,
Если б не было **родственных душ?***

Конечно, мне приходилось читать и отклики, и критические статьи о стихах поэта, и я солидарна с авторами в том, что Михаил Александрович особенно силён был в лирике. Не только любовной. Хороши, прежде всего, стихи о природе. Они такие светлые, на душе от них становится тепло, спокойно. Вот, к примеру, несколько типично небогатовских стихотворений:

ХЛЕБА

*К солнцу подняты руками,
От столба и до столба
Золотыми облаками
Убегают вдаль хлеба.*

*Под берёзкою кудрявой
Колосок тихонько тронь –
Он сейчас такой шершавый,
Как крестьянская ладонь.*

ЯГОДЫ

*Зноем лес распарен.
Полдень спит в листве.
Девушка и парень
Бродят по траве.
Тени. Солнца блики.
На цветке – пчела...
Радостные вскрики:
– Вот ещё! Нашла!*

*С корня земляничка,
Не в пыли с лотка.
Капля-невеличка,
А уж как сладка!
В туеске б оставить –
Там не скрыло dna,
Да во рту растаять
Просится она...*

ПОДСНЕЖНИК

*Под сугробом
спит в логу валежник,
А в лесу,
в соседстве с ручейком,*

*Прямо в небо
выстрелил подснежник,
Как ракетой,
беленьким цветком!*

Не правда ли, очень образно? И ещё одно ощущение возникает при чтении – стихи эти очень добрые. В них чувствуется широта души и доброе, умное сердце поэта.

О нём можно судить уже по названиям его стихотворных сборников: «Моим землякам», «На берегах Томи», «Родные просёлки», «Солнечные дни», «Лето», «Земля моя добрая», «Перепёлка», «Спасибо сентябрю», «Майский снег», «Земной поклон», «Вечерние огни», «Свет в окне», «Лирика». Последняя книжка, вышедшая уже после смерти поэта, называется «Времени река». Её принципиальное отличие от всех предыдущих сборников в том, что наряду со стихами разных лет, в том числе, и последних, много места отводится дневниковым записям. Прочитав этот небольшой сборник, многое в творчестве поэта начинаешь понимать и оценивать по-новому, а что-то и по-иному. Понимаешь, как непросто живётся и пишется людям творческим, в особенности, талантливым. Хочется от всей души поблагодарить вдову поэта Марию Ивановну за подарок читателям, почитателям таланта нашего земляка.

Радует удачный подбор стихов, присутствие на страницах фотографий. Всё это делает поэта ближе и понятнее, доступнее. Не секрет, что за стихами всегда явственно проступает облик автора – человека, гражданина. Здесь это особенно чувствуется.

Не знаю, какие бы сегодня писал стихи М. Небогатов. Ведь в феврале 1990 года сделана последняя запись в дневнике: «Написал стихотворный фельетон «Не застойное, не застольное – корвалольное»...

Есть в творческой биографии поэта ещё один момент, который мне очень импонирует: в своё время в газете «Комсомолец Кузбасса» он увлечённо и ответственно вёл рубрику «Факультет молодого литератора», позднее – «Литературную мастерскую». Михаил Александрович делал разбор первых поэтических опытов молодых, начинающих «собратьев по перу». Причём делал это тонко и деликатно, умело показывал на достоинства и недостатки. В одном был твёрд: каждый должен идти своим, непроторённым путём, не стараться никому подражать, с самого начала быть самим собой. Думаю, молодые литераторы не были в обиде на справедливую критику и добрые советы мастера.

А ещё раньше, в пору моей учёбы в школе – в 60-е годы – Михаил Александрович Небогатов вёл занятия с юнкорами – готовил ребятишек пионерско-комсомольского возраста к будущей профессии журналиста. Каюсь, что по собственной глупости не стала там заниматься, хотя и имела рекомендации своей учительницы русского языка и литературы Софьи Павловны Розиной (а окончила я первую кемеровскую школу).

Только теперь понимаю, что любовь к поэзии, к художественному слову мне привили не только в семье и школе – в значительной мере это произошло под влиянием стихов кемеровского поэта М. Небогатова.

Как выясняется, и привязанности у нас были схожие: Есенин, Шолохов, Шукшин. Может быть, это прозвучит несколько высокопарно, но **из родника поэзии Небогатова ещё черпать и черпать**. Разве можно с ним не согласиться? Судите сами:

*В кругу домов – камней гряда,
Когда закат – багровая,
А из неё бежит вода –*

*Земная, родниковая.
Бежит она не так себе –
Туда, куда направлена,*

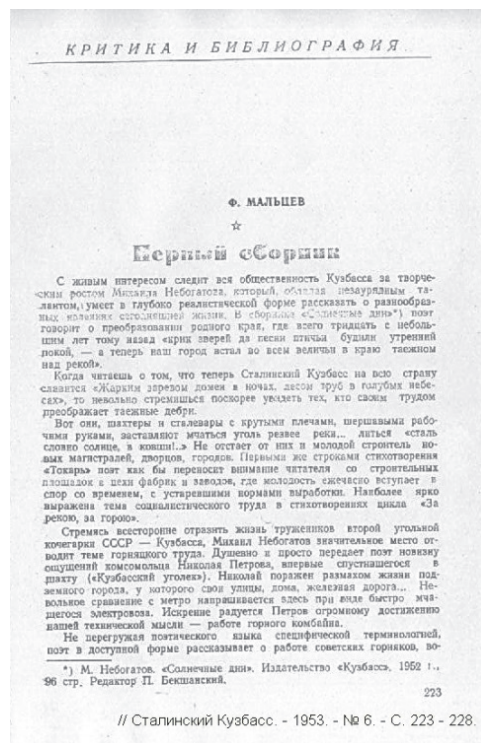
Как по тоннелю, по трубе,
 Что в камни кем-то вставлена.
 Зимой и летом день-деньской
 Здесь ручейками бодрыми,
 Как у колонки городской,
 Вода играет с ведрами.
 Родник. Невзраченыйкий на вид.

Солидный лишь над флягою.
 А скольких он людей поит
 Живой своею влагою!
 Так человек: не тот велик,
 Кто роста высоченного,
 А тот, чьё сердце, как родник,
 Полно добра бесценного.

Н. Окунева*, г. Кемерово.

// Родник Сибирский. – 1993. – № 13 (октябрь). – С. 2.

(* – Окунева – моя фамилия по первому мужу. – Примечание Н. Инякиной).

Вкладка № 2:

// Комсомолец Кузбасса. - 1986. - 18 октября. - С. 4.

ТВОРЧЕСТВО

Россия начинается от сердца...

Поэту Михаилу Небогатову — 65 лет

Старая поэзия не была бы. Вся истинная поэзия, сколько бы она ни пролила лет, оставила коммюни. Иначе им работало, а эволюция прелестна. Сидим, делаем то, что — творчество поэта. Михаил Небогатов, которому в октябре исполнилось шестидесять лет.

Пятый десяток лет Михаил Небогатов в литературе. Он — человек, который своим делом занимается с энтузиазмом. Его творчество — это творчество человека, который не боится трудиться. Он — человек, который не боится трудиться. Он — человек, который не боится трудиться.

Россия начинается от сердца... Михаил Небогатов — человек, который не боится трудиться. Он — человек, который не боится трудиться. Он — человек, который не боится трудиться.

Один поэт пишет: «Россия начинается от сердца...»

От ладошки до ладошки, от ладошки до ладошки, от ладошки до ладошки.

На языке и надуло, на языке и надуло, на языке и надуло.

Федор ДЕМНИН, г. Кемерово

ПОЭТ ЧИТАЕТ ПОЭТА

ПО РОДНЫМ ПРОСЕЛКАМ

СОВСЕМ недавно в Кемеровском книжном издательстве вышла книга лирических стихотворений Михаила Небогатова «Родные проселки».

Прочитав ее, нельзя не поделиться отрядным впечатлением. И дело тут вот в чем. У нас еще не перевелись поэты, отдающие много сил и таланта чисто формальной стороне стиха. Погоня за необычной рифмой, образом рыхлится, затушав маневр содержание, уходит от художественной и исторической правды. За сложными хитросплетениями редко различить истинное лицо поэта, его симпатии и антипатии, его целеустремленность. А вот в известной «Родные проселки» стоит поэт удивительно честной и чистой души, большой искренности и скромности. с незамутненным восприятием жизни. Чуткий и приятный, он легко ведет за собой читателя. Его стихи — восхитительная красота и поэзия мира и его соотечественника — человеком.

У М. Небогатова в практике нет случая, чтоб стихотворение было, точно таковым, острым и, как часто бывает, продуманным

сюжетом. В его стихах все естественно, как дыхание. Нет чрезмерного нагромождения усложненных образов. В четких и прозрачных стихах они мешали бы, как камни на дороге. Ничто не ускользает от зоркого глаза поэта. Он видит, как идущего «ель зеленой ладой летает за выгор» и как «паровоз кудрявая челка две минуты висит над трубой». Образуется скучное, единственные слова.

Думы, переживания поэта даны через картины и явления родной природы. Это тоже не случайно, ибо во всем здесь — прямота, безоблачность. Мысль широка, ассоциативна («Луна», «В разлив», «Прощание с летом»). Хорошо сделано стихотворение «Родные проселки», отчасти давшее название сборнику. — раздумчивое, емкое.

Много говорит о далеком забытом времени четверостишие:

В глухое время, а дни
в чужбых землях,
С мечтой о сестрах
куцал рях.

Губела печально крестный
ход,
Хвальному повизку
внимая.

Поэт всегда находит удачный и нужный поворот, глубоков философское обобщение. Он беседует с читателем просто, но наглядно, стихи хорошо воспринимаются детьми, без их вторичного смысла — просто, как правдивые и живые картины родной природы. Березы и тополя, разлив и заныты — все такое родное, русское, без чего не «просит и дыма». Это близко и дорого всем, ведь за этим стоит большое и светлое — Родина.

Но стихи были бы менее ценны, если бы в них не чувствовалась постоянная тревога и забота о главном — о человеке. «Ненастье», «Колосок», «Дом в роще» — это стихи о людях. Даже любясь закатом, поэт ни на миг не забывает о человеке.

Вдаль закат вылетает
И он не скажет мне,
Чья радость догорает
В его сухом огне.

Или: «точно чьято мечта
и надежды, с теплой облетает
листва». Многие стихи («Нынче осень на редкость хороша», «Летит с неба

последняя ласка») привнесают плавными песенными звучаниями, проникновенным звучанием. А в стихотворении «В поднебесье синее...» еще более отчетливо характерный песенный рефрен.

Творчество М. Небогатова роднится с народной поэзией, крепко связано с традициями русской классической поэзии. Пристальное внимание и классиком всегда дает отрядный результат в работе поэта над словом, образом. «Греть кровь мою легкой мороз», — писал когда-то один большой русский поэт. У М. Небогатова зима «заклила костры мороза» — вот же образ, но по своему, творчески развратный и углубленный. Хорошую книжку подарил нам М. Небогатова. Даже хочется не заметить декларативности и сухости некоторых стихов и блеклости красок — все это поправимо, диктуют. О том красноречиво говорят лучшие стихи сборника — поэтический, навещающий на серьезные раздумья, приглашающий от чистого сердца восхищаться человеком и земной красотой.

В. БАЯНОВ.
г. Кемерово.

Сборник 1958 года называется "Моим землякам", а не "знакомым".

КУЗБАСС — 1971 - 3 октября - С. 4

“ЕСЛИ СЕРДЦЕ ЛЮБОВЬЮ СОГРЕТО...”

ПОЭТУ Михаилу НЕБОГАТОВУ — 50 ЛЕТ

Синий подвен. Как в зорьках, а нам вину тропе далекого детства. В порушке, бражничьи дом и лесок на горе...

Да, все это было, был горой Гурьевск был, бражничьи дом с порывающей от дождя и ветров тесовой крышей, где пролегал свое детство кузбасский поэт Михаил Небогатова. А рядом — прозрачная река Бачаты. И еще было настоящее чудо! — лесок на горе, в котором строились сосны, источавшие в знойный день смолистой аромат, тугими и небу; под стать им были туманозной остроугольные ели, и настоящие праздничные короидом кружились закружили по древним ивнякам березы. Многие поэты вывели из детства неуважающую любовь к русской природе. И Небогатова из их числа. А еще стихи, что читала его мать Клавдия Степановна своим детям по вечерам, тоже сыграли не последнюю роль в формировании его духовных интересов.

«Думаю, что любовь и литература — в частности, к поэзии была привита мне мамой, моей матерью», — вспоминает Михаил Александрович. Действительно замечательные поэты писали стихи.

В 1937 году семья переезжает в Кемерово. Михаилу пришлось бросить учебу и поступить на работу. Молодой техник-инженер-конструктор по эрским треной-ау-райской горюшким унитар-сделывал домике, набравшая из плоти, замеряла площадь борюды, а никак не думая, что поэзия может и тогда станет для него главным делом жизни. Писал стихи дилетантски слабо, они были «злабу дика, газеты брали на отпущу но и жини они ничуть не больше, как сама эта, злобу».

В апреле 1941 года Небогатова был призван в армию, а в июне началось воевание. Всегда, как положено солдату, был дважды ранен. В память о войне оставил орден Красной Звезды и несколько медалей.

На фронте Михаил Александрович написал всего несколько стихотворений. Наверное, настолько сильным было потрясение, что даже глумливый смех над человеческой жизнью и жизнью природы, что расклевывали стаями об этом он не мог думать в послевоенные поэзии Небогатова редко найдешь фронтальные эпиграфы. В большинстве случаев это коротенькие о солдатской дружбе, о трудных дорожках, которые пройдем, о взаимной выру-

ке. Как правило, в эти стихах всегда найдешь доброе слово о вдумчивой русской природе. Непосредственно, органически вводя пейзаж в повествование о фронтовой жизни, автор делает свою мысль предельно ясной: смотри, человек, какую прекрасную землю мы отстаем!

После демобилизации вернулся в Кузбасс, и тут чаще стали появляться его стихи в областной газете, на радио, а в 1952 году выходит первый поэтический сборник «Солнечные дни». Проматрихия его сейчас, особенно отчетливо видны и сильные, и слабые стороны. Некоторые из стихов устарели, другие — дилетантски, а третьи — нет той тщательной отработкой фраз, которая присуща поэту сегодня. Но уже в этом сборнике просматривалось то, что со временем станет сильной стороной творчества поэта, — большая любовь к своему краю.

А затем вышли в свет сборники стихов «На берегах Томи» (1953 год), «Юным друзьям» (1957 год), «Моя Кузбасская» (1958 год). Крепкий голос поэта, прочее, задушевнее, милее становится его разговор с читателем:

Друзья! Вам дорог край родимый! И влюблю Сибирь свою.

Все тоньше, одухотвореннее краски пейзажа: До милья осталось, недалеко, Недалеко, вдали, Ты мила мне, русская земля, землям нам крупношпанным советским поэт Александр Тардаский писал автору «Имя мое проливает очень симпатичное впечатление». Михаил Небогатова много и упорно работает в эти годы, подготавливает связи с новосибирскими литераторами: Владимиром Лисоскиным, Саввой Кожемякиным, Александром Смердовым. Его стихи печатаются в областных газетах, в «Комсомольской правде», «Гудке», «Литературной газете», в журнале «Сибирские огни», «Советский шахтер», «Крестьянская «Кронольда».

Следующий сборник «Ларьяк» (1961 год) сконцентрировал все лучшее, что написал поэт. В нем много стихов о природе. Поэт знает, чтобы люди познавали все богатство ее звуков, красок, запахов, делались щедрее сердцем, добрее друг с другом. У Небогатова пейзаж всегда органически связан с человеком, его ощущениями, радостями, грустью, с его действительностью.

В 1962 году Михаил Александрович был принят в Союз советских писателей. Следующие его сборники — «Родные проселки» (1963 год), «Маяский снег» (1966 год), «Свет в окне» (1969 год) удивляют читателя не тем, как об одном из интереснейших поэтов Кузбасса Как и прежде, главная тема творчества — любовь к родному краю. Все более отчетливо становится линия, все красноречивее, нагляднее и богаче язык. И сегодня Михаил Александрович много и упорно работает. Готовит новый сборник «Золотая осень», где впервые широко будут представлены не только лучшие литературные стихи, но и переводы стихов шотландского поэта Стюарта Сьюэлла. В разделе поэмы и юмористических стихов будут представлены не только лучшие литературные стихи, но и переводы стихов шотландского поэта Стюарта Сьюэлла. В разделе поэмы и юмористических стихов будут представлены не только лучшие литературные стихи, но и переводы стихов шотландского поэта Стюарта Сьюэлла.

Так пусть же не иссякнет его поэтический родник! Уверены, что поэт еще много много родит и подарит любителям поэзии своими сердечными простыми, как русская народная и добрыми, как русский язык, стихами.

А. ВОРОБОВ.
В. ЗУЛИН.

”Обидно мне за простоту...”

Неюбилейные заметки

о творчестве

кузбасского поэта

Михаила Небогатова

...

5 октября М. А. Небогатову
исполнилось бы 72 года

ЧАСТО вспоминаю строки из этого стихотворения, которое однажды попало мне на глаза и заставило сильно устыдиться. Признаюсь честно, в моей жизни был такой период, когда я не очень любила стихи известного, признанного в кругу литераторов Кузбасса поэта Михаила Александровича Небогатова. Не любила за их простоту, обыденность, что ли. Казалось мне, что не хватает им чего-то высокого, возвышенного, что обычно присуще поэзии. И вот читаю:

Обидно мне за простоту,
Иной в презрении ретивом
Ее обходит за версту
И называет примитивом.
За сложность ратует такой,
В нос лишь верит непреложно
Не зная истины простой,
Что эта сложность часто ложь.
Абстракций красочных потоп
Увидят тонкие эстеты
И начинают морщить лоб,
Искать какие-то секреты,
Мол, сразу видно мастерство,
Тут что-то есть, хоть непонятно.
Да бросьте! Нет здесь ничего,
Одни бессмысленные пятна.
Стихи ли модные прочтут,
Где даже формулы меж строчек
И снова ищут смысла тут,
В бреду без запятых и точек...
Увы, у многих нет родства,
Нет дружбы с простотой природной.
Не с той, что хуже воровства,
А с той - высокой, благородной,
О, простота! Я с нею рос.
Союз наш крепок и надежен.
Она - как скромный свет берез
И вместе с тем - как блеск из ножа,
Как просто и как мудро! По сих по

Валезник,
А в лесу,
В соселстве с ручейком
Прямо в небо
Выстрелил подснежник.
Как ракетой,
Беленьким цветком!

Не правда ли, очень образно? И еще одно ощущение возникает при чтении — стихи эти очень хорошие. В них чувствуются широта души и доброе, умное сердце поэта.

О нем можно судить уже по названиям его стихотворных сборников: “Мои землякам”, “На берегах Томи”, “Родные поселки”, “Солнечные дни”, “Лето”, “Земля моя добрая”, “Перепелка”, “Спасибо сентябрю”, “Майский снег”, “Земной поклон”, “Вечерние огни”, “Свет в окне”, “Тирика”. Последняя книжка, вышедшая уже после смерти поэта, называется “Воемни река”. Ее принципиальное отличие от всех предыдущих в том, что наряду со стихами разных лет, в том числе и последних, много места отводится дневниковым записям. Прочитав этот небольшой сборник, многое в творчестве поэта начинаешь понимать и оценивать по-иному, а что-то и по-иному. Понимаешь, как непросто живется и пишется поэтом творческим, в особенности талантливым. Хочется от всей души поблагодарить вдову поэта Марию Ивановну за подарок читателям, почитателям таланта нашего земляка. Радует удачный подбор стихов, присутствие на страницах фотографий. Все это делает поэта ближе и понятнее, доступнее. Не секрет, что за стихами всегда явственно встает, проступает облик автора — человека, гражданина. Здесь это особенно чувствуется.

«ФОТОГРАФИИ ДУШИ»
(СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ)

ПЕРВОПОЛОСНЫЕ СТИХИ

БЕССМЕРТНАЯ КНИГА

Вот она, эта книга живая
О пути, что прошёл Комсомол.
В ней сверкает страница любая,
Никакой их буран не замёл...

С острой саблей, в будёновском шлеме,
Презирая беду и напасть,
В бой рвалось комсомольское племя,
В бой за жизнь, за Советскую власть.

Неспроста – озорных на привале,
Но суровых в минуты атак –
Дьяволятами красными звали
Тех парнишек, безусых рубак.

Не они ли по тропам кремнистым
Шли на смерть и на подвиги шли.
Не они ли отцам-коммунистам
Вражью нечисть добить помогли...

Проскрипела у дома калитка.
Погостил – и в дорогу опять.
Ждут бойца Кузнецкстрой и Магнитка,
Ждёт великая Родина-мать.

... Прикипает к ладони железо,
Дышит паром сырой чернозём...
Где-то чёрное дуло обреза
В русский чуб полыхает огнём.

Даже в горе, над холмиком новым,
Бьются в лад молодые сердца,
Крепко слитые клятвенным словом:
Алый стяг донести до конца!

Не успели доделать, что надо,
Не просох на спецовках мазут –
Вновь гремит над землёй канонада,
Саранчою фашисты ползут.

Жить рабами, по чьей-то указке?
Нет, вовеки тому не бывать!
И уже не в будёновке – в каске
Комсомол наш в сражение опять.

Если грозным он был на тачанке,
На гривастом лихом скакуне,
То теперь с автоматом на танке
Стал для недругов страшен вдвойне!

Кто погиб – в нашем сердце остался.
До сих пор та дорога светла,
Где Геннадий Красильников дрался,
Где Волошина Вера прошла.

Снимем шапки с глубоким
почтеньем
И не грустью их память почтим,
А готовностью к новым сражениям,
Чтоб расти поколениям иным.

Им, весёлым, упорным и смелым,
Сталь варить, поднимать целину.
Самым праведным – ленинским делом
Прославлять нашу гордость – страну.

Комсомол – перед новым походом,
В испытаньях не склонится ниц.
Вместе с партией, вместе с народом
Он создаст ещё много страниц!

// Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 29 октября.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Прославляй героя дальних странствий,
Восхищайся подвигом, Земля:

Человек в космическом пространстве
Сделал первый шаг из корабля!

Подвиг тот, на радость миллионов,
Совершил советский гражданин
Алексей Архипович Леонов –
Сибиряк, земли Кузнецкой сын!
Узнаю характер наш сибирский.
Дорогой нам, близкий человек
Хорошо шагнул, по-богатырски

Из села Листвянки – в новый век!
Скоро, скоро первой в мире трассу
На Луну проложит наша Русь!
Звёздный мир приблизился к Кузбассу.
Восторгаюсь!
Радуюсь!
Горжусь!

// Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 20 марта.

ЗЕМЛЯКАМ – ШАХТЁРАМ

Пусть верхоглядь бодро врут –
Не верю басне вздорной,
Что лёгок ваш горняцкий труд
В наш новый век моторный.
Нет, нелегко врубаться в твердь
В движенье непрестанном.
Здесь надо бой вести уметь
С завалом и метаном.
Вы постоянно, день-деньской
С природой в поединке.
Нередко след от битвы той –
И шрамы, и седины...
Велик, высок ваш гордый труд,

Согретый сердца жаром!
И героическим зовут
Его совсем не даром.
Одна мечта уводит вас
В подземные глубины:
Чтоб на копрах на весь Кузбасс
Сияли звёзд рубины!
Пусть эти звёзды–огоньки
Лучатся незакатно!..
Земной поклон вам, горняки, –
И знатным, и незнатным!

// Комсомолец Кузбасса. – 1967.

– 27 августа.

НА ГРЕБНЕ ДНЕЙ

В дни, когда над сумерками мглистыми
Новой эры солнце мы зажгли,
В строй с большевиками-коммунистами
Молодые встали и пошли.
Погасив улыбку полудетскую,
Под звездою шлема хмуря бровь,
В бой пошли за нашу власть Советскую,
В ад кромешный, где огонь и кровь.
Подружились с саблями, гранатами,
И враги со страха и со зла
Красными их звали дьяволятами,
А страна орлятами звала.
Буйные чубы их вились кольцами,
Юности румянец нежно цвёл...
Стали те ребята комсомольцами.
Стал великой силой Комсомол.
Позади остались тропки скользкие

Беспризорных, неприютных лет,
И дела большие комсомольские
Засияли зорями побед.
Всех орлят сроднили чувства братские,
С ними наш отважный Комсомол
Шёл вперёд – сквозь выстрелы
кулацкие,
Сквозь огонь фашистов – к звёздам
шёл!
Нет, не знал он в жизни часа праздного,
Был всегда на самом гребне дней,
И по праву с гордостью отпраздновал
Золотой свой славный юбилей...
Юные с дорог прямых собьются ли?
В коммунизм шагать им день за днём
С Орденом Октябрьской Революции,
С Лениным на знамени своём!

// Комсомолец Кузбасса. – 1968.

– 7 сентября. – С. 1.

ПОБЕДА, МИР, ВЕСНА...

Праздник радостный, праздник Победы!
Он – как луч, что пробился сквозь беды.
Был бы в мире и холод, и мрак,
Если б не был повержен рейхстаг...
Дни и годы война нас косила,
А взяла своё русская сила!
Много было руин и воронок,
И как воронов злых – похоронок...
Русь развеяла полчища зла!
Вёсен зори от мрака спасла!
Ей за ратные подвиги – слава.
Славься в мире, родная держава!
Нам ты светишь и ночью, и днём
Алым стягом, как вечным огнём...

// Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 9 мая.

СВЕТИ НАМ ВСЕГДА

Здравствуй, День Первомай –
Праздник дружбы, любви!
Рапорт наш принимая,
К новым далям зови.
По проспектам сверкая
Многоцветьем одежд,
Здравствуй, День Первомай –
Праздник добрых надежд!
Мир от края до края
Осчастливить готов,

Здравствуй, День Первомай –
Праздник первых цветов!
Сердце, взор удивляя
Красотой новизны,
Здравствуй, День Первомай –
Праздник жизни, весны!
Вместе с нами шагая,
Ты свети нам всегда,
Ясный день Первомай –
Праздник мира, труда!

// Комсомолец Кузбасса. – 1984. – 1 мая.

ПОД СТАТЬ БОГАТЫРЮ

Дорога к солнцу без ступенек –
Стальная клеть легка, быстра.
И вот мой друг, мой современник
Из шахты вышел на-гора.
Не богатырь из русской сказки –
Обыкновенный человек
С лучистой лампочкой на каске,
С пыльцой угля в прищуре век.
Простой шахтёр. А не его ли
Дела под стать богатырю?
Не по его ли доброй воле
Включает ночь огней зарю?
Он, властелин тепла и света,

Крушит пластов глухую тьму...
Он смел, настойчив. И за это
Дары подземные планета
Бросает под ноги ему.
В его судьбе, отваге, силе,
Всех удивляющей собой,
Есть что-то общее с Россией,
С её счастливою судьбой:
Идти вперёд, врубаться в горы,
Не отступать, светить во мгле,
Чтоб жизни новые просторы
Открылись людям на земле.

// Комс. Кузбасса. – 1986. – 30 августа.

СЛОВО О ЖЕНЩИНЕ

Доброй славой увенчана,
Наш соратник и друг,
Входит в комнату женщина
– И светлеет вокруг!
Вот поправила волосы,
Аккуратность любя, –
И улыбкой, и голосом
Вмиг согрела тебя.
Очень светлая, вешняя,
Воедино слита
Красота её внешняя
И души красота...
Всем взяла она – смелостью,
Добротою своей.
Вместе с женственной

Рис. В. Александрова.

прелестью
Столько мужества в ней!
У неё не в обычае
В чём-то видеть предел.
По плечу ей величие
Государственных дел...
Пусть ей счастье завещано,
Вольный, солнечный путь.
Только женщина –
Женщина,
Подобнее к ней будь.
Обижать её совестно –
Нет больней ничего...
Поклонись же ей поясно
От народа всего!

// *Комсомолец Кузбасса*. – 1990. – 8 марта.

*** **

СТИХИ О ВОЙНЕ

ТАК БЫЛО

Я представляю это до сих пор.
Ещё так сладко спали мы в казарме!
Алел восток. И на него в упор
Глядел фашист – вожак несметных
армий.
Глядел в бинокль, высок, изящен, свеж,
Красив своею статностью спортивной...
Был берег уж не берег,
А рубеж,
Простор полей –
Простор оперативный.
Уже мосты –
Места для переправ,
Для гусениц, колёс, бегущих ног ли...
Мир черепиц, садов, соборных глав –
Всё это чётко виделось в бинокле...
Мы спали. Нам дышалось так легко!
И никому чутьё не подсказало,
Что за рекой –

Совсем недалеко –
Уже война
К прыжку ждала сигнала.
И только тот, чьи острые глаза
Приникли к стёклам, круглым
окулярам,
Знал, что вот-вот наземная гроза
Свет заревой затмит огнём-пожаром.
Польётся кровь по россыпи росы,
Померкнет утро, чистое до блеска...
Сейчас фашист посмотрит на часы,
Взмахнёт рукой
И «Фойер!» крикнет резко...
Я представляю это до сих пор:
Военный франт, у берега стоящий,
Заносит свой невидимый топор
Над жизнью,
Как над женщиною спящей.

ПЛЕННЫЕ

Годы в сердце живут без прописки.
Все так близки. И все на виду...
Помню пленных на станции Лиски

В октябре, в сорок первом году.
Сбитый лётчик, мальчишка зелёный,
Весь во власти таинственных пут,

Зло: «Хайль Гитлер!» кричал
исступлённо,
Добавляя: «Москау капут!...»
А потом, попоздней, в Сталинграде,
Где бесславье своё обрели,
Уцелевшие рослые дяди,

Как бродяги, понуро брели.
И один, не сдержавшись от вздоха,
Не по-зимнему – в тряпки обут,
Восклица: «Сталинград!
Очень плёхо!»
И заученно: «Гитлер капут!»

ПУЛЯ

Едва рванулись мы за лог,
На снежно-голубую долину –
Свинцовый свист!
Наш взвод залёг...
Вдруг что-то дёрнуло за спину.
Не сразу понял я в тот миг,
Что вещмешок прошила пуля...
И вновь – к деревне напрямик,
Где ждал нас немец, карауля.
Вперёд, вперёд сквозь жаркий шквал,
Пока весь гнев, весь пыл не вылит!

... Я вещмешок свой развязал –
В нём котелок пробит навывлет.
Смотрел на дырки по бокам,
Разгорячённый и усталый,
И дрожь бежала по рукам
От острой мысли запоздалой:
Не видеть мне бы синевы,
Чуть-чуть пониже пуля брызни –
На полвершка от головы,
Всего на полвершка от жизни.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1975.
– 25 ноября. – С. 3.*

МЛАДШИЕ ЛЕЙТЕНАНТЫ (из цикла «Воспоминания»)

Мы жили с весны на степном полигоне.
Курсантами были. И вот –
По звёздочке новой на каждом погоне,
У каждого должен быть взвод.
Туда, где огонь изрыгают мортиры,
Где в чёрном дыму горизонт,
Мы едем в машинах, юнцы-командиры,
Нас ждёт громяющий фронт.
Забыта казарма с постом у порога,
Далёк её тихий уют.
Любого в дороге волнует тревога:
«Что будет там – ранят, убьют?»
А летнее солнце печёт беспощадно,
Пылает, да так горячо,
Что, кажется, в этой степи неоглядной
От раны заныло плечо.
Но это лишь кажется. Фронт – за рекою.
И ты ещё цел-невредим.
На небо гудящее смотрим с тоскою,
На взрывы с опаской глядим...

Прорвались машины до нужной
стоянки.
Затихли моторы. Слезай!
Выходит майор пожилой из землянки.
– Передний не нюхали край?
Спросил так, наверно, одним озабочен,
Лишь глянув на нашу семью:
Мол, парни, что надо, но молоды очень,
Не струсят ли в первом бою?
А трусить нельзя им. Они ж –
командиры.
Им танки в бою отражать...
Стоим мы, в душе шутники и задиры,
И ждём, что он скажет опять.
Вот начал знакомство. Беседы недолги.
Майор всё вниманье напряг.
Спросил он у друга: – Откуда ты?
– С Волги.
– А ты? – у меня. – Сибиряк.
Свои у майора прикидки, расчёты.

Он другу сказал моему:
– Сперва покомандуешь взводом
пехоты.
Посмотрим, пригоден к чему...
Я думал: начнёт и со мной проволочку.
– Тебе... – Помолчал офицер.
И твёрдо поставил последнюю точку:
– Дадим тебе взвод ПТР...
Нет, я не молился на этого «бога».
За друга – обида моя:
Да, может, волжанин смелее немного,
Храбрее, отважней, чем я?
По танкам стрелять с ним учились мы
вместе,
И вдруг этот строгий майор

Сомненьем проникся, лишил его чести
Встречать эти танки в упор...
Одно было ясно, одно лишь понятно,
Что дело совсем не во мне,
А в тех земляках моих, кто многократно
Прославил Сибирь на войне.
Сибирь! В этом гордом солдатском
девизе –
На честь и вниманье права.
О ратных победах сибирских дивизий
Гремела в то время молва.
И доблесть сибирская – явь, не поверье,
Тут лишнего нет ничего...
Спасибо, товарищ майор, за доверье!
...Суметь оправдать бы его.

// Комсомолец Кузбасса. – 1977.

– 7 мая. – С. 3

Из солдатского блокнота

У известного кузбасского поэта, бывшего фронтовика, офицера в отставке Михаила Небогатова почти в каждой книжке можно встретить стихи о войне, написанные в разное время. Но, пожалуй, самое дорогое, заветное для поэта – хранящийся в домашнем архиве старый, поблёкший блокнот со стихами, датированными сороковыми – военными годами. Пусть эти стихотворные опыты в чём-то несовершенны, зато они – живое свидетельство тех грозных событий, которые выпали на долю молодого фронтового поколения, сверстников будущего поэта. Стихи из этого блокнота публикуются впервые.

ВОЗДУШНЫЙ ОБСТРЕЛ

Когда, прижимаясь к земле
Щекою, беспомощным телом,
Зажмуренный, словно во мгле,
Лежишь под воздушным обстрелом, –
Вся память твоя и душа
Пронизаны тем ощущеньем,
Тем чувством, что жизнь хороша
Любым своим кратким мгновеньем.
Любым, даже этим, когда
Вдыхаешь ты запах землицы,
И все, что прожиты, года –
Не зори, а только зарницы.
Так краток их издали блеск,
Мелькнули – не видно их боле.
А с неба – стремительный треск,

Он слит с ожиданием боли.
А может, не будет её,
Всё будет гораздо короче –
Кольнёт только сердце твоё,
И весь ты – в бездонности ночи?
Мгновенна и жалость к себе,
И грусть о живущем мгновенна...
– Отбой! – донесётся к тебе,
Приходишь в себя постепенно.
Колонна опять на ногах.
И «мессеров» как не бывало.
Всё стихло. И только в висках
Гул крови, как после обвала.
И рад, несказанно ты рад,
Что смерть обошла стороною,

Что видишь чуть дымный закат,
Чуть тронутый страшной войною,
Что можешь ромашку сорвать,
Глядеть на неё неотрывно,
Что степь эта – Родина-мать,
Где всё, до росинки, так дивно.
И веришь: ещё поживём,

Походим, побродим по свету,
Лишь только врага разобьём,
Ликуя, что «мессеров» нету.
А те, что прожиты, года
Увидишь иными ты вскоре:
Они пред тобой, как всегда,
Не просто зарницы, а зори...

Июнь 1941-го, район г. Броды.

В ПОЛДЕНЬ

Если надоест тебе в палате
Спать, читать, валяться на кровати,
Выходи во двор. Ты можешь там
Побродить по травам и цветам.
Если любишь солнце – скинь рубашку.
Или – просто ворот нараспашку.
Можешь, где ромашки, лопухи,
О природе сочинять стихи.

Скоро будет вновь не до неё –
Карандаш ты сменишь на ружьё...
Хорошо лежать в траве полынной,
Облака глазами провожать,
Чтобы этот полдень –
Знойный, длинный –
В зимний день в окопе вспоминать...

**Июль 1942-го, госпиталь
в Соль-Илецке.**

// Комсомолец Кузбасса. – 1984. – 24 ноября.

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Рано поколенью моему
Испытанья выпали на долю:
Жизни путь начать в огне, в дыму
По насквозь простреленному полю...

Как ни тяжело было на войне,
Как мы там ни мучились, страдая,
Не забыть вовек то время мне,
Потому что молод был тогда я.

СМЕРТНАЯ МЕТКА

По ракете – условному знаку –
В чуть светлевший предутренний час
Поднялись мы все дружно в атаку.
Привыкать ли! Бывало не раз.
И успел я, винтовку сжимая,
Покидая уютный окоп,
Вскользь увидеть, как пуля шальная
Обагрила товарищу лоб.
Вот «ура» уж гремит многократно,
А в глазах всё виденье одно:

Как сползает товарищ обратно
На сырое окопное дно...
Отступая, порой, атакуя,
Повидал сто смертей, может быть,
А вот эту, простую такую
И мгновенную – век не забыть.
Вспоминаю бои и походы,
Вой снарядов, бомбёжки, пальбу,
И всё вижу сквозь многие годы
Эту смертную метку на лбу...

*// Комсомолец Кузбасса. – 1985.
– 22 июня. – С. 2.*

*** **

Бранят тебя иные, молодёжь,
 Что, дескать, ты такая и сякая,
 Что ты не той дорогою идёшь –
 Такой, куда, мол, вывезет кривая.
 Что ты на всём готовеньком живёшь,
 Не сеешь и не жнёшь, легко порхая,
 Не так танцуешь и не так поёшь...

Все знаем: на земле мы только гости.
 Но мы судьбу за это не клянём.
 Наш неизбежный холмик на погосте
 Всегда далёким кажется нам днём.
 На праздниках, в любом застольном
 тосте
 Друг друга к счастью, к радости зовём.
 Тех, кто хандрит, подбадриваем:

С каким азартом наши мужики –
 Простые, добродушные натуры –
 По вечерам играли в городки,
 В пух разбивая разные фигуры!
 Летели от бакалки чурбачки,
 В пыли, в траве чертя фиоритуры.
 Подпрыгивали, будто поплавки,

Мальчишкою я был совсем не хилый,
 Но даром никого не задевал.
 Запомнился сокласник мой, верзила,
 Который мне проходу не давал.
 Нападки эти были так постылы,
 Что я себя однажды не сдержал,
 Обидчика ударил что есть силы –

О мудрости пословиц, поговорок
 Узнал я не из книг и словарей –
 От матери, чей образ сердцу дорог
 С шагов начальных до последних дней.
 Казалось, даже вечер в щели шторок

Короче говоря, во всём плохая.
 И невдомёк брюзгливым ворчунам,
 Что ты могла б ответить им по праву:
 А кто же к новым далям, временам
 Несёт своих отцов и дедов славу?
 Кто, если вновь гроза нагрянет к нам,
 Собою заслонит свою державу?

«Бросьте!
 Ещё мы повоюем, поживём!»
 Идём, и лёгких троп не выбираем,
 Нам по душе, которые трудней.
 Скорбим, когда родных, друзей теряем,
 Но в скорби любим жизнь ещё сильней.
 И если от чего-то вдруг сгораем,
 То чаще от любви безмерной к ней.

У тына зазевавшиеся куры...
 Мы, дети, подражали мужикам –
 Играли чуть в сторонке до заката.
 Замах, бросок, удар по городкам –
 И городки, как брызги, из квадрата!
 ...Как грустно, что теперь по вечерам
 В ходу иное: – Сбросимся, ребята?

Он вдруг упал. Вскочил и... побежал.
 Я в ухо залепил не инвалиду,
 А драчуну, что мог меня подмять.
 И понял, что нахалов, смелых с виду,
 Легко мы можем в трусов обращать.
 Но почему ж даём себя в обиду
 Там, где отпор достойный нужно дать?..

Из-под седых заглядывал бровей –
 Послушать, что сквозь морок, вьюги
 шорох
 Откроет память матери моей.
 А это было памятью народа.

Я всё спешил в тетрадку занести.
Не лезь, мол, в воду, коль не знаешь
брода.
Мол, жизнь прожить – не поле

перейти...
И слышал я, как вьюга-непогода
Шептала мне: – Запомни всё. Учти...

// Комсомолец Кузбасса. – 1977. – 10 сентября.

НА ТАЁЖНОЙ СТАНЦИИ

Доныне слышу летнее дыханье.
Всю жизнь я ощущать его готов.
Ты, юная, – среди благоуханья
Таёжных трав душистых и цветов.
Раздумье елей, мотыльков порханье.
У самых рельсов листья лопухов.
В лазурном небе солнца полыханье,
Как свет моей любви, как жар стихов.

И ничего мне большего не надо.
Приехал я на поезде туда,
Где ты ждала, скрывая нежность
взгляда,
Где я в глазах твоих читаю: «Да».
Я вижу, как ты встрече этой рада.
И сам я рад и счастлив. Навсегда...

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

Запомнилось одно: была луна
И под луной безбрежье полевое.
И тишина. Такая тишина,
Как будто мы остались в мире двое.
Грудь затопляла нежности волна,
Как весь простор – сиянье голубое.
Любовью нашей ночь была полна,
Волнуя нас, чаруя, беспокоя.

Мы шли с тобой в каком-то полусне
К огням – лучистым капелькам деревни.
Не знаю, что ты видела во мне,
А ты была в ту ночь под стать
царевне...
О, счастья ощущение при луне,
Как вечность, молодой, как вечность,
древней!

ВСЁ ЧАЩЕ

В автобусе, троллейбусе, трамвае
Всё чаще уступают место мне.
– Садитесь, – скажет девушка иная,
Поднимется и станет в стороне.
Что ей ответить? Вежливость такая,
Быть может, и оправданна вполне,
Но вызывает боль, напоминая

О прожитой весне, о седине.
Да разве в слове выразишь всё это?
– Спасибо, – говорю. – Я постою.
Легко понять спокойный тон ответа
За вежливость взаимную мою.
И знать не знает Зоя или Света,
Какую грусть я в этот миг таю...

ЖДУ ПИСЕМ...

Позёмка ли хвостом виляет лисьим,
Черёмуховый пенится ли цвет,
Я жду твоих, хотя б коротких писем,
Когда тебя со мною рядом нет.
От тёплых слов мы так порой зависим!
Услышим их на зов любви в ответ –
И улетаем в мыслях к дальним высям,

Где солнце и лазурь нам шлют привет.
Да, зов моей любви ты чутко слышишь
– Звучат твои слова, звучат в тиши.
И может, ты не так уж редко пишешь,
Прошу тебя: почаще мне пиши!
Разгадываю, чем живёшь и дышишь,
По письмам – фотографиям души.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 11 августа.
– С. 3. (рубрика «ВИТРАЖИ»).*

ВЫСОТКА

У каждого из нас своя высотка,
К которой мы настойчиво идём.
Зовёт она, то видимая чётко,
То смутная – под снегом и дождём.
Величественной кажется иль кроткой –
Но к ней прямым, нехоженным путём
Иди, спеши уверенной походкой,
Будь смелым в устремлении своём.
В пути любую выдержи проверку –

И зависти шипы, и плети зла.
Пусть не сверкать там после фейерверку
– Сама собой победа нам мила.
Когда взойдёшь – увидишь, глянув
сверху:
Высотка-то не так уж и мала!

*// Комсомолец Кузбасса. – 1984.
– 12 апреля. – С. 4.*

К 40-летию Великой Победы

«Венок сонетов» – архитектурная форма поэмы, строится так: тематическим и композиционным ключом (основой) является магистральный сонет (или магистрал), замыкающий собой поэму; этот, пятнадцатый по счёту, сонет пишется раньше других, в нём заключается замысел всего венка сонетов...».

В творческом активе кузбасского поэта, ветерана войны и труда Михаила Небогатова венок сонетов «Голос сердца» – уже второй. Первый – «Золотая осень» – был опубликован в газете «Кузбасс» 23 февраля 1972 года, а также в книге «Спасибо сентябрю», вышедшей в том же году.

ГОЛОС СЕРДЦА

ВЕНОК СОНЕТОВ

I

Не забыть июнь с его цветами,
С самой ранней алостью зари.
Под её весёлыми лучами
Оживали даже пустыри...
Слово! Ты не только мир природы –
Жизнь тех дней точней изобрази!..
Есть ничем не знатный город Броды

От границы западной вблизи.
С городом вот этим днём свиданья
Первомай был. Ясный, голубой...
Служба наша – взвод боепитанья,
Звание – простое: рядовой.
С новой жизнью, с армией братанье
Не забыть, покуда я живой.

II

Не забыть, покуда я живой,
Как тогда, в том солнечном июне,
Командир наш, стройный, но седой,
Объявил в субботу, накануне:
– Завтра мы не будем отдыхать.
Надо блеск придать оружию, складу...
Кто мог ждать, что отдыха не знать

Нам теперь четыре года кряду...
В ранний час – тревога!.. В дым одет
Город весь. И «мессеры» над нами...
Пол-Европы с лёгкостью побед
Прошагав парадными рядами,
А сейчас на нас, напав чуть свет,
Шли фашисты с чёрными крестами.

III

Шли фашисты с чёрными крестами,
Видно, и не думая о том,
Что над их могильными холмами
Не сочтёшь крестов больших потом...

Ну, а что же – взвод боепитанья?
Эту не обстрелянную рать
Велено: без риска, испытанья
В тыл отправить, там в кулак собрать.

Обучить – тогда уж и в сраженье...
Но война – для всех. Рискуй собой...
Мы в лесу, а лес тот – в окруженье.

IV

Шли и шли лавиной огневой
Чужаки. На отдых нам – ни мига...
Но всему конец бывает свой:
Под Москвой – крушение блицкрига!
Танки, пушки, трупы там и здесь –
Всё под снегом, саваном метельным!
Где твоя, фашист, и прыть, и спесь?

V

Шелестели листья-похоронки,
Матерей и жён лишая сил,
И в моей Сибири, в той сторонке,
Где давно мой дед и прадед жил;
Где и я стихом себя забавил,
Собирался с Музой дружить,
Где свою старушку-мать оставил,

VI

Верил тыл: разгромлен будет враг.
Ну, а тот, опомнясь от удара,
От Москвы вдаль не лез в овраг,
Задавал порой такого жара!..
Вот и нам, юнцам, пришла пора
Показать, способны ль на отвагу:
Взять местечко Зайцева гора!
Будем брать... Но не ступить ни шагу.

VII

Для могил фашистам – все воронки!
К Сталинграду рвались напролом –
Смяты средь развалин и щебёнки.
Тот же крах – под Курском и Орлом!..
Гнали мы врага, идя по следу.
Каждый бой – и с толком, и с умом –
Приближал великую Победу,

VIII

Над рейхстагом взвился красный флаг!
Словно символ счастья и печали:
Кажется, что кровью он набряк
Всех, кого мы в битвах потеряли.
Помню: в окруженье было нас –
Целый полк, а вышло меньше взвода.
Смерть людей косила каждый час,

Чтоб прорваться, в бой, ребята, в бой!
А враги – прервём ли их движенье? –
Шли и шли лавиной огневой.

Сбили мы её в бою смертельном!
Летом ты с гармоникой в губах
Выводил мотив весёлый, звонкий.
Не твоя ли «муттер», вся в слезах,
Нынче скорбно смотрит на иконки?..
Где война – там смерть. В её руках
Шелестели листья-похоронки.

Уезжая в армию служить.
Знал по письмам: было нелегко там,
На пайке держались кое-как.
Пацанов – и тех к большим заботам
Привлекли – нехватка в мужиках.
И хоть всё давалось солью-потом,
Верил тыл: разгромлен будет враг!

Стонут мины, хлещет пулемёт,
В поле снежном взрывы, посвист
тонкий...
Вдруг по телу – и огонь, и лёд...
Что ж теперь, ползи к исходной
кромке...
Боль души и раны мстить зовёт:
Для могил фашистам – все воронки!

Ту, в Берлине, в логове самом...
Вот и он – в обличии убогом,
В копоти, в пробоинах – рейхстаг.
С флагом, что несли по всем дорогам,
Там, вверху, наш воин, наш смельчак.
Миг, другой – на куполе пологом
Над рейхстагом взвился красный флаг!

Каждый день. И так – четыре года.
Сколько бугорков земли сырой
Память бередят неслышным стоном!
Вечно мы обязаны с тобой
Этим погребённым миллионам
Тем, что в дружбе с мирною судьбой
Столько лет под чистым небосклоном.

IX

Столько лет под чистым небосклоном
Мы дивимся звёздам и лучам!
Не пожаров зарева влюблённым,
А зарницы светят по ночам.
О далёком – роковом – июне
Лишь из книг известно молодым.
Тихое, без грома полнолуние

X

Добрые дела свои вершим
С огоньком души и вдохновеньем.
Опыт свой – подобие вершин –
Посвящаем юным поколениям...
Грозен мир. Вновь фюрера – вождя
Ищет новый Крупп, войною бредит.
Про «угрозу русскую» твердя,

XI

Говорим с врагом спокойным тоном.
Крик – бессилье. Всё познав в судьбе,
Оградив страну свою заслоном,
Твёрдо мы уверены в себе.
Нынче год – не сорок первый горький,
Не июнь, что был защитой плох.
Ни глубокой ночью, ни на зорьке

XII

Мы себя в обиду не дадим.
Слава богу, повидали виды.
Натерпелись – прямо говорим –
На своём веку лихой обиды.
За себя достойно постоять
Завещали нам герои Бреста.
Как воочью видим их опять:

XIII

Чтоб не гаснуть зорям и знамёнам,
С дней октябрьских мой родной народ,
Полный устремлением исконным,
Мир, как хлеб насущный, бережёт.
Всё для мира – сердце, ум, таланты!
Не народа, не его вина,
Что сжимали мир тиски Антанты,

XIV

Всем народом мы за мир стоим –
Ветеран бывалый, школьник юный.
То, что есть на сердце, не таим,

Полной мерой дарит радость им.
Да и мы, хотя уже в отставке,
Всем, что нам осталось, дорожим.
Не хотим подрёмывать на лавке,
На режим постельный не спешим.
Прихворнём, а чуть пойдёт к поправке –
Добрые дела свои вершим.

Далеко ль на том коньке уедет?
Никому от нас угрозы нет!
Это им, воинственным персонам,
Жизнь не в жизнь без пушек и ракет,
Неспроста мы – на посту бессонном...
Посмотри экран, листы газет –
Говорим с врагом спокойным тоном.

Недруг не застанет нас врасплох...
Коль опять война – сгорит планета.
Пусть никто не грезит: «Победим».
Победитель, побеждённый – это
В ядерном огне, как миф и дым.
А ударит кто – пусть ждёт ответа.
Мы себя в обиду не дадим.

Знали, что погибнут, а ни с места!
Завещал блокадный Ленинград
Мужеством великим, непреклонным.
И концлагерь каждый – сущий ад –
Дал завет: ни перед кем – с поклоном!
Кличем жизнь сама: всё сделай, брат,
Чтоб не гаснуть зорям и знамёнам!

Вьюжила гражданская война...
И тогда народ наш строил, сеял,
Но, отдав приказ войскам своим,
Бойню Гитлер, лицедей, затеял,
Сжёл в ней договор о мире с ним...
Чтобы атом Землю не развеял,
Всем народом мы за мир стоим.

Выйдя на высокие трибуны.
Наша сокровенная мечта:
В мире жить со всеми на планете,

Жить, работать так, чтоб никогда
Не взорваться ядерной ракете.
Верьте нам: страшнее нет невзгод,
Чем войны безжалостное пламя.

XV

Не забыть июнь с его цветами.
Не забыть, покуда я живой.
Шли фашисты с чёрными крестами,
Шли и шли лавиной огневой.
Шелестели листья-похоронки...
Верил тыл: разгромлен будет враг.
Для могил фашистам – все воронки!

Столько лет прошло, а сердце жжёт,
И кошмар её – перед глазами...
Не забыть нам сорок первый год.
Не забыть июнь с его цветами.

Над рейхстагом взвился красный флаг!
Столько лет под чистым небосклоном
Добрые дела свои вершим.
Говорим с врагом спокойным тоном:
Мы себя в обиду не дадим.
Чтоб не гаснуть зорям и знамёнам,
Всем народом мы за мир стоим.

Январь–февраль 1985 г. г. Кемерово.

// Комсомолец Кузбасса. – 1985. – 21 февраля. – С. 4.

*** **

АНТОЛОГИЯ ЛИРИЧЕСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

КОГДА ТЕБЕ ВСЕ ЛЮДИ ХОРОШИ...

МИХАИЛУ НЕБОГАТОВУ – 60

Нашему старшему товарищу, нашему пристрастному наставнику, известному кузбасскому поэту Михаилу Небогатову исполнилось 60 лет. Мы сердечно поздравляем его от имени всех читателей газеты. Мы желаем ему оставаться молодым. Пусть прозвучат его новые стихи в молодёжной поэтической рубрике.

Не терплю я образной красоты,
И скажу попроще, без прикрас:
Странно, до седин дожив, до сивости,
Выставлять всю душу напоказ.
Странно в стих любовный вдруг

удариться...
Только что поделать, раз душа
Не черствеет с возрастом, не старится,
Вольным ветром юности дыша.

Когда у нас согласие, мир –
Готов свернуть я горы,
Но целый свет и сер и сир
От самой мелкой ссоры.

Всё так немило для души.
Уюта нет в квартире...
Как нам добиться, подскажи,
Чтоб жить лишь только в мире?

Ты как где-то на том берегу,
Не река между нами – пучина.
И томит меня злая кручина.
Не могу без тебя, не могу...

Вспоминаю цветы на лугу,
А за окнами – осень, ненастье.
Жить в разлуке – такое несчастье.
Не могу без тебя, не могу.

Милая, милая, милая, –
Как заклинанье, шепчу.
Тайной прикованный силою,
Сердцем к тебе я лечу.

Если б и ты с этой мукою
Зналась, нежней становясь,
Крепла бы с каждой разлукою
Наша духовная связь.

Живи в столице иль в глуши,
Душа легко и больно ранится.
Когда она одна, как странница,
Не знает родственной души...

Благодарю судьбу свою
За то, что так ведётся исстари,
Что я к тебе – к надёжной пристани –
В часы ненастья пристаю.

Бывает состояние души,
Какое-то почти необъяснимое,
Когда тебе все люди хороши,
И всё вокруг – особенно любимое.
Вот этот миг – смиренье и покой.

До сладкой боли ты к своей
единственной
Весь переполнен нежностью такой,
Что эта нежность кажется
таинственной.

Была ты смолоду, как мать:
Добра, нежна, сердечна.
Тепла тебе не занимать –
Оно с тобой извечно.

И потому ты мне всегда
Мила, в размолвке даже...
Идут года, идут года,
А ты всё та же, та же.

Тебя, мою хорошую, родную,
С кем прошагал немалый путь земной,
Случается, мучительно ревную
К сопернику, придуманному мной.
Он – дым, воображение, и всё же

Я с ним, незримым, в мысленной
войне...
С годами дорогое нам дороже,
Любимое – любимее вдвойне.

Рано проснулся, ещё не светало,
Быстро поднялся. Теперь не до сна.
Ты прилетаешь! Так празднично стало,
Будто примчать обещала весна.
Будто уже расцветают газоны

Там, где лежат ещё снега мазки...
Встречи, прощанья, всегда вы
бессонны.
Радость и горечь, как сёстры, близки.

После расставанья, даже краткого,
Под порошей или же листвой,
Ты найдёшь счастливее навряд кого,
Чем твой друг, слуга покорный твой.

Ласково, улыбчиво, доверчиво
Добрые глаза твои глядят.
Я готов ловить с утра до вечера
Всё, что говорит мне этот взгляд.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1981. –
3 октября. – С. 3.*

МИНУТЫ

Что значит долька времени – минута,
А нет ни у одной из них пустот.

Вот чью-то жизнь украла. Вот кому-то
Явила свет, что солнечно цветёт.

Счастливая минута – есть открыть!
Бесславная – в ходу злодейства кнут!..

Мы говорим: поступок, шаг, событие,
И всё – из этих маленьких минут.

ВСЁ В СЕРДЦЕ МОЁМ

Каждый мигом привык дорожить
В звоне дождика, снежного хруста ли.
Как прекрасно, как радостно жить,
Любоваться всем сущим без устали.

Всё, чем в дали зовёт окоём,
Всё, что сбудется или не сбудется –
Всё останется в сердце моём,
Не забудется, нет, не забудется.

ТВОИ ДЕЛА...

Сердца не закрываются на ставни
У тех, кто делать доброе привык.
В любом труде учитель есть, наставник,
А у него – прилежный ученик.

Ты учишься, чтоб ладилась работа,
И этому далёк ещё конец,
А между тем для юного кого-то
Твои дела – уже как образец.

// Комсомолец Кузбасса. – 1982. – 28 января.

РАДОСТЬ

Когда в какой-нибудь из дней
Приходит радость, словно зорька,
За тех, чьи встречи редки с ней,
В тот день особенно мне горько.

Я, эту горечь не тая,
Желаю – добрая минута! –
Чтоб радость точно, как моя,
Пришла сейчас ещё к кому-то.

ПЕСНЯ

Нету в песне изюминки, перцу,
Заурядна сама по себе,
Но лишь тем эта песня по сердцу,
Что была в материнской судьбе.

И одно мне из этого ясно,
И с годами всё больше ясней:
Всё, что связано с мамой, – прекрасно,
Всё любимо, что связано с ней.

НА ВЫДАНЬЕ

Зрелости женственной вестница –
Строгость походки, лица.
Девушка явно невестится,
Ждёт своего молодца.

Всё уже близко без вымысла –
Время свиданий, разлук...
Так на глазах вот и выросла,
Встав на высокий каблук.

ВЕЛИКОДУШЬЕ

Вы с ним отнюдь не на ножах,
Мол, будем биться, зубы стиснем.
Вы в главном на одном пути с ним,
Но лишь на разных рубежах.

Пусть в чём-то он тебе вредит,
Не придавай тому значенья,
Будь терпелив. Не злость, не мщенье –
Великодушье победит.

ЕСЛИ БЫ...

Если б не клубились тучи по небу,
Закрывая солнечную синь,
Никогда, наверно, я не понял бы,
Как прекрасна летняя теплынь.

Если бы и дни и расстояния
Нас не разлучали, словно мрак,
Встрече нашей после расставания
Никогда б не радовался так!

// Комсомолец Кузбасса. – 1982. – 9 сентября.

ПОД СТАРОСТЬ

Живёшь, где людно, не в скиту,
Не помышляешь стать отшельником,
Но погрузишься в суету –
И чувствуешь себя бездельником.

Под старость тропка коротка,
И с каждым днём на ней тревожнее:
Как избежать того мирка,
Где из пустого льют в порожнее?

ВРЕМЯ

Снова вспомнил далёкую пору,
Ту, когда нам на счастье везёт:
В детстве время, как будто бы в гору
Очень медленно, тихо ползёт.

А как только достигнет вершины,
На какой ты уже седоглав,
Время вроде опасной машины
Под уклон понесётся стремглав.

// Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 7 апреля.

И СВЕТ, И СУМРАК...

Чувства любят жизнь разнообразить:
То приходит радость, то беда...
Праздник на душе, но, чтоб не сглазить,
Внешне мы спокойны, как всегда...

Вот беда. Но в чём её примета?
И при ней мы с выдержкой в ладу.
Лишь в глазах не скрыть ни то, ни это:
В них и свет, и сумрак – на виду.

СЕРДЦЕ – СЕРДЦУ

Если далеко мы друг от друга, –
Между нами дым разлуки част, –
В час душевной боли, в час недуга,
Знаю: сердце сердцу весть подаст...

Вот опять сдержать не в силах вздоха.
Так тоскливо, так не по себе.
Не пойму и сам, с чего мне плохо.
Видно, плохо в этот миг тебе.

НЕ ЛЮБЛЮ

Не люблю пустозвонство, бодрячество –
Закидаем, мол, шапками всех.
Не люблю залихватское ячество,
Хвастовство не на шутку, не в смех.

Нет, преграда сдаётся не всякая,
Нелегки наши схватки с врагом.
И умней, благородней – не якая,
Говорить с похвалой о другом.

МАТЬ ОДНА

Нет, не для красного словца
Мы говорим, немногословны,
Что очень близкие сердца –
Как будто бы единокровны.

Не зря я вспомнил это вновь,
Свой сон раздумьем нарушая.
Да, мать одна у нас – любовь,
Как в расставанья дни, большая.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1983.
– 8 декабря. – С. 3. (рубрика «ВИТРАЖИ»).*

*** **

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Не удивлять, а удивляться
Пришёл я в этот светлый мир,
Где цвет черёмух и акаций
И неба синий кашемир.
Спешу ли я навстречу маю,
Иду ль навстречу сентябрю –

Всё время что-то открываю
И вдохновением горю.
Моим открытиям нет предела.
Дивлюсь, живя среди людей,
И красоте лица и тела,
И высоте людских идей.

Всей жизни – бурной, многоликой, –
По-детски радуясь, дивлюсь.
И этой радостью великой
Я с вами дружески делюсь.

Зори вёсен со мною,
Просыпаюсь – смотрю.
А какой-то весною
Не встречать мне зарю.
Славлю пору расцвета,
Солнце жаркого дня.
А какое-то лето
Расцветёт без меня.
Славлю осени просинь,
Желтизну на лугу.

Я очень завидую звёздам –
Всю ночь пламенеет звезда...
И я для горения создан,
Да только горю не всегда.
Бывают и дни, и недели,
Что тихим застоём грозят:
Как будто подводные мели
Движенья души тормозят.
Упрёшься – и стронуться трудно,
Хоть отдыха ты не просил...

Чтоб в серебре метельной пыли
И в звоне вешнего ручья
Вы так же крепко полюбили
Наш краткий праздник бытия.

А какую-то осень
Я воспеть не смогу.
Славлю звонкий зазимок,
Белизны благодать.
А каких-то снежинок
Не смогу увидеть...
Грустно думать об этом.
В край ночной, далеко
И зимою, и летом
Уходить нелегко...

Меж тем неприметно, подспудно
Идёт накопление сил.
Пусть руки безвольно повисли,
И вдруг ты на крыльях уже:
Рождаются новые мысли
И чувства вскипают в душе!
С бесстрастностью неба ночного
Я спорю в ночной тишине:
Дарю что-то людям я снова,
И звёзды завидуют мне.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1965.
– 14 марта. – С. 3.*

АККОРДЕОН

Лирическая поэма

1.

Детьми судьба их обделила,
Уже и старость тут как тут...
И до чего же сердцу мило,
Когда племянники зайдут.
Вот и сегодня – гость желанный.
– Не ждали? Здравсте! Вот и я!
Газету вынул из кармана.
– Что это? – Здесь моя статья...
Облобызались троекратно.
Заметно гостю по всему,
Что видеть им его приятно,

Что рады старые ему...
Едва разделся – полной чашей
Его уже встречает стол.
– Ты по пути, наверно, Саша?
– Нет. Попроведовать пришёл.
Как жизнь?
– Да лучше всех, пожалуй, –
Хозяин весело в ответ. –
Как скрипачи... скрипим помалу.
Других у нас занятий нет.
– Не отвлекал бы разговором.

Как заведёшься – недоест, –
Жена к хозяину с укором: –
Пускай, как следно быть, поест...
Она уж больно хлебосольна.
Кто ни приходит – рада всем.
За стол усадит – и довольна:
Мол, угостить найдётся чем.
– Ешь, Саша, ешь, – сказал и дядя. –
Ещё про всё поговорим...
Тот улыбнулся, хитро глядя,
И – раз! – бутылку перед ним.
– Ну, будь здоров. С твоим успехом!
Спасибо, гость наш дорогой...
Так за беседой, с шуткой, смехом

2.

И была торжественность в моменте:
Голову склонив, прикрыв глаза,
Слушал фронтовик, как в инструменте
Возникали жизни голоса.
Так уже бывало не впервые:
Забывал племянника, жену,
Помнил лишь дороги фронтовые,
Долгую, тяжёлую войну.
Помнил, как военным первым летом
Там, где не смолкал и гром, и свист,
Был фашист – секрета нету в этом –
И силён, и весел, и форсист...
Как от шнапса, зноя краснорожи,
Орды их – по локоть рукава –
Шли хлебами, с саранчою схожи,
«Рус, сдавайся!» выучив слова.
Как столкнув нас где-нибудь в болотце,
В нашем, только занятом, селе
Гоготали, ржали у колодца,
От разбойных дел навеселе.
И всего больнее в той печали
Было и для мёртвых и живых:
Как фашисты во дворах играли
На своих гармониках губных.
Раздражая, душу надрывая,
Будто наждаком её скребя,
Заливалась музыка чужая,
Словно где-то дома у себя.
Словно им война – одни игрушки...

Сидят они часок, другой.
Племянник знал: одни хмелеют,
Душой вдали от всяких дел –
Приободряясь, веселеют,
А дядя Гриша – тот грустнел.
Он после двух ли, трёх ли рюмок
Среди родных или друзей
Был весь в плену каких-то думок,
В плену прожитой жизни всей.
В таком душевном настроенье
Вдруг от стола поднялся он,
Взял и поставил на колени
Трофеей войны – аккордеон.

И тогда, собрав своих ребят,
Раненых, усталых, возле пушки,
Сам он заряжал её, комбат.
И хотя стоять уж было не с кем,
Вскидывал широкую ладонь
И, сливая гнев с движеньем резким,
Сам себе командовал: – Огонь!
И одним оставшимся снарядом,
Как перед последнею межой,
С ненавистью бил по наглым гадам,
По занудной музыке чужой!
Вы хотели русских взять нахрапом?
Получайте!.. Взрыв – и тишина.
Словно им заткнули пасти кляпом –
Ни одна гармошка не слышна!
Но была крепка фашистов сила.
Для неё снаряд один – не в счёт.
Всё живое вновь она разила,
Орудийный выкосив расчёт...
Сам в живых остался – просто чудо.
Эх, поля, чужие и свои!
Сколько не вернулось нас оттуда,
Скольких искромсали нас бои...
Дни и ночи, месяцы и годы,
Вы тянулись медленной арбой.
Вы ползли, но Родины невзгоды
Оставляли в прошлом, за собой.
Вот уже в немецкое предместье
Наши танки врезались, пыля.

Вот уж наше русское возмездье –
Над тобой, германская земля!..
И однажды майским синим утром
Шустрый батареец Ерофей
Новенький, сверкавший перламутром,
Притащил комбату свой трофей...
Осторожно (очень бережливый!)
Он открыл футляр, как чемодан.
– Посмотри, какой струмент красивый.
На, играй, товарищ капитан!..
И затишье краткое наруша,
Зазвенел мотив родной, простой:
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой...
Вспомнились любимые мотивы:
Выплывают Разина челны...
Заиграли звуки-переливы
Про Иртыш, про плеск его волны...
А когда ударили салюты
В честь Победы – вспыхнули меха
Золотом. Счастливые минуты!
И была та музыка лиха.

– Ну, всё. Небось, вам надоело?
– Нет, дядя Гриша, ты – талант.
Не просто любишь это дело,
А настоящий музыкант!

3.

Пели и ребята, и девчата.
Песня к солнцу, к миру всех звала.
Пели: помирать нам рановато,
Дома есть у нас ещё дела!
Побросав на землю сумки, ранцы,
Зная точно: Гитлеру – капут,
Из союзных армий иностранцы
Слушали, как русские поют.
Хоть для многих музыка – чужая,
Но как статен русский командир!
Улыбались, радость выражая
По плечу хлопками: – Bravo! Мир!
Капитан – красивей нет на свете,
Пусть, его послушная рукам,
Музыка летит по всей планете,
Птицею взмывая к небесам!
В этот час, за страшным ураганом,
За чертой, где слёзы, кровь и стон,
Жизни
Торжествующим
Органом
Всем звучал простой аккордеон.

– До музыкантов далеко мне...
Они, сам знаешь, на виду.
А я лишь так... Войну припомню,
Возьму – и душу отведу...

*// Комсомолец Кузбасса. – 1975.
– 12 июля. – С. 3.*

*** **

О ПРИРОДЕ

АВГУСТ

Август – праздничного облика:
У него на голове
Белизна папахи – облака
В яркой, сочной синеве.
За горой взмахнёт он молодо
Бахромой ресниц-лучей –
Жарче вспыхнет хлеба золото
В беспредельности полей.
Над лугами, ливнем смятыми,
Возле дремлющих кустов

Дышит август ароматами
Сена, вянущих цветов.
Он звенит дождями в жёлобе,
Он закатом свеж, здоров.
У него в заплечном коробе
Много солнечных даров –
Огурцы, арбузы, яблоки,
Помидоры, лук, морковь...
Но ночами зябнут зяблики:
Близко где-то осень вновь.

И, чтоб с летом расставание
Было радостно, светло,
В полдень август на прощание

Не скупится на тепло...

г. Кемерово.

*// Комсомолец Кузбасса.
– 1964. – 30 августа. – С. 3.*

ПИСЬМО ОТ ОСЕНИ

Ветерок в круженье хлопотливом,
Разорвав тумана волокно,
Золотой, с оранжевым отливом
Лист кленовый бросил мне в окно.
Это осень, осень золотая,
Прислала мне письмецо своё!
И держу я листик тот, читая
Дорогую весточку её...
Пишет осень: лето проводила
По ещё зелёному ковру
И тотчас за парты усадила
До весны далёкой детвору;
Чтоб как можно праздничнее в классе
Начинался первый их урок,
Всё тепло, какое есть в запасе,
Подарила, глянув за порог.
А сама неяркой поздней зорькой –
На поля, где колкое жнивье:
Поскорей управиться с уборкой –
Вот забота главная её.
Там, в полях, гордясь собою втайне,
Засучив по локоть рукава,
Загорелый парень на комбайне
Буйной ржи штурмует острова.
И глаза его светло лучатся,
Увидав, как в меркнувших лучах

К маяку в степи машины мчатся
С драгоценным грузом в кузовах...
Незнакомо осени безделье –
Подвести под крышу дом сумеи,
Чтоб смогло отметить новоселье
В этом доме множество семей.
Потому команды «Майна!», «Вира!»
Раздаются звонко допоздна
Там, где будет новая квартира,
Где бокал поднимут: «Пьём до дна!»...
По делам и хлопотам – прозаик,
По душе – романтик и поэт,
Входит осень в круг домохозяек,
Поднимаясь на ноги чуть свет.
Во дворе колотит по подушке –
Столько пыли было летним днём!
Промывает гулкие кадушки
И хрустит капустным кочаном.
Тихий, грустный шорох под ногами
Пешеходу слышится в ответ,
Да скользкий низко над лугами
Чуть ласкает щёки нежный свет.
Блеск его, как искра от кресала,
В роднике сверкает под кустом...
Вот о чём мне осень написала
На листе кленовом золотом.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1964.
– 13 сентября. – С. 1.*

Дали в мареве. Блёклое небо
Раскалилось почти добела.
Веет жаром от спелого хлеба,
Как в избе от печного чела.
Тишь. Безветрие. Птиц безголосье.
Молчаливо проносится стриж...
Только шорох бескровных колосьев
Нарушает полдневную тишь.

ЗНОЙ

А лучи из-под облачной чёлки
Продолжают палить и слепить.
Еле слышится крик перепёлки –
Безнадёжный и жалобный – «Пить!»
Даже тень моя дышит тревогой.
Даже резвый кузнечик притих.
И невесел над пыльной дорогой
Жаркий шорох колосьев сухих...

СКУПОЙ ДОЖДЬ

Давно, земля, дождя ты ждёшь.
Сойдутся тучки – и растают...
Наверно, всё же будет дождь –
Как низко ласточки летают!
И впрямь – закрыла небо мгла,
И вдалеке я грохот слышу.
Дождинки первая игла,
Звеня, ударилась о крышу.

Уже готова детвора
Бежать под дождь с весёлым визгом.
Но прошумел он среди двора
Так скупо, коротко. Побрызгал.
И стих. Жара грозит бедой...
Свежее в воздухе не стало...
Лишь водосток шумит водой
Обманчиво и запоздало.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1965.
– 8 августа. – С. 3.*

ЛЮБЛЮ

Может быть, кому-то странно это,
Рассмешит, быть может, кой-кого:
Я встречаю ранний час рассвета.
Как большого друга своего.
Огорчаюсь, если он печален,
Улыбаюсь, если он лучист...
Вот в огне оранжевых подпалин
На ладонь кладу кленовый лист.
Никаких проблем я не решаю,
Просто, видя сморщенный листок,
Снова май цветущий вспоминаю
И жалею: краток лета срок...
Выйду в поле, в море бездорожья,
Гляну вдаль – и сердце защемит.
На цветке сухом коровка божья
Алой каплей солнечной горит.
Затрещал и вновь утих кузнечик.
Пролетел последний мотылёк.

Как знакомый голос, звон уздечек
Чем-то светлым на душу мне лёг...
Попрощаться с рощей в платье пёстром
Захожу и долго там стою.
Грусть и радость вместе
Чувством острым
Наполняют тихо грудь мою...
Всё уже когда-то это было –
И стерня, и низких туч гряда, –
Но до дней последних будет мило,
Не уйдёт из сердца никогда.
Шлю привет степному небосводу,
За рекой седому ковылю!
Нет, не просто я люблю природу,
А Россию, Родину люблю.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1965.
– 10 октября. – С. 3.*

СВЕТЛЫ НАГРАДЫ СЕНТЯБРЯ

Дни на исходе сентября.
По всем путям родного края,
Багрянцем, золотом горя,
Проходит осень золотая.
Ах, что это за красота!..
Как будто для красы чудесной
Взяла все краски и цвета
У летней радуги небесной.
Тут, рядом, хвойный изумруд
И свет оранжевых осинок.
Берёзы желтизной цветут

Над бурой ржавчиной низинок.
Венцом красавца сентября
Сверкает радуга земная.
Прощальный свет земле даря,
Проходит осень золотая.
У мая синий-синий взор
Она взяла займы, наверно,
Чтоб синевою рек, озёр
Нас нынче радовать безмерно.
Светла награда сентября,
Лучами ярко залитая.

Поля зазимком серебря,
Проходит осень золотая.
Она туманом по утрам
Скрывает солнечные дали,
Где тихий лес – осенний храм –
Молчит в задумчивой печали.
Но вот тумана пелена
Уйдёт, расстелется холстами –
И даль безбрежная видна,

Уже пустынная местами.
Лишь крутобокие стога
Недвижно стынут в полудрёме,
Да синевой своей тайга
Стеной стоит на окоёме.
Сентябрьский день. Закатный час,
Весёлый праздник урожая.
И сердце радуя, и глаз,
Проходит осень золотая.

М. АЛЕКСАНДРОВ.

// Комсомолец Кузбасса. – 1973.

– 22 сентября. – С. 1.

*** **

ЗИМНИЕ СТИХИ

ЗИМУ УВОЗЯТ

Уж коль зиме в свои просторы
Уйти не хочется самой,
Решили дворники, шофёры
Не церемониться с зимой.
С утра доносятся до слуха
Смех и весёлые слова –
Как ни упрямятся старуха,
Сгребают снег и – в кузова!
И, заурчав на повороте,
Увозит бойкий самосвал
Метелей серые лохмотья,
Сугробов сморщенных навал.
Справляя шумные поминки,
Лихой смеющийся шофёр

Увозит первые снежинки
И окон сказочный узор.
В поля, к белеющему логу
Под беспощадный яркий свет,
Увозит зимнюю дорогу,
Где отпечатан милый след...
И – нет зимы. Опять с зарёю,
Рассыпав трель во все концы,
По-над Кузнецкою землёю
Летят, летят, летят скворцы!
Взгляни в окно, зайди ли в сквер ты –
Они на крыше, на сосне,
Живые звонкие конверты
С желанной вестью о весне!

// Комсомолец Кузбасса. – 1964.

– 26 апреля. – С. 3.

МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

Мороз жестоко, хладнокровно
Сжимает мир в свои тиски,
В домах постреливают брёвна
И треск доносится с реки.
Как жгучий воздух щёки режет!
Как он глаза слепит – до слёз!
А у вокзала – стон и скрежет
С путями смёрзшихся колёс.
Возьми ведро с водою льдистой –
И прикипит оно к руке.

Как в шубе тёплой и пушистой,
Деревья в пышном куржаке.
Желтеет солнце в дымке синей.
Весь день оттуда, с высоты
Летит, мерцая, лёгкий иней,
Ложась узором на кусты.
И как сладка в минуты эти,
Когда всё стынет на земле,
Мысль о тепле, о ярком свете,
О крепком чае на столе!

Но загляни на лесосеку,
Где кедров падающих гул, –
В работе жарко человеку,
Он телогрейку расстегнул!
Мороз ведёт свою настройку
На неживой, скрипучий лад,
Но загляни сейчас на стройку –
Там хоть кого развеселят!

Там грузы вешают на крюки,
Смахнув ненужный снежный мех,
Горячей кровью дышат руки,
Как колокольчик, звонок смех!
А злой зимы всё злей угроза.
Зиме такой простор открыт,
Что даже небо от мороза
Румянцем под вечер горит!

// Комсомолец Кузбасса. – 1965.

– 24 января. – С. 3.

ВЕЧЕР В ПОСЁЛКЕ

Зимний вечер приходит в посёлок,
В задремавшую рядом тайгу
Синевой у серебряных ёлок
На серебряно-белом снегу.
А когда над лесным частоколом
Загустеет закатная медь.
Всё вокруг, что открыто и голо,
Начинает слегка розоветь.
Розоваты под снежную ватой
Лапы ёлок у низких ворот,
И дымок над трубой розоватый,
И в наносных холмах огород...
Вот в избе за сугробами где-то,
Где безмолвье и белая мгла,

Золотистая капелька света
Так приветно к себе позвала.
Вот за нею другую и третью
Холодеющий вечер зажжёт...
А мороз обжигает, как плетью,
И скрипит под санями снежок.
Даже красное в небе светило,
Тусклый блеск разбросав по лесам,
На морозе как будто застыло,
Поглядишь – и не больно глазам.
...Всё надолго оставлю с собою:
Запах свежести, шорох саней,
Медь заката над синей тайгою,
Золотистые капли огней.

В ЯНВАРЕ

Зима повернула на лето.
Над чистым мерцаньем снегов
Всё раньше улыбка рассвета,
Всё позже печаль вечеров.
Мороз. От его поцелуя
Румянятся щёки твои.
И всё ж, перемену почуя,
Кричат веселей воробьи.
Вдали, у прибрежного ската,
Когда опускается тень,
Такая полоска заката,

Как будущий солнечный день.
Как прутик, в костре раскалённый,
Горит она в лад с тишиной
Над гладью реки,
Убелённой
Январской густой сединой.
И грустно, и радостно это.
Вот день догорел, как всегда.
...Зима повернула на лето.
Ах, как вы летите, года!

// Комсомолец Кузбасса. – 1966.

– 16 января. – С. 3.

*** **

МНОГО ИХ...

Много их, кто не дошёл до цели,
Не доделал стих, не кончил спор...
Этих уложили на дуэли
Беспощадным выстрелом в упор.
На того накинута чухотка,
Унесла во тьму из милых мест.
А на этом ржавая решётка
До поры поставила свой крест.
Ну, а тот, казавшийся счастливым,
Больше всех которого люблю,
Оглушён отчаянья порывом,
Приготовил сам себе петлю...

Пусть не всё, о чём они мечтали,
Удалось им сделать на земле,
Но и то, что люди эти дали, –
Словно луч, сияющий во мгле.
А насколько были б мы богаче,
Как вокруг убавилось бы зла,
Если б относились к ним иначе,
Если б жизнь их долгою была!
К бронзовым фигурам одиноким
Мы цветы приносим. И грустим.
Принести бы их в иные сроки,
Подарить не мёртвым, а живым.

// Комсомолец Кузбасса. – 1964.

– 22 марта. – С. 3.

В ГОСТЯХ У ДЕТСТВА

Это многим, наверно, знакомо:
Прилетев на больших скоростях,
Я стою у родимого дома,
У далёкого детства в гостях.
Сердце бьётся то чаще, то реже.
Обжигает мне горло комок...
Та же крыша и ставенки те же,
Я доньше забыть их не мог.
Но окошки с дремотою сладкой
И при свете июньского дня
Не блеснули весёлой догадкой –
Равнодушно глядят на меня.
А уж тополь, разросшийся рядом,
Не приветил и лёгким кивком.
Закалённый метелью и градом,
Он и вовсе со мной не знаком.
Без меня он был кем-то посажен,
Чтобы скворчик в листве его пел.
Без меня, многодумен и важен,
Он состариться даже успел...
Я не жду под небесною синькой,
Что разлуки растопится лёд,
Что, назвав по-старинному Минькой,
Голос мамы меня позовёт.
По-иному года не расставить,

Не такое у мамы жильё.
Сколько лет собираюсь поправить
Дорогую могилку её...
Я не знаю, что будет со мною.
Я вернулся в минувшие дни.
Вновь звучат за моею спиною
Голоса поредевшей родни.
Вижу ясно дороги и тропы,
По которым когда-то прошёл.
Там кресты «Мессершмитов», окопы
И костры догорающих сёл...
Как во сне, я берусь за колечко
На калитке, что сникла совсем.
Вот ступил на чужое крылечко,
Постучал неизвестно зачем.
Словно после крутого подъёма,
Глубоко и неровно дышу.
Что скажу я хозяину дома
И о чём я его попрошу?..
Вышел мальчик. С обычным приветом.
Разбудил его, кажется. Жаль.
Был я, помнится, в возрасте этом,
Уезжая в безвестную даль.
Он кивает в ответ: – Понимаю.
Будто понял и вправду слова

О тоске по родимому краю,
Что до старости самой жива...
Где-то звук отдалённого грома,
Словно в детстве, за дальней межой.
Я приехал домой – и не дома.

Всё чужое? И сам я чужой?..
Ни к чему заходить мне к соседу,
Объяснять и с расспросами лезть.
Завтра утром я снова уеду.
Только сердце останется здесь.

Гурьевск – Кемерово.

// Комсомолец Кузбасса. – 1964.

– 5 июля. – С. 3.

НЕПОВТОРИМОСТЬ

Что всё на свете зыбко, мимолётно,
Острей, больней я начал замечать.
С минувшим днём прощаюсь неохотно,
Его готов я заново начать.
Люблю ловить дыхание рассвета,
Шаги его – росой по траве.
Но вот уже ушло мгновенье это,
Растаяло в полдневной синеве.
Заходит друг, и в комнатном уюте
Звучат слова и светятся глаза.
А за окном на память о минуте,
Гремя, сверкая, буйствует гроза.
Но, как и утра лёгкое дыханье,
Опять остались в вечности, в былом
Беседа наша, молний полыханье,
Весь этот день – с добром своим и злом.
Потом заря вечерняя в полнеба
Меня далёко в поле позовёт,
Чтоб я запомнил тихий шелест хлеба,

Звон ветерка и ласточек полёт.
Когда же ночь накроет мглою зданья
И погрузятся в сон и дом, и двор,
Придут ко мне одни воспоминанья
И заведут безмолвный разговор.
И целый мир проявится в них снова –
Кленовый лист, блестящее весло,
Улыбка чья-то, чей-то жест и слово
И грусть о том, что всё навек ушло.
И вместе с этим – радостная дума,
Что я живу, что сам я не исчез.
В душе моей – не груз, как в тайнах
трюма,
А к дням грядущим жгучий интерес.
Но и при этом жадном интересе
Боль сожаленья чувствую в груди,
Как будто мчусь в стремительном
экспрессе,
Всё оставляя где-то позади...

// Комсомолец Кузбасса. – 1964.

– 2 августа. – С. 3.

СОН

Ах, как не любят дети спать!
Как все мрачнеют сразу,
Когда приходится опять
Ложиться по приказу!
Малыш обижен, удручён,
Бредёт к своей кровати.
Глаза слипаются, но он
Не хочет закрывать их.
Он долго борется со сном,
Глаза во тьму таращит,
А сон – противный старый гном –

Его куда-то тащит.
Уводит властной рукой
В слепой покой подушек
От света в комнате другой,
От мамы, от игрушек...
Ребячью ненависть ко сну
Попробуйте, измерьте!
Пусть новой мыслью не блесну,
Но сон подобен смерти.
О, как бы жизнь была длинна,
Полна, разнообразна,

Когда б её на годы сна
Не тратили мы праздно!
Нам дорог в жизни каждый час.
Есть счастье в каждом миге.
Глухая ночь крадёт у нас
Поездки, встречи, книги.
Укрыто в омуте ночном,

Что с радостью большою
Могло быть создано умом,
Руками и душою.
Как на вечернем рубеже
Завидую, бывает,
Тому, кто двадцать лет уже
Глаза не закрывает!

// Комсомолец Кузбасса. – 1965.

– 4 июля. – С. 3.

СЧАСТЬЕ

Для кого-то счастье – путь-дорога,
Для другого – комнатный уют...
Общих фраз о счастье очень много.
Их со сцен читают и поют.
А когда вникаешь в чувство это,
Почему-то кажется всегда,
Что оно осталось в прошлом где-то,
Унеслось, как вешняя вода.
Вспоминаешь: вот тогда, в ненастье,
Несмотря, что дождик моросил,
Шёл ты с ней. И это было счастье –
Окрылённость всех душевных сил.
Или вот: разорванный на части,
Ты лежал бы в поле, но снаряд

Не взорвался. Это тоже счастье.
Был рождён в рубашке, говорят.
И ещё: прохожие с участием
На тебя смотрели, как ты нёс
Первенца в «конверте». Это счастье
Хоть кого растрогает до слёз...
Многое припомнится, что мимо
Проскользнуло, словно лунный блик.
Это чувство так неуловимо
В данный миг, пускай он и велик.
То оно в своём воспоминанье
Золотую нить свою прядёт,
То – в нетерпеливом ожиданье
Лучшего чего-то, что придёт...

// Комсомолец Кузбасса. – 1965.

– 18 июля. – С. 3.

ИДУТ ГОДА...

Идут года. То солнечность, то лунность.
Вступая в мир, взрослея день за днём,
Мы любим детство так же, как и
юность,
Довольны жизнью в возрасте любом.
Друзья, не так ли с временами года?
В апреле мы всегда убеждены,
Что ничего под синью небосвода
Не может быть прекраснее весны.
Но вот приходит лето громогласно,

Кипя листвою, и ясно нам тогда,
Что и оно по-своему прекрасно –
Зелёный лес, зелёная вода.
Вот журавли рассыпались пунктиром.
Всё золотое – роща, сад и рожь.
И видим мы, любуясь светлым миром,
Что и октябрь по-своему хорош...

// Комсомолец Кузбасса. – 1965.

– 27 октября. – С. 3.

ПОМНЮ...

Помню, брата просил я:
– Сыграй-ка!
И, присев на завалинку, он,

Вновь настроив свою балалайку,
Мелодичный разбрасывал звон.
То «Подгорной» с весельем задорным

Звонко струны смеялись в тиши,
То задумчивым вальсом минорным
Проникали до самой души.
Слушал я, босоногий мальчишка,
Приоткрыв от волнения рот...
Вот и новая в памяти вспышка:
Мать «Лучинушку» тихо поёт.
Зимний вечер синее в оконце.
Вьюжный ветер в калитку стучит.
И кружится, жужжит веретёнце,
И печальная песня звучит...
А ещё вспоминаю двухрядку

Днём весенним в руках жениха.
Даже бабы пускались вприсядку,
Лишь рванёт золотые меха!
И от праздничных звуков гармошки
Всё искрилось, светилось кругом:
Солнце, лужи и девичьи брошки,
И сапожный сверкающий хром.
...Край российский, с метелью
холодной,
С полыханьем цветов на лугу!
Без гармошки, без песни народной
Я представить тебя не могу.

// Комсомолец Кузбасса. – 1968.

– 6 июля. – С. 3.

СЕЛЬСКИЙ МИР

Проезжая мимо деревень,
Я смотрю с отрадою щемящею
На подсолнух в шляпе набекрень,
На лошадку, боталом бренчащую.
Уносясь на поезде вперёд,
Радуюсь по маленькому поводу,
Увидав, как женщина идёт
С коромыслом-радугою по воду.
Как красив изгиб её руки!
Для меня тут – целая история:
Вспоминаю встречу у реки
Молодой Аксиньи и Григория...

А босая эта детвора
В майках до колен с плеча отцовского!
Вот она на прясле у двора,
Как на той картине у Маковского...
Всё тут мило: улы за избой
И копны соломенное золото...
Сельский мир! Давно уже с тобой
Я простился, сжился с шумом города.
Всё равно душой сюда стремлюсь,
К полю ржи, где вьётся тропка узкая.
Как нигде, здесь чувствуется Русь,
Чувствуется что-то очень русское...

// Комсомолец Кузбасса. – 1968.

– 5 декабря. – С. 2.

*** **

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Степан Торбоков

(Переводы с шорского)

РУССКИЙ ЯЗЫК

Был Октябрь очистительной бурей,
Он развеял над Шорией мрак,
Приобщил её к русской культуре,
Что для многих народов – маяк.
Как ни трудно уму от нагрузки,
Пусть работает сердцу под стать.
Счастлив я, что умею по-русски

И читать, и подстрочник писать.
Душу радугой слов опоясав,
Рассыпая созвучий каскад,
Как сородичи, Пушкин, Некрасов
О России со мной говорят.
Проникаю легко, без усилий
В мир, который мне был незнаком,

Обаятельный Тёркин Василий
Представляется мне земляком.
Мой народ, не слыхавший о книге,

Ах, лыжи! Ну-ка, зорька, брызги
На снежный искристый настил!
На них, проверенных, полжизни
Охотник-шорец проводил.
Проворность, лёгкость их бесценна.
Несёшься, плечи наклоня!
Не надо им овса и сена,
Они – надёжнее коня.
С любой померяться горою
Охотник мог в расцвете лет.
От них зависело порою
Поешь ты нынче или нет...

Среди печальных кедров, ёлок,
В густой тени зелёных лап,
Когда-то здесь петлял просёлок,
С пригорка прыгая в ухаб.
Наверно, где-то в быстром беге
Лишь ветер хлещет по шлее,
А тут – натужный скрип телеги
В дождём размытой колее.
Зимой просёлок заметало,
С трудом давался каждый шаг.

Мы когда-то жили в тесной юрте.
Разъедал глаза нам горький дым.
О порядке добром, об уюте
Не мечталось родичам моим.
На земле и ели мы, и спали,
Тёмный люд, слепая голытьба...
Но однажды в мир тоски, печали
К нам шагнула русская изба.
С четырьмя углами и с трубою,
Под тесовой крышей, с потолком,

Дожил ныне до светлого дня.
Вместе с шорским и русский великий
Стал родным языком для меня.

ЛЫЖИ

Я их не бросил, не оставил.
Уже немало дней назад
В снях я лыжи те поставил –
Пускай, как памятник, стоят.
Мои года немолодые,
А сыну лыжи ни к чему.
Иную даль, пути иные
Жизнь приготовила ему.
Пусть на дворе метель и холод,
Заботы нету у меня:
Уводит сына в дальний город
Стальная звонкая лыжня.

// Комсомолец Кузбасса. – 1963.

– 5 декабря. – С. 3.

ДОРОГА

Два конных встретятся, бывало,
И не разъедутся никак.
Такой лихой судьбы, ей богу,
Не пожелаешь и врагу...
Сейчас широкую дорогу
Мы проложили сквозь тайгу.
И деловито, словно пчёлы,
Весь день моторы здесь гудят.
Спешат на стройку новосёлы,
В пути не ведая преград!

ИЗБА

Светлая, пропахшая сосною,
С тёплым полом – шлёпай босиком!
Стали наши юрты вроде пугал
По сравненью с таким жильём.
Ходим в полный рост. В передний угол
Грамоты почётные кладём.
И душа поёт, поёт, как птица,
Радуетя солнечной судьбе;
И не может счастье уместиться
Даже в этой праздничной избе!

// Комсомолец Кузбасса. – 1964.

– 5 декабря. – С. 3.

БЫЛ У НАС КАЙЧИ...

Был у нас кайчи, певец народа,
Старые легенды говорят.
Запоёт – и вторит вся природа,
Лес и горы подпевают в лад.
Запоёт – и дерево сухое
Вновь шумит зелёною листвою,
И трава сухая, как весною,
Расцветает в стороне лесной.

Запоёт – и в мёртвом теле жарко
Оживает сердце для добра,
И горит, пылает пламя ярко
Над золой погасшего костра...
И при мне есть песня дорогая
О России – солнышке в ночи.
Как хотел бы я, стихи слагая,
Походить на славного кайчи!

// Комсомолец Кузбасса. – 1968.

– 14 декабря. – С. 3.

НОВЫЕ СТИХИ

СОЛНЦЕ – РЯДОМ

Опять светящее светило,
Увидев утром, что встаю,
На подоконник положило
Ладонь горячую свою.
Я прикасаюсь к той ладони,
В пожатье чувствуя тепло.
Эй, лежебоки и засони!
Вставайте! Солнышко взошло!
Как это в жизни много значит –
Живи, хотя бы в шалаше, –
Чтоб новый день был солнцем начат,
Трудом, который по душе...

Всё ниже гиря на цепочке,
Уже за полдень далеко,
Но хорошо ложатся строчки,
Сегодня пишется легко!
Пусть мгла идёт с дождём и градом!
И то же завтра будет днём,
А в сердце чувство: солнце – рядом,
На подоконнике моём.
И чувство то почти что зримо.
Я не хочу расстаться с ним.
Оно – как беглый взгляд любимой,
Что долго в памяти храним.

// Комсомолец Кузбасса. – 1964.

– 31 мая. – С. 3.

РЫБАЛКА

Мчатся дни – меняются привычки,
Но иной вовек не изменить...
Захвачу я курево и спички
Да с крючком капроновую нить –
И отправлюсь на реку пораньше,
В час, когда румянится восток.
Будут сверху пихты-великанши,
Замерев, глядеть на поплавок.
За спиною солнце тихо встанет,
На воде чешуйчато блеснёт,

Будто спросит, чем ты, дескать, занят,
Как оно – клюёт иль не клюёт?
Постепенно тень укоротится,
Раскалится зноем летний день,
Где-то в травах пить попросит птица,
И опять покой, дремота, лень...
А когда затянет дымкой дали,
Так светло сиявшие в лучах,
Мне приснится сон на сеновале,
Что держу я солнце на плечах.

Я ПРИВЁЗ...

Посетив места родные,
Я подарков не привёз –

Только сердцу дорогие
Шумы-шелесты берёз,

Облаков седую пряжу,
Что, узоря синий мир,
По извилистому кряжу
Проплывают в Салаир.
Прихватил с собой на память
Говорок реки Бачат,
Тополей цветущих замять
Там, где парни ждут девчат,
Чёрный дым на мягких лапах
Над заводом у реки,
Разнотравья пряный запах,

Незабудок островки.
Не забыл я взять дороги,
О которые в жару
Обжигал босые ноги,
Мальчуганом, на юру.
Край любимый, большей дани
Я не ждал, к тебе спеша!
Пустовато в чемодане,
Но зато полна душа.
г. Кемерово.

// Комсомолец Кузбасса. – 1964.

– 19 июля. – С. 3.

ОКТЯБРЬСКОЕ УТРО

На землю день приходит новый.
Октябрь. Начало октября...
Над серой крышей сок вишнёвый
Из тучки выжала заря.
То солнца труд неугомонный!
Меняет в небе он цвета –
Вишнёвый вылился в лимонный,
И в нём, как искорка, звезда.
А рядом – чист, прозрачен, колок,
Осенним холодом прошит,

Ночной серебряный осколок,
Осколок месяца дрожит.
А свет всё шире. Тополь хмурый
Расправил грудь перед зарёй.
Назад минуту был он бурый,
Вдруг стал лучисто-золотой.
Ещё не брызнуло пунктиром
Сиянье первого луча,
А день уж в облачке над миром
Взметнул кусочек кумача!

ТУМАН

Ох, сколько нынче за ночь натекло
На улицы холодного тумана –
Как будто запотевшее стекло
Перед тобою поднято неожиданно.
Вот рядом зданья смутная стена,
Бесцветный тополь стынет невесомо.
А дальше что? Скрывает пелена.
Лишь только контур дерева и дома.
Вокруг, в непроницаемости той,
Моторов глуховатое гуденье.
Людей фигуры, видные порой,
Проходят, как слепые привиденья.

И осторожно, сбавив прежний ход,
Почти наощупь движутся машины.
Свет сильных фар тумана не пробьёт –
Двух огоньков лишь светятся рубины.
И скован ты, придавлен, угнетён –
Выхватывает взор одни детали...
Как хочется опять со всех сторон
Увидеть даль и солнце в синей дали...
Чтоб понял всё, чтоб знал, куда идёшь,
Простор перед тобой или преграда...
Туман всегда – как вкрадчивая ложь,
Скрывающая то, что людям надо...

// Комсомолец Кузбасса. – 1964.

– 18 октября. – С. 3.

МАТЬ И СЫН

Затих станков ритмичный гуд
Под гулким сводом цеха...
Идёт товарищеский суд.

Ни шуток нет, ни смеха.
Как молчаливая гроза,
Суровы, хмуры лица.

И провинившийся глаза
Поднять на них боится.
Он крепкоплечий, молодой,
Кому бы гнуть подковы,
Поник бедовой головой,
На всё, на всё готовый...
В сторонке – мать. Она сидит,
Сутуло спину сгорбив.
И весь её печальный вид –
Как воплощение скорби.
Она не видит ничего,
Лишь сына. Перед всеми
Ей очень стыдно за него
И больно в то же время.
Уже сомнения грызут,
Тревожно ей немного –
А если этот самый суд
Накажет сына строго?
Ну, пьяный выставил за дверь,
Ну, чуть не поднял руку –
Так что ж, казнить его теперь

За боль её и муку?
Но оборвалась мыслей нить –
Звучит суда решение:
– Стать на колени и просить
У матери прощенья!
И – одобренья тихий гул.
Решенье это мудро.
Несмело сын на мать взглянул,
Лицо бело, как пудра...
Потом склонился перед ней,
И мать, как в детстве было,
По голове, что всех родней,
Погладила – простила.
И было ясно ей сейчас,
Вздыхнувшей вдруг свободней,
Что хорошо рабочий класс
Их рассудил сегодня.
Сынок её уже не мал.
И что там с ним ни будет –
Как на коленях здесь стоял,
Вовек он не забудет...

*// Комсомолец Кузбасса. – 1965.
– 26 декабря. – С. 3.*

ГРУСТЬ

Бывает, от музыки грустной
Такая навалится грусть –
Не выразить в речи искусной,
Хоть знай все слова наизусть.

Нет слов – и не надо. Не сетуй.
Не будет, наверно, и впредь...
Желанье от музыки этой –
И жить с ней, и с ней умереть.

ТЫ ПРИЛЕТАЕШЬ!

Рано проснулся, ещё не светало.
Быстро поднялся. Теперь не до сна.
Ты прилетаешь! Так празднично стало,
Будто примчать обещалась весна.
Будто уже расцветают газоны

Там, где лежат ещё снега мазки...
Встречи, прощанья, всегда вы
бессонны.
Радость и горечь, как сёстры, близки.

СТИХИ ВЕТЕРАНОВ

Приходят в газету короткие строки –
Стихи ветеранов войны.
Слова неуклюжи, а чувства глубоки,
Большого волнения полны.

Пусть пишут бывшие бойцы неумело,
Но в каждой горячей строке –
Живая душа, что в атаку шла смело
Не с ручкой – с винтовкой в руке.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1984.
– 19 июля. – С. 3.*

*** **

ПРЕДЗИМЬЕ

Строки из новой книги стихов

Кузбасский поэт Михаил Небогатов завершает работу над новой книгой лирики, в которую войдут произведения, написанные в последние два-три года.

Значительное место займут в сборнике стихи о родной сибирской природе, а также стихи о войне, участником которой был поэт. Предлагаем вниманию читателей подборку стихотворений из этих разделов.

*** **

В предзимней серости и сырости
О чём задумались поля?
Что свежим травам, злакам – вырасти,
Лишь вновь согреется земля...
В предзимнем синем, остром холоде
О чём задумалась река?
Что зеленеть в ней летней молодежи
Берегового тальника...
В предзимней стылости, усталости
О чём задумался мой друг?

О запахах в юности, о старости,
О вечной смене зорь и выюг.
О том, что, все сугробы-надолбы
В пути к весне преодолев,
Ещё пожить на свете надо бы,
Послушать новых дней напев.
Послушать, внять с любовью кроткою,
Понять душою, что к чему,
И приобщить себя хоть ноткою
К напеву звонкому тому.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Белая сетка над лиственной охрой –
Снега набег.
Мелкий, как мошка, прилипчиво-
мокрый
Падает снег.
Как он старается, как нарастает –
Пуще, сильней!
Но на лету растворяется, тает
В гуще ветвей.
Вскоре устал и посыпался тише.
Вместо белил
Серым – асфальт и коричневым –
крыши
Лаком покрыл...
Возом хорошим, казалось, он свален
С грузных небес,
А оказалось, что грустно-печален,

Тут же исчез.
Лишь на прогалинах голого сада
Землю пестрят
Пятна белёдые – след снегопада –
Вроде заплат.
День удаляется в поле, к ночлегу...
Нет, не такой
Виделась, грезилась первому снегу
Встреча с землёй.
Было стремленье его необъятно:
Мир озарить!
Вышло иное: ненужные пятна,
Детская прыть...
Надо б созреть и набраться подольше
Крепости, сил –
Всех бы красой своей радовал дольше,
Дольше б светил!

// Комсомолец Кузбасса. – 1975.

– 25 ноября. – С. 3.

«КАК ТЫ МНОЮ ЛЮБИМА...»

Кузбасский поэт Михаил Небогатов завершил работу над новой книгой лирики, которую назвал «Земной поклон». В Кемеровском книжном издательстве этот сборник выйдет в нынешнем году. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей «Комсомольца Кузбасса» стихи о любви, включённые автором в один из разделов будущей книги.

Есть примета: если в мае
С кем сроднился человек,
То, невзгоды принимая,
Будет маяться весь век.
У примет – лихая мета,
Над людьми большая власть...
Рад, что эта вот примета
В нашей жизни не сбылась...
Месяц счастья и расцвета,
Возрожденья новых сил,
Это май во мне поэта,
Став любовью, пробудил.

Это май, восстав за вьюгой,
Весь в сиянье, голубой,
Самой верною подругой
Наградил меня – тобой.
Без бодрячества замечу:
И под зимним серебром
Майский вечер, нашу встречу
Вспоминаем мы добром.
И другой судьбы не просим.
Сквозь седые декабри
Через жизнь свою проносим
Май с теплом его зари.

От взглядов чужих вдалеке,
Берёзами, пихтами скрыта,
Неспешно подходишь к реке,
Родная моя Афродита.
И волны, округлость колен
Ладонками глядя несмело,
Берут в свой ласкающий плен
Твоё загорелое тело...

Потом ты сидишь на песке
И дышишь устало, глубоко,
А солнце томится в тоске,
Что так от него ты далёко.
Оно в голубой вышине,
Лучами склоняясь к Берендею,
Похоже, завидует мне:
Такой красотою владею!

На виду у стройных, мощных сосен
Посидим вдвоём, поговорим
О лихой стремительности вёсен,
О слепой медлительности зим...
За рекой – закатная усталость.
Только убедились мы с тобой –

Нежность вновь рождается под старость
Вопреки усталости любой...
Вот уже и вечер синий, лунный.
И в июньской тёплой тишине
Ясно нам: душой мы оба юны.
Хорошо, легко тебе и мне.

Как я скучаю по тебе, грущу, не видясь.
Моя любовь –
Как свет в судьбе.
С тобой я – витязь...
Пришла! И полднем голубым
Стал вечер тёмный.

Заполнен образом твоим
Весь мир огромный.
И сколько солнца средь зимы,
И счастья сколько!..
А и не виделись-то мы
С утра лишь только.

Обо всём я могу рассказать –
О речном перекате,
И какая в лесу благодать
На июньском закате.
Как бушует, ярится пурга,
Жуть ночами наводит,
Как весной затопляет луга
Синевой половодье.

Как трепещет в лучах стрекоза,
Вся пронизана светом...
Но гляжу я в родные глаза –
Как сказать мне об этом?
Все слова замолчали в ответ,
Все – подобие дыма...
Никогда мне не выразить, нет,
Как ты мною любима.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1976.
– 2 октября. – С. 4.*

*** **

В Кемеровском книжном издательстве готовится к выходу двенадцатая поэтическая книга известного кузбасского поэта Михаила Небогатова «Земля моя добрая», в которую вошли новые, написанные за последние годы, лирические стихи и небольшая повесть в стихах «Поздняя встреча».

ЧАСЫ

– Что было самым главным, говорите? –
Задумался строитель-бригадир.
– В году минувшем главное событие –
Десятки новых зданий и квартир.
Не знали мы простое и безделья, –
Сказал, погладив русые усы.
– У многих нынче праздник новоселья,
А у меня вот премия – часы.
Хоть говорят ребята, что я скромник,

Но так и быть, сегодня похвалюсь:
И у бригады премия – приёмник.
Невелики подарки, а горжусь...
Он обнажил широкое запястье –
Часы блеснули стёклышком своим.
И столько было радости и счастья
В словах шуточных:
– Вроде не стоим?..

БЕРЁЗОВСКИЙ

Не надо тратить сил на розыски:
Где он – подскажет нам любой...
Красивым именем –
Берёзовский –
Назвали город молодой.
В соседстве с домиками скромными
И на холме, и вдоль холма
Такими кажутся огромными
Многоэтажные дома.
Тайга со всей своей безбрежностью
От крайних улиц – в двух шагах.
И город тёсом, хвойной свежестью
Весь по-весеннему пропах.
Он над старинными курганами
И над разбуженной тайгой

Царит величественно кранами –
Железной радугой-дугой.
Растёт он каменными стенами
До облаков, до синевы,
И ловит чуткими антеннами
Бесперебойный пульс Москвы...
Нам город люб. Мы все друзья его.
Но вон, осанисты, крепки,
Шагают города хозяева –
Идут со смены горняки.
Встречает их шумливость детская
И окон свет, и свет берёз...
Гляди, гордись,
Земля Кузнецкая:
Ещё один твой сын подрос.

// Комсомолец Кузбасса. – 1984. – 12 апреля. – С. 4.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

ВСЁ ПО-БОЖЕСКИ

Не молюсь образам я, иконам,
 Да и нету поблизости их,
 Но живу по старинным законам.
 По обычаям предков своих.
 Вседержитель, Создатель, Всевышний,
 Всемогущий, Предвечный, Творец –
 Разве был он когда-нибудь лишней
 Для хороших, для добрых сердец?
 Я люблю каждый праздник христовый,
 Особенно люблю Рождество –
 За морозец со снежной обновой,
 За румянец здоровый его.

**Наша бедность граничила с богом.
 Память детства всегда дорога.**
 (Виталий Крёков).

Выйду из дому, даль за порогом,
 А за мной, как и встарь на Руси,
 Мамин голос мне слышится: «С богом!
 Бог тебя сохрани и спаси!»
 Нанесут ли мне рану словами –
 На обидчиков я не сердит.
 Говорю им без злости: «Бог с вами.
 Пусть он вас, дуралеев, простит».
 Над стихом ли работаю в полночь,
 Что там выйдет – не знаю, бог весть,
 Но не зря говорится: «Бог помочь» –
 Искра божья в стихах моих есть!

*// Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 6 января. – С. 3
 (рубрика «Пересмешник»).*

У БАБУСЕНЬКИ

Мы постоянны все в своих привычках...
 Есть в родненькой Сибири у меня
 Колхозишко у чёрта на куличках,
 Где проживает дальняя родня.
 Люблю, оставив в городе контору,
 Где густо инженеришки дымят,
 Шажочками подняться лихо в гору
 К закатишку, что облачком примят.
 На грохоточек – это тракторишко –
 Сбегу с горы у ёлок на виду
 И, увидав знакоменький домишко,
 Тихонько по крылеченьку взойду.
 Бабусенька встречает у порожка,
 Проворненькая, вишь, не по годам...

**Выращивает хлебушек отличный
 В колхозишках у чёрта на куличках...
 Не променяет родненькой Сибири...**
 (Павел Майский. Сборник
 «Высокие туманы»).

– Знать, надоела постная кормёжка?
 Сейчас тебе яшеньку подам!
 Испей-ка вот настоечки рюмашку,
 Ведь рот сухая ложенька дерёт...
 Я с душенькой спокойной нараспашку
 Цежу настойку, чувствую – берёт!
 А старенькая рядышком хлопочет,
 Все мисочки, тарелочки – на стол.
 Известно, угостить получше хочет.
 – Родименький! Как в городе дошёл!
 Здесь поживёшь – и округлятся щёчки.
 И сальца, и мясишка есть запас...
 Пиши свои стишоночки, стишочки
 И чаще радуй книжечками нас!

*// Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 31 марта. –
 С. 4 (рубрика «Пересмешник»).*

ЧЕМ ПАХНЕТ ВОДКА

Чай дымился, и оком разбоя

Водка шурилась в толстом стекле.

(Владимир Державин.
«Снеговая корчага»).

Ох, обычай. Какой он живучий!
И недавно, и в дальнем былом
Выпадал обязательно случай,
Чтоб собраться за тесным столом.
Пусть никто не сидит истуканом,
Пусть за словом не лезет в карман –
Разливал тамада по стаканам
Ударяющий в душу дурман...
Вот уж в ход кулаки-забияки,
Для которых девиз не постыл:
Что за выпивка, если без драки,
Что за драка, коль кровь не пустил!..

Нынче к водке отбита охотка.
Тем, кто ратовал: «Выпьем до дна!»,
Вытрезвителем... шурился водка,
Пахнет крепенько... штрафом она.
Ну, а штраф – он же бьёт по карману!
И любитель быть «в стельку» и «в дым»
Тянет руку невольно к стакану,
Нет, не с хмелем, а с чаем простым.
И в застолье не меньше веселья,
И, как надо, идёт торжество
Без проклятого, мрачного зелья,
Без разбойного ока его!

// Комсомолец Кузбасса. – 1985. –
21 декабря. – С. 4 (рубрика «Пересмешник»).

*** **

В ЛЕСУ РОДИЛАСЬ ЁЛОЧКА

Как бы написали на эту тему кузбасские поэты

Виктор Баянов

Всё в снегу село родное.
Навалило за ночь как!
Чудо хвойное, лесное
Я привёз на саночках.
Вся родня, встречая сказку,
Ей поклон отвесила,
Ёлка всем в ответ на ласку
Улыбнулась весело.
Разведёнкой молодою

В горнице красуется...
Ветер воет за стеною,
Рвётся в окна с улицы.
Но стоит она, сверкая,
Уж такая баская,
Ненаглядная такая
И нарядная такая,
Ёлочка кузбасская!

Геннадий Юров

Я ближние ёлки не трону –
Люблю я свои берега,
Найду и срублю без урону
Вдали, где глухая тайга.
Во всё молодое влюблённый,
К родному вернусь рубежу

И ёлочку – факел зелёный –
Своим берегам покажу.
Пусть смотрят берёзки на левом,
На правом сосёнки глядят.
Я всем им, живым королевам,
Сказать что-то доброе рад!

Валентин Махалов

Если останусь совсем один,
Знаю: к блеску огня

Ёлочный праздничный
Серпантин

Властно потянет меня.
В чей-нибудь дом
Я тихо войду,
Ёлки найду красу,
Сердца трепетную звезду
В ладонях ей поднесу.
Меня, одинокого дикаря,
Она не прогонит, нет.
Огненно-рыжей
Копной горя,

Будет дарить мне свет.
Не оставаясь в долгу
(Поймёт
Ёлка мою мечту!),
Новое что-то
Про Новый год
Ей с огоньком прочту.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1984.
– 3 января. – С. 4.*

*** **

В МИРЕ МУЗ

АГРОНОМ

Опять всю ночь мела метель,
И агроном, ещё до света
Оставив тёплую постель,
Дымит у печки сигаретой.
Ему не терпится скорей
Сходить в поля, узнать воочью,
Насколько стала гладь полей
Пышней, волнистей этой ночью.
Зовёт душа: иди, проверь!
Оделся тихо, вышел в сени.
С трудом открыл входную дверь:
За дверью снега по колени!
Кого-то, может, зло берёт,
А он лопатой терпеливо
К калитке делает проход
И улыбается счастливо.
Зима хорошая пришла!
Снежинки сыплет ежедневно...
Синица – звонкая юла –
Свистит о чём-то задушевно.
И путь убродный не тяжёл
По снежной улице пустынной.

Он, широко шагая, шёл,
Поднявши воротник овчинный.
И вот они – поля, поля,
– Святая радость хлеборобов!
Белеют, сердце веселя,
Крутыми гребнями сугробов.
У заградительных полос
Они особенно высоки.
Нет, не убьёт теперь мороз
В земле таящиеся соки!
И полноводною весной,
Когда начнут греметь овраги,
Простясь вот с этой белизной,
Земля напьётся вдоволь влаги...
Глядел на снежные холмы,
На вихри, мчавшиеся мимо,
И в декабре, среди зимы,
Холмы зерна он видел зримо.
А горизонт светлел уже.
Чуть зорька брезжила над краем.
Росла уверенность в душе,
Что будем с добрым урожаем!

*// Комсомолец Кузбасса. – 1965.
– 24 января. – С. 3.*

РАДУГА НА СТОЛЕ

Кемеровскому цветоводу

*В. Г. Ульдиной**

Свежи, по-вешнему, чисты,
Среди бумаг передо мною

Стоят осенние цветы,
Играя радугой земною.

Нежны – аж боязно дохнуть,
Не только тронуть их руками.
Дохни – и могут упорхнуть,
Растаять лёгкими дымками.
Я вижу даль степных равнин
И мотылька на бересклете...
Пылает зорькой георгин –
Напоминанием о лете.
Гляжу – немножко грустно мне,
Что белоснежный гладиолус

Напоминает о зиме,
Где лишь одних метелей голос...
Как праздник, в комнату войдя,
Цветы зовут меня куда-то
От шума нудного дождя,
От мглы вечерней без заката.
Благодарю я руки те,
Что, оживая ранней ранью,
Причастны к яркой красоте,
К её чудесному созданию!

* Ульдина Варвара Гурьевна – почитательница таланта Михаила Небогатова, многие годы дарившая поэту цветы, выращенные собственными руками. Умерла 5 декабря 1984 года на 81-м году жизни (*Примечание Н. Инякиной*)

*// Комсомолец Кузбасса. – 1965.
– 27 октября. – С. 3.*

Зной, как вино в бокале дня,
Иссяк почти до дна.
Спит тополь, голову склоня,
Хмельной с того вина.

Сейчас его допьёт закат
И тоже ляжет спать.
А утро винный аромат
В бокал нальёт опять!

Что-то спать этой ночью не хочется
В тихом доме, как будто пустом.
Синим дымом плывёт одиночество
По-над белым бумажным листом.
Тишина и за дверью балконною –
Только звёздный далёкий пунктир...

Строчки полнятся грустью исконною
Оттого, что во мраке весь мир.
Но уж близится зорька весёлая.
Гоним с ней одиночество прочь!..
Летом всякая грусть – меланхолия
Коротка, как июньская ночь.

Ещё не рассвет, а намёк на него.
Густые деревья – как тени в аллее.
Над югом и западом тьмы торжество,
И лишь на востоке немного светлее.
Ещё вся река – как под тёмным мостом,
И только вдали, за лугами, неброско,
Как рыба, блестя серебристым хвостом,

Чуть-чуть обозначилась плёса
полоска...
Сто раз это было, и всё-таки нас
Волнует по-новому, с новой силой
Тревожный и сладкий предутренний
час,
Как час ожидания свидания с милой.

В саду перед домом
одни воробьишки,
И вдруг замираю
от песенной вспышки.
Незримое диво
ищу в удивленьи:

Откуда такое чудесное пенье?
А-а, вон, на окошке!
Не где-то на ветке,
Поёт канарейка за прутьями, в клетке.
Хотя эта пташка
в домашней неволе,

А в горлышке песня
о роще, о поле.
Прислушайся, друг мой.

Надоело солнцу печь,
Ветру – жаром дуть.
День решил в тени прилечь,
Отдохнуть и – в путь.
В белой облачной чалме,
Взорам всем открыт,

Так в день сенокосный
Звенит колокольчик
Над россыпью росной.

День июльский на холме
Крепко, сладко спит.
Ничего не слышит он
Сквозь глубокий сон –
Лишь кузнечиков трезвон
С тишь в унисон.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1979.
– 4 августа. – С. 4.*

*** **

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТВОРЧЕСТВЕ

РОДСТВО

Это мненье, мы знаем, не ново:
Дескать, скучно бывает, когда
Понимают друг друга без слова,
Как звезду понимает звезда.
Дескать, лучше, стократ интересней,
Коль несхожие люди сошлись –
Чтобы разные думы и песни,
Чтобы разные взгляды на жизнь.
Но тружусь я с надеждой одною,
Одного утешенья ищущ:
Должен кто-нибудь вместе со мною
Загрустить, если я загрущу.

Чтоб случайно меня не обидеть,
Не свести вдохновенье к нулю,
Должен кто-то любить, ненавидеть
То, что я ненавижу, люблю.
Должен кто-то моими глазами
Видеть мир, окружающий нас –
Облака над полями, лесами
И весёлого дождика пляс,
И небесной дуги самоцветы
В зеркалах успокоенных луж...
Для кого бы творили поэты,
Если б не было родственных душ?

ТЕЛЕФОН*

Один лишь провод, нить одна
У трубки телефонной,
А с миром связана она
И днём, и в час бессонный.
По виду – мёртвый аппарат,
Стоит в углу без цели,
Но я всегда услышать рад
Его живые трели.
Они, настойчиво звоня,
Бывает, ждут ответа,
Когда в квартире нет меня –
Я в людном мире где-то...
Ищу на тайных стёжках строк

Поэзию по крупке.
Душа на взлёте. И – звонок!
Знакомый голос в трубке.
Володя это, старый друг.
Трудился в одиночку –
И вот пришла охота вдруг
На мне проверить строчку.
Наш разговор обоим впрок –
Душевная зарядка...
Даём отбой. И вновь звонок!
На этот раз – всё кратко:
На днях я должен почитать
Стихи ребятам в школе...

А через час звонок опять,
Как колокольчик в поле:
Заказ редакции – стихи
Я должен дать газете.
Пускай другие к ним глухи –
Люблю заказы эти.
Хотя все просьбы не смогу

Исполнить быстрым ходом,
Но важно мне, что я в долгу,
В долгу перед народом.

.....
Кривить душой не будем:
Людьми мы чувствуем себя,
Пока нужны мы людям.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 9 февраля.
– С. 3. (Воскресная страница).*

* (в газете пропущена первая строчка последнего четверостишия. – *Примечание Н. Инякиной*)

ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Целый час стихи звучали в зале.
Знал поэт все строчки наизусть
Про свои заботы и печали,
Про свою любовь, тоску и грусть.
Не сказать, чтоб это было чтиво,
Было чувство в строчках, лад и склад.
Слушали внимательно, учтиво,
Как обычно слушают доклад.
Кончил автор с поднятой рукою.
И раздался голос между тем:
– Прочитайте что-нибудь такое,
Чтобы интересно было всем!
Велика растерянность поэта,
Мол, чего вам надо, не пойму.
Мол, прочёл немало. Разве это
Интересно мне лишь одному?

Разве не достиг я нужной цели,
Говоря о собственной судьбе?..
Так и не поняв, чего хотели,
Он продолжил чтение... о себе.
И хотя в стихах была лиричность,
Провожали с явным холодком.
Видно, просто авторская личность
Не нашла симпатии ни в ком.
Почему да как – гадать не будем.
Только вывод сделаем один:
Можешь о себе поведать людям,
Если ты душою гражданин.
Если ж нет – помедли со строкою,
С мелочами комнатных проблем.
Расскажи нам что-нибудь другое,
Чтобы интересно было всем!

*// Комсомолец Кузбасса. – 1964.
– 22 марта. – С. 3.*

О ГРАФОМАНАХ

Есть графоманы. Их немало.
От них редакциям – напасть.
Они во что бы то ни стало
В печать стараются попасть.
Всех надоедливее в мире,
Прельщаясь званием «поэт»,
О том, что дважды два – четыре,
Оповещают белый свет.
И если ты неосторожен –
Сказал про слабость гладких строк –
Тотчас же выхватят из ножен

Обид отточенный клинок.
Теперь держись! Пошли нападки
Со злобой, с пеною у рта –
Мол, не беда, что строчки гладки,
Мол, ты не смыслишь ни черта.
Мол, не пройдёт вам этот номер,
Творить я буду! Ничего.
Мол, хорошо, что Пушкин помер,
А то б зажали и его...
И снова будут до рассвета
Благополучно рифмовать

С надеждой твёрдою, что где-то
Стихи протиснутся в печать.
И каждый день соседи слышат
Тревожный голос за стеной:
«Потише, дети! Папа пишет...»
А жизнь проходит стороной...
Скажу – и это не притворство:
Я им завидую подчас –
Их трудолюбие, упорство

Есть не у каждого из нас!
Иной с талантом – как ни странно –
Не за стихом порой сидит.
Имей он волю графомана –
Давно уж был бы знаменит...

г. Кемерово

// Комсомолец Кузбасса. – 1964. –

14 июня. – С. 3.

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТОК

Из далёкой из Ясной Поляны
Вместе с грустью задумчивых строк
Получил я от друга неожиданно
Золотистый кленовый листок.
Угловат, невесом и неярок.
Отзвенел на ветру и увял.
Но как дорог мне этот подарок,
Как он сильно меня взволновал...
С юных лет представлял я Толстого
Мудрецом, величайшим творцом.
Для меня он был вроде святого
С бородатым и строгим лицом.
А сегодня живого живее
Я увидел властителя дум
Просто старцем на летней аллее,
Где и солнце, и лиственный шум.
Одиноким раздумий любитель,
Он шагает. Вблизи никого.

И зелёная эта обитель –
Не музей, а усадьба его.
Вот присел на скамейку под клёном
В светлом мире деревьев и пчёл,
Вскинул брови и взглядом влюблённым
Всё вокруг, как хозяин, обвёл.
Скрылось солнце...
При ламповом свете
Он опять за столом над строкой.
И уже не старик в кабинете,
А бессмертный художник Толстой!
...Льну глазами к листку золотому,
Затаённо гляжу не дыша.
Вновь как будто к чему-то святому
Прикасается тихо душа.

// Комсомолец Кузбасса. – 1968.

– 15 июня. – С. 3.

СКОРЫЙ ПОЕЗД ВДОХНОВЕНЬЯ

Известный кузбасский поэт Михаил Небогатов много лет ведёт большую работу с начинающими литераторами. К нему обращаются за советом многие земляки, делающие первые шаги в поэзии.

Отвечая на письма людей, пробующих свои силы в литературе, М. Небогатов параллельно и, может быть, в какой-то степени невольно работал над циклом стихов о сущности поэтического творчества. Публикуя сегодня эти стихи, редакция адресует их, разумеется, не только начинающим поэтам, но и всем нашим читателям.

Не в словах красивых дело,
Чтоб строка была крепка.
Отыскать их, скажем смело,
Это проще пустяка.

Благо есть на то сноровка.
Но не радуйся, постой.
Вот поймал ты слово ловко,
А оно – лишь звук пустой.

Не волнует и не греет,
Волновать и греть любя,
Даже, кажется, краснеет
За себя и... за тебя.
Видишь с горечью большою,
Понимаешь, в чём секрет:

Любил я в детстве поезда отход...
Ещё состав недвижим у перрона.
Толпится провожающий народ.
И плач, и смех – у каждого вагона.
Отрывистые фразы и слова,
Гармонь и чьё-то пьяненькое пенье...
Вдруг – в колокол ударят – раз и два.
Целуйтесь поскорее – отправленьё!
Рывок. Толчок – сперва чуть-чуть назад,
Потом вперёд, вперёд –
сильней, быстрее.
С перрона все невесело глядят,
А из вагонов – будто сожаленя.
Их мысли где-то очень далеко,
У нового, иного перегона...
Плывёт состав свободно и легко
Вдоль бестолково-шумного перрона.

Как в человеке, и в стихах
Должно быть всё прекрасно...
Не делай строчки впопыхах,
Коль видишь суть неясно.
Не всем порывам доверяй,
А только добрым самым,
Что бьют из сердца через край –
К другому сердцу прямо.

По капельке-словечку
Скоплю я свой ручей.
Журчи, вливайся в речку,
Чей путь – в простор морей.

Стих без рифмы почему-то белым
Нарекли учёные мужи.
Что же. Будь раскованным и смелым,
О созвучьях-рифмах не тужи.
Пробовал добраться я до сути

Ничего-то за душою
У тебя сегодня нет.
Если было бы в ней что-то,
Радость, грусть ли, гнев ли, злость –
Слово, пойманное с лёта,
Вбил бы в строчку, словно гвоздь!

Вот и вагон последний отстучал
Скороговоркой бойкой и весёлой.
И паровоз задорно прокричал.
И лёгок на ходу состав тяжёлый.
Мелькнул за поворотом и пропал.
Растаял дым над будкою, над башней...
И только в пятнах масла серость шпал,
Да рельсов звон – уже как день
вчерашний.
А поезду такой простор открыт,
Что выразит лишь песня, а не слово.
Он мчит на всех парах. Почти парит
Железным чудом, что взлететь готово.
...Недвижно над листом перо твоё.
Но вот едва заметное скольжение –
Мысль набирает ход. Сейчас её
Подхватит скорый поезд вдохновенья!

Когда привольно, как в степи,
И мысль, и чувство выльешь –
Ты их созвучьями скрепи
И ладом. Не мудри лишь.
Строй стих несуетно, как дом,
Неспешно, но и живо.
И пусть всё будет в доме том
И просто и красиво!

Авось в минуту жажды,
Верша нелёгкий путь,
Из речки той однажды
Напьётся кто-нибудь.

Этого особого стиха –
Строчки рассыпались вроде ртути
Или как росинки с лопуха...
По душе мне строгий стих певучий.
Ну, а в белом можно так и смяк.

Перед трудным поиском созвучий

Пушкин – наше небо. Все под ним.
Перед ним подобны мы пигмеям.
С маленьким багажиком своим
Смотрим в это небо и немеем.
А вдали – и рощи, и холмы

Поднимает он свой белый флаг.

Манят нас.
И был бы путь несносен,
Если б не надеялись и мы
На свою
На Болдинскую осень.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1976. –
24 июля. – С. 3.*

*** **

СОБРАТЬЯМ ПО ПЕРУ

РЕКА

Александр Пинаеву

...Бывало, скроет до плечей,
Едва ты с берега соступишь,
А нынче – узенький ручей,
Где донный камень кажет кукиш.
Да, незавидное житьё.
Была река, звалась Барзасом,
И вот – как не было её.
Не заблудился ли я часом?..
Но, без особого труда
Сдвигая каменную грудю,
Вдруг мощно хлынула вода
Через открытую запруду!
Река привольно разлилась,
Как в половодье, в полдень вешний.

И обрела былую власть,
И обрела свой голос прежний!
...Не торопитесь хоронить
Поэта, коль молчит подолгу.
Не перестал он жизнь любить,
Молчит по внутреннему долгу.
Он силы копит в тишине,
Распределяет их умело,
Чтоб на высокой на волне
Его поэзия взлетела!

1964

*// В кн.: СВЕТ В ОКНЕ. – 1969.
– С. 138.*

Виктору Баянову

Есть у меня поэт любимый,
Не из маститых – молодых.
Ах, как мне мил неповторимый
Настрой стихов его простых!
Чужды красоты и лоску,
Они живут. Читаешь их –
И словно смотришь на берёзку
Среди колосьев золотых.
Иные рифмой щеголяют,
Выводят образов шитьё.
А он читателям вверяет
Лишь сокровенное своё.
Душой подсказанное слово
Гранит, шлифует не спеша,

И повторить хочу я снова,
Что суть поэзии – душа.
...Вот, симпатичен, ладно скроен,
Сидит он рядом за столом.
И, как всегда, застенчив, скромн,
О чём-то думает своём,
Хоть улыбается от шуток,
Но не скрывает, что устал:
В ночную смену он полсуток
На паровозе простоял.
Вы только чуткость проявите –
И он тотчас же в мире строк.
- Ну, что есть новенького, Витя?
- Да написал один стишок...

Гляжу на строчки, чуть косые,
Что скромно названы стишком –
И говорит со мной Россия

Сердечным русским языком.

1965

// В кн.: МАЙСКИЙ СНЕГ. – 1966.

– С. 53.

ЖАВОРОНОК

Памяти Анатолия Саулова

С голубыми ясными глазами,
С волосами светлыми, как лён,
Он недолго побыл вместе с нами,
В жизнь, в людей, в поэзию влюблён...
С малолетства увлечён был страстью
К звучным рифмам, чья всесильна
власть...
На беду, наверно, а не к счастью
Достаётся людям эта страсть.
Не искал он славы и почёта,
Воспевая солнце, россыпь рос.
В нём самом, казалось, было что-то
От российских пашен и берёз.
Над рекой, где пениться воронкам,
У опушки, на лесной меже
Так мечтал он: «Быть бы жаворонком!»
И не знал, что им он был уже.
Чьи-то строчки, вскинув подбородок,

Повторял на память, как свои,
Весь светясь от образов-находок,
Говорил про многих: – Соловьи!..
Не берёг себя, как всякий русский,
Был у бурь житейских на виду,
И устав, не выдержав нагрузки,
Разорвалось сердце на ходу...
Молодой, он молодым оставил
Птицу-песню, нежную до слёз.
Сам ушёл. Как будто бы растаял
Где-то там, во ржи среди берёз.
И напрасно в душном жарком хлебе
Ищем взглядом друга своего.
Тишь. Покой. Лишь жаворонок в небе
Всё звенит нам голосом его...

1968

// В кн.: СВЕТ В ОКНЕ. – 1969.

– С. 40.

ДОРОГИЕ ИМЕНА

Шляпа, галстук и пиджак отличный,
Лоб высокий, вдохновенный взгляд –
Вот каким писателя обычно
Представлял я много лет назад...
Вдруг приехал к нам Иван Ерошин,
Сибиряк, лирический поэт.
Галстук – где он? Пиджачок поношен.
Никаких писательских примет.
Я глазам не верил: неужели
Этот скромный, тихий старичок
Пишет книги? Пишет, в самом деле.
Мастер слова, автор дивных строк...
Чем-то был сродни ему Замойский.
Помню день: в редакции «среда».
Гость приходит – весь какой-то
свойский,
С первой встречи близкий навсегда.

Местный автор, формалист изрядный,
Рассыпал нещадно треск и гром.
Пётр Иваныч, слыша стих нескладный,
Ждал конца с тоскующим лицом.
И когда дошло до обсуждения,
Всех зажёл критический накал,
На вопрос: «Какое ваше мнение?»,
Он, смутясь немного, отвечал:
– Я, друзья, в стихах не разбираюсь,
Дров с моей оценкой нарублю...
Из стихов теперешних, признаюсь,
Одного лишь «Тёркина» люблю...
Не гадал я снова повстречаться.
Довелось. В Москве на этот раз.
О своей работе отчитаться
Посылал птенцов своих Кузбасс.
Круглый стол в уютном вестибюле.

За столом – мы двое с земляком.
Смотрим вдруг: присел вблизи на стуле
Человек. Да он же нам знаком!
– Что, видать, приезжие, ребята?
– Из Сибири, – мы ему в ответ. –
Не узнали? Вы у нас когда-то
Гостем были на одной из «сред».
Пригляделся, вспомнил даже имя.
– Рад знакомым! Как идут дела?
И легко, как будто меж родными
За столом беседа потекла.
Пётр Иваныч сильно изменился:
Потучнел, дыханье с хрипотцой...
«Вот писатель, – помню, я дивился, –
А какой простецкий, добрый, свой!»

Любит слово крепкое и шутку,
Как герои книг его живых.
Не «Казбек», наверно, – самокрутку
Курит он в часы трудов ночных.
Не ему, таланту из народа,
Говорить бы с горечью о том:
Не дала, мол, счастья мне природа –
Создавать за томом новый том...
– Вы в народ лишь веру не ослабьте, –
Мне сказать хотелось в этот миг. –
Ваш «Подпасок», «Молодость» и
«Лапти»
Для народа стоят многих книг!..
*// Комсомолец Кузбасса. – 1970. –
24 ноября.*

НАШ ПУШКИН

Кто, с детства в Пушкина влюблённый,
не повторял всю жизнь потом:
«У лукоморья дуб зелёный;
златая цепь на дубе том».
Опять лучи скользят по крыше,
листва росой блестит, шурша.
Во всём, что видим мы и слышим,
живёт, друзья, его душа.
Поют гудки над нашим краем,
среди тайги дворцы встают,
и мы невольно вспоминаем:
«Не пропадёт ваш скорбный труд».
Да, верил он, певец кудрявый,
предвидя светлые года,
что станет делом чести, славы
наш труд, свободный навсегда.
...Когда в эфире на рассвете
звучит знакомое: «Москва»,
мы, вспоминая о поэте,

твердим крылатые слова:
«Москва...
Как много в этом звуке
для сердца русского слилось!»
Он жив!
И не было разлуки,
хоть больше века пронеслось.
Не он ли, Пушкин,
в дни ненастья
пророчил с гордостью для нас
звезду пленительного счастья,
что над страной горит сейчас.
И ту свободу, что когда-то
восславил наш родной поэт,
его потомки ныне свято
хранить клянутся сотни лет.

*// Комсомолец Кузбасса. – 1974.
– 8 июня.*

Помню я признанье друга Саши,
Хоть он был не так ещё и стар:
– В возрасте таком, в летах, как наши,
Каждый день – подарок, божий дар...

Памяти Александра Волошина
Жизнь прожить стараемся недаром,
До вечерних зорь с трудом дружить.
Но, бывает, этим божьим даром
Начинаем поздно дорожить...
// Комсомолец Кузбасса. – 1981. – 23 мая.

ПЕВЕЦ ПРИРОДЫ

Не знаю, берёт ли он в плен кого,
Волнует ли чьи-то сердца,
А я всё читаю Рыленкова,
Российской природы певца.

Как дом со счастливой подковою,
Любил он земную красу.
И пью я струю родниковую
В его солнцеликом лесу.

// Комсомолец Кузбасса. – 1982. – 9 сентября.

Я ПОМНЮ ИСТОКИ...

Как бы написали некоторые наши поэты о своей работе в газете:

Геннадий ЮРОВ

Вся жизнь – это речка с кипучим
движеньем,
От берега к берегу все мы плывём...
Горжусь я любимой газете служеньем,
Душевный огонь, вдохновение в нём!
Я помню истоки. Я помню: волнами
К редакции мягко прибило меня.
Спасибо судьбе! Но, сказать между
нами,
С тех пор я не ведал спокойного дня.
Один – за штурвалом, другой у
вагранки,
Кому что дано на земле и у звёзд.

А мне вот – шрифты, строкомеры и
гранки.
Нелёгким был хлеб – секретарский тот
пост!
Я взбучку давал тем, кто тянет резину,
Кто к точному слову на ухо тугой.
А чтоб волновала всех жизни стихия,
Чтоб пели в сердцах у людей соловьи,
С какою охотой печатал стихи я,
Почаще – чужие, пореже – свои...
О, волны житейские в солнечном свете!
Вы сделали то же, что было и встарь:
Тогда секретарствовал скромно в газете,
Теперь у писателей я секретарь.

Владимир МАТВЕЕВ

Я путь в газете вспомнить рад,
Не знаю дней прекрасней!..
Корпит над очерком собрат,
А я ... тружусь над басней.
Его редактор за брачок
Отчитывает резко.
А у меня – не дурачок! –
Готова юмореска.
Звонит собрат куда-то там
Насчёт садов, угодий,
А я тем временем создам
Наброски для пародий.
Пусть выполняет кто-то план
По сбору информации,

А я поэтов множу клан,
Мне есть чем заниматься!
Но вышел боком – не забыть
Мне этот самый фактор.
– Поэтом можешь ты не быть? –
Вдруг спросил редактор. –
Ты у редакции в долгу,
Бездельник! – молвил твёрдо.
– Не быть поэтом не могу! –
Ответствовал я гордо.
Когда сказал бы, что могу,
Не стать бы мне поэтом...
Редактор Троицкий – ау! –
Вы помните об этом?

Валентин МАХАЛОВ

Я был отличный очеркист
С отменной, крепкой хваткою.
Украсить мог газетный лист

Простой заметкой краткою.
Любое, сделанное мной,
Подобно было золотцу.

Сейчас завидую порой
Себе – младому молодцу.
Иного лирика-творца,
Что скромн был по-девичьи,
Тогда для красного словца
Пушил я, не жалеючи.
С тех пор немало лет прошло.
В добре их воплощение.
За то содеянное зло
Прошу, мой друг, прощения!
Увы – былого не вернуть,

Вся жизнь – одно мгновение.
Уж сам я юным «В добрый путь!»
Даю благословение.
Но пусть полвека скоро мне –
Хандрой себя не мучаю.
Я с молодыми наравне
Могу подраться к случаю.
Силёнка есть. Кулак тяжёл...
Газету чту по совести:
Я с нею славный путь прошёл
От очерка до повести!
// Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 5 мая.

*** **

***САМОЕ ПОСЛЕДНЕЕ
ИЗ ОПУБЛИКОВАННЫХ
ПРИ ЖИЗНИ СТИХОТВОРЕНИЙ***

НЕ ЗАСТОЙНОЕ, НЕ ЗАСТОЛЬНОЕ – КОРВАЛОЛЬНОЕ

Фельетон

От полочки живём до полочки,
Еле сводим с концами концы.
Хоть дошли с перестройкой до ручки,
Хвалим сами себя: – Молодцы!
Молодцы, что не знаем простоя
В говорильне с трибун и со сцен,
Что, пройдя сквозь болото застоя,
Мы свернули на путь перемен.
Перемены? Пустые прилавки –
Ни поесть, ни надеть, ни обушь.
Только в винном так плотно от давки,
Что трещат аж и рёбра, и грудь.

Ладно, мы своё выпили, хватит –
Не один уж решил человек...
Ну, а если вдруг сердце прихватит?
Корвалол-то исчез из аптек.
Это тоже борьба с алкашами?!
Корвалол, говорят, на спирту.
Знай, сердечник, не хлопай ушами:
Не должно быть спиртного во рту!!!
Всё же дяди минздравские притки:
Вспомнив годы в огне и в дыму,
ВETERАНА поздравят в открытке
С пожеланьем ЗДОРОВЬЯ ему!

*// Комсомолец Кузбасса. – 1990.
– 13 марта. – С. 4.*

*** **

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

МОЙ ДРУГ

Не умеет он делать карьеру,
Мой простой и застенчивый друг.
Щепетильный, быть может,
не в меру,
Пофорсить не выходит на круг.

Презирает он тех, кто в экстазе
В грудь хвастливо стучит кулаком,
Кто заводит полезные связи,
Чтобы славы достигнуть рывком.
Пусть кому-то тщеславья отравя –

Словно гостя желанная в дом.
 Знает он: настоящая слава
 Добывается только трудом.
 И работает он помаленьку
 По высоким, большим образцам.
 И не к славе он ищет ступеньку,
 А к людским драгоценным сердцам.
 Чем труднее даются успехи,
 Тем дороже, отрадней они.

Ну, а шумной рекламы доспехи
 Для него побрякушкам сродни.
 Он идёт по дорогам тернистым
 И в своей правоте убеждён...
 Нет, не будет мой друг карьеристом,
 Потому что поэтом рождён.

// *Комсомолец Кузбасса*. – 1966. –
 4 сентября.

Вкладка № 3:

Михаил НЕБОГАТОВ

СКОРЫЙ ПОЕЗД ВДОХНОВЕНЬЯ

Известный кузбасский поэт Михаил Небогатов много лет ведет большую работу с начинающими литераторами. К нему обращаются за советом многие земляки, делающие первые шаги в поэзии.

Отвечая на письма людей, пробующих свои силы в литературе, М. Небогатов параллельно и, может быть, в какой-то степени невольно работал над циклом стихов о сущности поэтического творчества. Публикуя сегодня эти стихи, редакция адресует их, разумеется, не только начинающим поэтам, но и всем нашим читателям.

Не в словах красных дело,
 Чтоб строка была крепка.
 Отыскать их, скажем смело,
 Это проще пустяка.
 Благо есть на то сировка.
 Но не радуясь, постой.
 Вот поймал ты слово ловко,
 А оно — лишь звук пустой.
 Не волнуется и не греет,
 Волновать и греть любви.
 Даже, кажется, краснеет
 За себя и... за тебя.
 Видишь с горечью большою,
 Понимаешь, в чем секрет:
 Ничего-то за душою
 У тебя сегодня нет.
 Если было бы в ней что-то,
 Радость, грусть ли, гнев ли, злость —
 Слово, пойманное с лета,
 Вбил бы в строчку, словно гвоздь!

☆☆☆

Любил я в детстве посады отход...
 Еще состав недвижен у перрона.
 Толпится провожающий народ.
 И шлат и смех — у каждого вагона.
 Отыранные фразы и слова,
 Гармонь и ще-то пьяненькое пенье...
 Вдруг в колокол ударит — раз и два.
 Целуйтесь поскорее — отправленке!
 Рывок. Тойчок — сперва чуть-чуть назад,
 Потом вперед, вперед — сильней, быстрее.
 С перрона все весело глядят,
 А из вагонов — будто сожалел,
 Их мысли где-то очень далеко,
 У нового, иного перегона...
 Плышет состав свободно и легко
 Вдоль бестолково-шумного перрона.
 Вот и вагон последний отстучал
 Скороговоркой бойкой и веселой.
 И паровоз задорно прокричал,
 И легок на ходу состав тяжелый.
 Мелькнул за поворотом и пропал.
 Растял дым над будкою, над башней...
 И только в пятнах масла серость шпала,
 Да рельсов звон — уже как день
 вчерашний.

А поезду такой простор открыт,
 Что выразит лишь песня, а не слово.
 Он мчит на всех парах. Почти парит
 Железным чудом, что взлететь готово.
 ...Недавно над листом перо твоё.
 Но вот едва заметное скольжение —

Мысль набирает ход. Сейчас ее
 Подхватит скорый поезд вдохновенья!

☆☆☆

По капельке-словечку
 Скоплю я свой ручей.
 Журчи, вливайся в речку.
 Чей путь — в простор морей.
 Ахось в минуту жажды,
 Верши нелегкий путь,
 Из речки той однажды
 Наньется кто-нибудь.

☆☆☆

Как в человеке, и в стихах
 Должно быть все прекрасно...
 Не делай строчки впопыхах,
 Коль видишь суть неясно.
 Не всем порывам доверяй.
 А только добрым самым,
 Что бьют из сердца через край —
 К другому сердцу прямо.
 Когда привольно, как в степи,
 И мысль и чувство вымалешь —
 Ты их соавучьям скрепи
 И ладом. Не мудри лишь.
 Строй стих несуетно, как дом,
 Неспешно, но и живо.
 И пусть все будет в доме том
 И просто и красиво!

☆☆☆

Стих без рифмы почему-то белым
 Нарекли ученые мужи.
 Что же. Будь раскованным и смелым,
 О соавучьях-рифмах не тужи.
 Пробовал добраться я до сути
 Этого особого стиха —
 Строчки рассыпались вроде ртутки
 Или как росинки с лопуха...
 По душе мне строгий стих певучий.
 Ну, а в белом можно так и сик.
 Перед трудным поиском соавучий
 Поднимает он свой белый флаг.

☆☆☆

Пушкин — наше небо. Все под ним.
 Перед ним подобны мы пигмеям.
 С маленьким багажником своим
 Смотрим в это небо и немеем.
 А вдали — и рожи и холмы.
 Манят нас.
 И был бы путь несносен,
 Если б не надеялись и мы
 На свою
 На Болдинскую осень.

КОГДА ТЕБЕ ВСЕ ЛЮДИ ХОРОШИ...

Михаилу

Небогатову —

60

Нашему старшему товарищу, нашему пристрастному наставнику, известному кузбасскому поэту Михаилу Небогатову исполнилось 60 лет. Мы сердечно поздравляем его от имени всех читателей газеты. Мы желаем ему всегда оставаться молодым. Пусть прозвучат его новые стихи в молодежной поэтической рубрике.

Не терплю я образной красноты,
И скажу попороче без динкрас:
Странно до селки дождя, до сивости,
Выставляя всю душу напоказ,
Странно в стих любовный вздур
уаариться...
Только что поделать без луча
Не черствеет с возрастом, не старится,
Вольным ветром юности дыша.

Когда у нас согласье мир —
Готов свернуть я горы,
Но целый свет и сер и сир
От самой мелкой сорки.
Все так немало для души,
Уста лет в златире...
Как нам добиться подсканки,
Чтоб жить лишь только в мире?

Ты как где-то на том берегу,
Не роса между нами — лучина.
И томит меня злая кручина.
Не могу без тебя, не могу...
Вспоминую цветы на дугу,
А за окнами — осень, несчастье...
Жизнь в разлуке — такое несчастье,
Не могу без тебя, не могу.

Милая, милая милая —
Как заклинанье, шепчу,
Тайной прикованным смыслом,
Сердцем к тебе я лечу.
Если б и ты с этой мукою
Зналась, нежней становясь,
Крестла бы с навядой разлукою
Наша духовная связь.

Жизнь в столице неле в глуши,
Душа легко и больно ранится,
Когда одна она, как странница,
Не знает родственной души...
Благодарю судьбу свою —
За то, что так ведется несчастье,
Что я к тебе — к надежной

пристанке —
В часы невзгоды пристаю.

Бывает состояние души,
Какоето почти необъяснимое,
Когда тебе все люди хороши,
И все вокруг — особенно любимое.
Вот этот миг — смиренность и покой,
До сладкой боли ты и своей

единственной
Весь переполнен нежностью твоей,
Что эта нежность кажется
тайственной.

Была ты смолоду, как мать:
Добра, нежна сердечна,
Тепла тебе не занимать —
Оно с тобой, известно.
И потому ты мне всегда
Мила, в разномысле даже...
Идут года-идут года,
А ты все та же, та же.

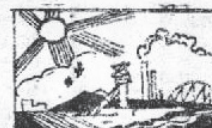
Тебя, мою хорошую, родную,
С кем прошагал немалый путь земной,
Случается, мучительно ревную
К сопернику придуманному мной.
Он — дым, воображение, и все же
Я с ним, незримым, в мысленной

войне...
С годами дорожее нам дорожее,
Любимое — любимее вдвойне.

Рано проснулся, еще не светало,
Быстро поднялся. Теперь не до сна,
Ты прилетаешь! Так празднично стало,
Будто прямчать обещалась весна.
Будто уже расцветают газоны
Там, где лежат еще снега мазики...
Встречи, прощанья, всегда вы
бессонны.

Радость и горечь, как сестры, близки.

После расставанья, даже краткого,
Под порошей или же листвою,
Ты найдешь счастливейшее навядь кого-то,
Чем твой друг, слуга покорный твой.
Ласково, улыбочиво, доверчиво
Добрые глаза твои глядят.
Я готов ловить с утра до вечера
Все, что говорит мне этот взгляд.

Михаил
Федотов

Сонеты

Бранят тебя нине, молодежь,
Что, дескать, ты такая и ская,
Что ты не той дорогою идешь —
Такой, куда, мол, вывезет кривая.
Что ты на всем готовеньком являешь,
Не сеешь и не жнешь, легко порхая,
Не так танцуешь и не так поешь...
Короче говоря, во всем плохая.
И невдомек брюзгливым ворчунам,
Что ты могла б ответить им по праву:
А кто же в новым далям, временах
Несет своих отцов и дедов славу?
Кто, если вновь гроза нагрянет к нам,
Собой заслонит свою державу?

Все знаем, на земле мы только гости.
Но мы судьбу за это не клянем.
Наш неизбежный холмик на погосте
Всегда далеким кажется нам днем.
На праздниках, в любом застольном тосте
Друг друга к счастью, к радости зовем.
Тех, кто хандрит, подбадриваем: «Бросьте!
Еще мы позволим, пожизнем!»
Идем. И легких троп не выбираем,
Нам по душе, которые трудней.
Скорбим, когда родных, друзей тераем,
Но в скорби любим жизнь еще сильней.
И если от чего-то вдруг спораем,
То чаще от любви безмерной к ней.

С каким азартом наши мужчины —
Простые, добродушные натуры —
По вечерам играли в городки,
В пух разная разная фигуры!
Летели от бакалки чурбачки,
В пыли, в траве черти фиоритурки.
Подпрыгивали, будто лоплявки.
У тына зазевались куры...
Мы, дети, подражали мушкетам —
Играли чуть в сторонке до заката.
Замах, бросок, удар по городкам —
И городки, как брызги, из квадрата!
...Как грустно, что теперь по вечерам
В ходу иное: — Сбросился, ребята?

Мальчишкою я был совсем не хилый,
Но даром никого не задевал.
Запомнился соклассник мой, верзила,
Который мне проходу не давал.
Нашадки эти были так постылы,
Что я себя однажды не сдержал.
Обидчика ударил что есть силы —
Он вдруг упал. Вскочил и... побежал.
Я в ухо залезил не инвалиду,
А драчулу, что мог меня поднять.
И понял, что нахалов, смелых с виду,
Легко мы можем в трусов обращаться.
Но почему ж даем себя в обиду?
Там, где отпор достойный нужно дать?..

О мудрости пословиц, поговорок
Узнал я не из книг и словарей —
От матери, чей образ сердцу дорог
С шагов начальных до последних дней.
Казалось, даже вечер в щели шторок
Из-под седых заглядывал бровей —
Послушать, что сквозь морок, выюги шорох
Откроет память матери моей.
А это было памятью народа.
Я все спешил в тетрадку занести.
Не лезь, мол, в воду, коль не знаешь брода.
Мол, жизнь прожить — не поле перейти...
И слышал я, как выюга-леногода
Шептала мне: — Запомни все. Учти...

// Комсомолец Кузбасса. - 1977. -
10 сентября. - С. 4.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

От составителя	3
Глава I. «РАЗНЫМИ ГРАНЯМИ...» (РЕЦЕНЗИИ, КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ СОБРАТЬЕВ ПО ПЕРУ):	
М. Небогатов. Поэт мыслит образами (По страницам рукописей). // Кузбасс. – 1957. – 6 марта. – С. 3.	5
М. Небогатов. О стихах и простом читателе. // Сибирские огни. – 1958. – № 8. – С. 3.	9
М. Небогатов. Поэзия переднего края. // Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 4 октября. – С. 3.	13
М. Небогатов. «Моя работа – моя любовь». // Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 1 ноября. – С. 3.	16
М. Небогатов. О будничном – поэтично. // Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 21 марта. – С. 3.	19
М. Небогатов. Поздравляем, Виктор! (Поздравление Виктора Баянова с принятием в члены Союза писателей РСФСР). // Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 17 октября. – С. 3.	21
М. Небогатов. Сын Шории (О Степане Торбокове). // Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 5 декабря. – С. 1.	23
М. Небогатов. «Я здесь свой...» (О новом сборнике стихов Владимира Измайлова). // Комсомолец Кузбасса. – 1966. – 20 февраля. – С. 3.	24
М. Небогатов. Слово о молодых / Критика и библиография. // Огни Кузбасса. – 1967. - № 1. – С. 104.	26
М. Небогатов. «Я стою за тебя, доброта!» (О новой книге Игоря Киселёва «Ярославна»). // Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 17 сентября. – С. 4.	34
М. Небогатов. Какой земле принадлежим... / Слово – критике. // Огни Кузбасса. – 1969. - № 1. – С. 63.	38
М. Небогатов. Второе рождение (О творчестве поэта Геннадия Юрова). // Комсомолец Кузбасса. – 1969. – 1 февраля. – С. 3.	46

М. Небогатов. Память сердца / Слово – критике (О поэте Михаиле Борисове). // Огни Кузбасса. – 1970. - № 3. – С. 80.....	48
М. Небогатов. Поиски и находки / Критика и библиография (О поэте Владимире Матвееве). // Кузбасс. – 1973. – 26 декабря. – С. 4.....	51
М. Небогатов. Хорошее начало (О первой книге стихов Любови Никоновой «Скрипичный ключ»). // Кузбасс. – 1974. – 13 июля. – С. 4.....	53
М. Небогатов. Неотложная служба души (О новой книге стихов Игоря Киселёва «Человек приходит к человеку»). // Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 14 октября. – С. 4.	55
М. Небогатов. Истинный лирик (Штрихи к портрету Николая Пискаева). // Комсомолец Кузбасса. – 1980. – 3 января. – С. 4.	58
М. Небогатов. Как в чистой горнице... (О первой книге стихов Алексея Томилова «Красно яблоко»). // Комсомолец Кузбасса. – 1980. – 4 мая. – С. 4.	61
М. Небогатов. Своей дорогой (О первой книжке стихов поэта Виталия Крёкова «Лицо твоё»). // Комсомолец Кузбасса. – 1980. – 15 июля. – С. 4.	63
М. Небогатов. От Пушкина никуда не уйти... (Отзыв о последней работе Александра Ибрагимова – поэме «Прогулка»). // Комсомолец Кузбасса. – 1981. – 17 января. – С. 3.	65
М. Небогатов. Радостное единство (О поэте Валерии Зубареве). // Комсомолец Кузбасса. – 1982. – 16 марта. – С. 4.	67
М. Небогатов. Любовь и боль... (О книжке Павла Майского «Высокие туманы»). // Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 2 июня. – С. 3.	69
М. Небогатов. Разными гранями... / Критика и библиография (О книжках стихов молодых кузбасских поэтов Ивана Полунина, Николая Колмогорова, Александра Ибрагимова и Валерия Ковшова). // Кузбасс. – 1983. – 8 сентября. – С. 4.....	71
М. Небогатов. Поэзия ни о чём? / Точка зрения (Полемическая реплика на рецензию Василия Попка на кассету стихов кузбасских литераторов «Первый горизонт»). // Комсомолец Кузбасса. – 1985. – 3 октября. – С. 3.	74
<i>ВКЛАДКА № 1 (иллюстрации)</i>	75

Глава II. «...НЕБОГАТОВ – ЭТО ТОЖЕ КУЗБАСС» (КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА):

На «среде» литгруппы. // Кузбасс. – 1945. – 5 декабря. – С. 8.....	78
М. Юмов. «Солнечные дни». // Сибирские огни. – 1952. - № 5. – С. 176.....	78
Ф. Мальцев. Первый сборник / Критика и библиография. // Огни Кузбасса. – 1953. - № 6. – С. 223.....	80
А. Смердов. Стихи о кузбасских шахтёрах. // Сибирские огни. – 1954. – № 1. – С. 170.....	86
А. Павловский. Стихи М. Небогатова. // Комсомолец Кузбасса. – 1954. – 4 июля. – С. 3.....	95
В. Блюменфельд. Заметки о языке и стиле / Критика. Литературоведение (Отрывок из статьи, касающийся творчества М. Небогатова). // Огни Кузбасса. – 1959. – № 12. – С. 95 – 97.....	97
А. Микешин. Поэзия края молодости. // Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 10 июля. – С. 3.....	102
В. Баянов. По родным просёлкам / Поэт читает поэта (О сборнике стихов Михаила Небогатова «Родные просёлки»). // Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 22 декабря. – С. 3.....	109
А. Борисов, В. Зулин. Если сердце любовью согрето... / Поэту Михаилу Небогатову – 50 лет). // Кузбасс. – 1971. – 3 октября. – С. 4.....	110
Г. Юров. Особое родство с землёй. Кузбасская поэзия. 1972. (Отрывок из статьи, касающийся творчества М. Небогатова). // Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 27 января. – С. 3.....	114
В. Матвеев. Верность родному слову / Штрихи к творческому портрету поэта М. Небогатова). // Кузбасс. – 1981. – 17 октября. С. 4.....	115
Ф. Дёмин. Россия начинается от сердца... / Поэту Михаилу Небогатову – 65 лет. // Комсомолец Кузбасса. – 1986. – 18 октября. – С. 4.....	117
Н. Окунева (Инякина). «Обидно мне за простоту...». Неюбилейные заметки о творчестве кузбасского поэта Михаила Небогатова. // Родник Сибирский. – 1993. – № 13 (октябрь). – С. 2.....	118
<i>ВКЛАДКА № 2 (иллюстрации)</i>	121

Глава III. «ФОТОГРАФИИ ДУШИ» (СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ):

ПЕРВОПОЛОСНЫЕ СТИХИ:

Бессмертная книга. // Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 29 октября.....	124
Первый шаг. // Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 20 марта.....	124
Землякам – шахтёрам. // Комсомолец Кузбасса. – 1967. – 27 августа.....	125
Не гребне дней. // Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 7 сентября.....	125
Победа, Мир, Весна... (акrostих). // Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 9 мая.....	126
Свети нам всегда. // Комсомолец Кузбасса. – 1984. – 1 мая.....	126
Под стать богатырю. // Комсомолец Кузбасса. – 1986. – 30 августа.....	126
Слово о женщине. // Комсомолец Кузбасса. – 1990. – 8 марта.....	127

СТИХИ О ВОЙНЕ:

Так было; Пленные; Пуля // Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 25 ноября.....	127
Младшие лейтенанты (из цикла «Воспоминания») // Комсомолец Кузбасса. – 1977. – 7 мая.....	128

Из солдатского блокнота:

Воздушный обстрел.....	129
В полдень. // Комсомолец Кузбасса. – 1984. – 24 ноября.....	130
Моё поколение; Смертная метка. // Комсомолец Кузбасса. – 1985. – 22 июня.....	130

СОНЕТЫ:

«Бранят тебя иные, молодёжь...»; «Все знаем: на земле мы только гости...»; «С каким азартом наши мужики...»; «Мальчишкою я был совсем не хилый...»; «О мудрости пословиц, поговорок...» // Комсомолец Кузбасса. – 1977. – 10 сентября.....	131
На таёжной станции; Лунной ночью; Всё чаще; Жду писем... // Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 11 августа.....	132
Высотка. // Комсомолец Кузбасса. – 1984. – 12 апреля.....	133

Голос сердца: Венок сонетов. // Комсомолец Кузбасса. – 1985. – 21 февраля..... 133

АНТОЛОГИЯ ЛИРИЧЕСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ:

Когда тебе все люди хороши... / Михаилу Небогатову – 60. // Комсомолец Кузбасса. – 1981. – 3 октября. 136

Минуты 137

Всё в сердце моём; Твои дела... // Комсомолец Кузбасса. – 1982. – 28 января. 138

Радость; Песня; На выданье; Великодушье; Если бы... // Комсомолец Кузбасса. – 1982. – 9 сентября. 138

Под старость; Время. // Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 7 апреля. 139

И свет и сумрак...; Сердце – сердцу; Не люблю; Мать одна. // Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 8 декабря..... 139

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ:

«Не удивлять, а удивляться...» 139

«Зори вёсен со мною...»; «Я очень завидую звёздам...» // Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 14 марта. 140

Аккордеон. Лирическая поэма. // Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 12 июля. 140

О ПРИРОДЕ:

Август. // Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 30 августа..... 142

Письмо от осени. // Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 13 сентября. 143

Зной 143

Скупой дождь. // Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 8 августа. 144

Люблю. // Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 10 октября. 144

Светлы награды сентября. // Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 22 сентября. 144

ЗИМНИЕ СТИХИ:

Зиму увозят. // Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 26 апреля. 145

Морозный день. // Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 24 января. 145

Вечер в посёлке; В январе. // Комсомолец Кузбасса. – 1966. – 16 января. 146

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ:

Много их... // Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 22 марта. 147

В гостях у детства. // Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 5 июля. 147

Неповторимость. // Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 2 августа. 148

Сон. // Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 4 июля. 148

Счастье. // Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 18 июля. 149

Идут года... // Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 27 октября. 149

Помню... // Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 6 июля. 149

Сельский мир. // Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 5 декабря. 150

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ:

Степан Торбоков (переводы с шорского):

Русский язык 150

Лыжи. // Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 5 декабря. 151

Дорога; Изба. // Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 5 декабря. 151

Был у нас кайчи... // Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 14 декабря. 152

НОВЫЕ СТИХИ:

Солнце – рядом. // Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 31 мая. 152

Рыбалка; Я привёз... // Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 19 июля. 152

Октябрьское утро; Туман // Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 18 октября. 153

Мать и сын. // Комсомолец Кузбасса. – 1965 – 26 декабря. 153

Грусть; Ты прилетаешь!; Стихи ветеранов. // Комсомолец Кузбасса. – 1984.
– 19 июля. 154

ИЗ ГОТОВЯЩИХСЯ К ИЗДАНИЮ КНИГ:

Предзимье: Строки из новой книги стихов. // Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 25 ноября..... 155

«Как ты мною любима...»: из книги лирики «Земной поклон». // Комсомолец Кузбасса. – 1976. – 2 октября..... 155

Часы; Берёзовский: из двенадцатой поэтической книги «Земля моя добрая». // Комсомолец Кузбасса. – 1984. – 12 апреля..... 157

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ:

Всё по-божески (Виталий Крёков). // Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 6 января..... 158

У бабусеньки (Павел Майский). // Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 31 марта..... 158

Чем пахнет водка (Владимир Державин). // Комсомолец Кузбасса. – 1985. – 21 декабря..... 159

В лесу родилась ёлочка: Как бы написали на эту тему кузбасские поэты Виктор Баянов; Геннадий Юров; Валентин Махалов. // Комсомолец Кузбасса. – 1984. – 3 января..... 159

В МИРЕ МУЗ:

Агроном. // Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 24 января..... 160

Радуга на столе. // Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 27 октября..... 160

«Зной, как вино в бокале дня...»; «Что-то спать этой ночью не хочется»; «Ещё не рассвет, а намёк на него...»; «В саду перед домом одни воробьишки...»..... 161

«Надоело солнцу печь...». // Комсомолец Кузбасса. – 1979. – 4 августа..... 162

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТВОРЧЕСТВЕ:

Родство; Телефон. // Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 9 февраля..... 162

Встреча с поэтом. // Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 22 марта..... 163

О графоманах. // Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 14 июня..... 163

Кленовый листок. // Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 15 июня..... 164

Скорый поезд вдохновенья (подборка стихотворений о сущности поэтического творчества): «Не в словах красивых дело...»	164
«Любил я в детстве поезда отход...»;	
«Как в человеке, и в стихах...»; «По капельке-словечку...»; «Стих без рифмы...».....	165
«Пушкин – наше небо...». // Комсомолец Кузбасса. – 1976. – 24 июля.	166

СОБРАТЬЯМ ПО ПЕРУ:

Река (Александр Пинаеву) // В книге: СВЕТ В ОКНЕ. – 1969. – С. 138.....	166
Виктору Баянову («Есть у меня поэт любимый...») // В книге: МАЙСКИЙ СНЕГ. – 1966. – С. 53.	166
Жаворонок (Памяти Анатолия Саулова). // В книге: СВЕТ В ОКНЕ. – 1969. – С. 40.....	167
Дорогие имена (Иван Ерошин, Пётр Замойский). // Комсомолец Кузбасса. – 1970. – 24 ноября.....	167
Наш Пушкин. // Комсомолец Кузбасса. – 1974. – 8 июня.	168
Памяти Александра Волошина. // Комсомолец Кузбасса. – 1981. – 23 мая.	168
Певец природы (Николай Рыленков). // Комсомолец Кузбасса. – 1982. – 9 сентября.	169
Я помню истоки...: Как бы написали некоторые поэты о своей работе в газете: Геннадий Юров; Владимир Матвеев; Валентин Махалов. // Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 5 мая.	169

САМОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ИЗ ОПУБЛИКОВАННЫХ ПРИ ЖИЗНИ СТИХОТВОРЕНИЙ:

Не застойное, не застольное – корвалольное: Фельетон. // Комсомолец Кузбасса. – 1990. – 13 марта.	170
--	-----

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ:

Мой друг. // Комсомолец Кузбасса. – 1966. – 4 сентября.....	170
<i>ВКЛАДКА № 3 (иллюстрации)</i>	171

Литературно-художественное издание

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕБОГАТОВ

«ФОТОГРАФИИ ДУШИ»

Критические статьи и рецензии.

Стихотворения разных лет.